

Тяжело дышать.

Глубокий вдох ртом.

Не помогло.

Повернула голову набок — вдруг станет легче. Вдох-выдох. Бесполезно. О продолжении сна не могло быть и речи. Не хватало воздуха. Пришлось открыть глаза. Картина, выплывшая из мутного зарева дымчатых клубов, завораживала. Завораживала своей бессмысленностью и убогостью фантазии художника, приложившего кисть к ее созданию. Все что я могла разглядеть — это две вещи: дым и крюк. Занятно.

Я лежала на каменном полу — важное дополнение: на грязном каменном полу, и не могла сообразить, что происходит. Единственные мысли пришедшие в голову сообщали следующее: подо мной пол, надо мной крюк, вокруг меня дым. Что здесь делаю — вычищено из памяти до белых пятен. Но отсутствие воспоминаний прекрасно подменено уверенностью в том, что, во-первых, мне еще холодно. Во-вторых, крюк не мой. В-третьих, крюк — это вообще не то, что хочется видеть после пробуждения. Дым — тоже. Но его скорее не хочется вдыхать. В-четвертых, в голове до сих пор звучит обрывок фразы, пойманной сознанием в полудреме: «пожар! горим!» и прочее в подобном духе. Это могло означать, что я сошла с ума, или нахожусь в помещении, которое горит. Поскольку первое казалось неактуальным, я остановилась на втором.

Воздуха все еще не хватало.

Я попыталась подняться, но сил хватило только перевернуться и привстать на колени. Глаза резало дымом. Горло нестерпимо жгло. Еще раз сильно закашлявшись, я оторвала кусочек ткани от разорванной юбки и приложила ее ко рту, чтобы хоть как-то защититься от дыма. Кое-как приподнявшись я сделала несколько шагов вперед. Ноги подкашивались. Прошла вечность прежде чем я натолкнулась на шероховатую стену и смогла к ней привалиться. Слабость буквально сбивала с ног.

"Не может же она быть сплошняком и без дверей, — подумала я, двигаясь вдоль стены. — Если конечно это не лабиринт. Пожалуйста, пусть это будет не лабиринт».

К тому моменту, когда рука провалилась в пустоту проема, в голове стало как-то легко-легко и кристально чисто, словно у новорожденного младенца. Пришлось еще раз собраться с силами, чтобы заставить себя идти к долгожданному выходу, который предстал в виде лестничных ступенек, поднимающихся вверх.

"Я в подвале и это путь к спасению, — быстро прикинула я. — Или я на первом этаже и это путь на крышу".

Я схватилась за перила и направилась вверх, подстегивая себя мыслью, что лечь и умереть на снежно-ледяной лестнице, задохнувшись от угарного газа, вряд ли входило в список десяти вещей, которые я обещала себе сделать до замужества. Как собственно и умереть любым другим способом, но учитывая сложившуюся ситуацию, «от дыма и на лестнице сейчас» не хотелось больше всего.

Двумя пролетами выше, когда зажженные на стенах факелы больше не являлись частью непонятого декора, я врезалась носом во что-то твердое.

Больно.

— Эй! — я с силой ударила кулаком в дверь, когда та не поддавалась. — Помогите!

Я сползла на пол прижимаясь к двери. Через замочную скважину был виден свет и тянуло свежим воздухом. Там был выход. Но дверь не открывалась и упорствовала в своем намеренье стать одной из причин моей смерти, словно я ее кровный враг и помогать мне нельзя ни в коем случае.

Глаза закрывались или уже были закрыты? Темнота ласково сменялась уютом. Тихий мужской голос убаюкивал сознание, обещая новую жизнь. И казалось, что никуда я так и не смогла добраться, а до сих пор лежу на каменных плитах странного зала. А надо мной весит крюк. Здоровенный такой и ржавый. Куда же без него?

В голове заиграли успокаивающие образы белых орхидей, бережно опущенных на гладь воды, из глубин которой мне улыбался кто-то знакомый.

Я уже больше не задыхалась.

Все было правильным.

В лицо ударил холодный поток воздуха, пробирая до самых костей.

Клянусь больше не пить, — первым делом решила я, когда перед глазами начали плясать огни: один большой и почти не двигался, второй продолговатый и все время неритмично ворочался. Когда один из огоньков склонился надо мной и начал говорить, я зареклась, что если пить все-таки буду, то отныне это будет что-то проверенное, в малых количествах и не сопровождающееся фразой "смотри какую потрясающую штуку я достала у зельеваров".

— Дышит? — произнес огонек побольше.

— Дышит, — подтвердил длинный огонек.

— Жить будет? — продолжал первый.

— Жить будет.

— И долго?

— Тцц... Не сейчас. Руми, вы меня слышите?

Говорящие огоньки, рехнуться можно! Можно было бы, да поздно.

Я моргнула еще несколько раз, сгоняя морок и закашлялась в диком приступе.

— ...слышите?...слышите?

Да свались ты со скалы и навернись на выступе три раза, слышу я, слышу! Занята, дышать пытаюсь, не видно что ли?

Раздражительность проснулась раньше других чувств. Желтые огоньки тем временем трансформировались в подобие человеческих фигур. Мгновение спустя я смогла разглядеть двух мужчин, громадными тенями нависающими надо мной. У обоих в руках было по горящему живым огнем факелу.

— Чего она молчит-то? — задал вопрос полноватый мужчина.

— Господин Чабер, ну в самом деле, а что ей говорить? — удивился второй мужчина. — Вы бы ей лучше руку предложили, да встать помогли.

— А, да-да. Точно. Сейчас... я это... секундочку, — он начал забавно суесться, только чудом своими пассажами не поджег мантию собеседника.

Ухватившись за протянутую руку я смогла подняться. Мир недоверчиво пошатнулся, неуверенно принимая правильное положение.

— Холодно, — наконец смогла заговорить я, пытаюсь толком оглядеться. Получилось не

лучше, чем у слепого котенка. На дворе стояла непроглядная темень и от двух факелов почти не было толка. Улица не желала быть узнанной, как и двое незнакомцев пред мной. И да — я на улице, на том долгожданном открытом пространстве, которого обычно так не хватает в подвале горящих зданий.

— Я выбралась? — решила уточнить очевидный факт. — Как долго я была без сознания? Кто вы такие? — вопросы сменялись один за другим и задавались не только потому, что должны были быть заданы. В голове царила какая-то невнятная пустота, и хотелось ее хоть чем-то заполнить.

Я чуть сдвинулась в сторону от мужчин, запоздало понимая, что этих людей я не знаю, и быть они могут кем угодно, даже теми, кто изначально затащил меня в горящее здание. То что они не спешат сделать какую-то гадость и вежливо ведут диалог, ничего не значит. Мнимая иллюзия безопасности, не более.

— Кто вы такие? — уже более угрожающе спросила я. — Отвечайте или...

Или что?

Я подняла руку и мой взгляд озадаченно остановился на запястье, на котором не было ничего, что могло бы защитить. Вместо этого перед глазами промелькнули очень смутные образы, не желавшие оформиться во что-то привычное и понятное. Как будто исчезла какая-то связующая нить, способная собрать все воедино.

— Ну что же вы, господин Чабер, заставляете милую руми нервничать. Представьте же нас ей.

— Эээ...да-да. Я — Венс Чабер, провожу расследование в связи с исчезновением адептов. А этот "зеленый стручок", — мужчина кивнул в сторону долговязого, — мэтр Кейд из Академии. Как раз один из Ваших будущих преподавателей. А остальные... — он обернулся назад, и удивленно пожал плечами — ...куда же они подевались?

— Рада знакомству, — я сумела воспользоваться зачатками этикета, отмахнувшись от мысли присесть в реверансе. — Позвольте представиться, я...

И тут пустота в голове проявила всю подлость своей красоты и спокойствия. Такой наглой подставы в самый ответственный момент от своей памяти я не ожидала.

Пауза затягивалась. Паника приветливо предложила свои услуги.

— ... я не знаю что происходит, — неуверенно закончила я.

— Как я вас и предупреждала, — из темноты раздался звонкий голосок, вслед за которым появилась женщина в потрясающе красивом платье, украшенном целым каскадом кружев, лент и искусственными цветами, удачно гармонирующими друг с другом. На смену паники тут же пришла зависть и осознание, что я в грязной порванной одежде, которая почему-то слегка велика, словно снята с чужого плеча.

Женщина победно усмехнулась мужчинам и протянула мне простенький кошель и идентификационный Знак.

— Это ваше, — сказала она. — Никаких посторонних заклинаний. Все чисто. Поздравляю с переводом в нашу Академию, руми Латер. Я — Прия Парнс, у вашего курса буду преподавать основы плетения пассивных заклинаний и магический этикет.

Я взяла предложенные вещи и недоверчиво уставилась на вспыхнувшую на знаке надпись "Китра Латер. Второй курс, общий поток". На кошельке ни единого элемента вышивки. Имя совершенно чужое, не дающее какого-то внутреннего отголоска. Вместо прозрения появились иные эмоции.

Да вы издеваетесь! Я студентка?! Студентка магической Академии? А можно мне еще

кипятком в лицо плеснуть, ну так, чтобы картину дополнить. Это конечно хорошо, что я не оборванка с улицы и не беглая заключенная, но можно же было оказаться и пропавшей наследницей престола или тайной любовницей посла из далекой и загадочной страны! Но, нет, я — студентка. Никакой жизненной интриги.

Я постаралась прицепить жетон к полуоторванному воротнику и почувствовала, как несколько капель начинающегося дождя коснулись моей руки. Скоро разразится ливень.

— Академия, адепты. Две третьих проблем именно от них. Учи их, не учи, хоть бы не попадались так наивно что ли, — в сердцах бросил толстячок. — Кхм... Вы что-то помните руми?

— Да прекрати, — вмешалась Прия Парнс. — Я все объяснила, когда проводила экстренное лечение руми Латер от последствий пожара и посторонних чар. В ее голове царил такой хаос из обрывочных и несовместимых заклинаний, что пришлось все убирать. А там столько всего уродующего психику скопилось, что воздайте хвалу Свету, Стихиям или какому-нибудь кустарнику, что девушка в своем уме! Большая часть памяти восстановится, но не сию же секунду! Допросите в другой день, когда она успокоится и придет в себя. Вам ясно, господин Чабер?

Я хотела возразить, что помню как выбиралась из пожара и что был крюк, но вовремя прикусила язык. Огромная капля дождя соскользнула с крыши и плюхнулась мне на нос. Я не удержалась и громко чихнула. Дождь усиливался и обещал разойтись не на шутку. А мы стояли посреди пустынной темной улицы. Представитель закона внезапно пробормотал «ах да, холод, плащ». И начал делать странные движения в попытке стянуть свою накидку. В безуспешной, в общем-то попытке. Почему-то его накидка не имела завязок, пуговиц или застежек, а была закреплена отличительным знаком, который обычно носили слева на груди или пристегивали к воротнику.

— Проклятая застежка, — зашипел господин Чабер. — Фрр...

Он дернул ворот в одну сторону, потом в другую. В какой-то момент показалось, что одежда треснет по швам. Долговязый мэтр наблюдал за его действиями несколько секунд, потирая лоб костяшками пальцев, а потом резко обернулся, и позвал кого-то из темноты.

— Эй, вы. Да-да, вы — адепт в смешной шляпе. С такими широкими полями вам совершенно не нужна защита от дождя, а этой, еще не до конца промокшей руми, он не мешает.

Из тени, словно из морской пучины, вынырнул хмурый парень и в одно мгновение оказался рядом со мной. Ни на секунду не замешкавшись с застежкой, он стянул с себя темно-синюю накидку с гербом Академии, и ловко закутал меня в шуршащую, от разбивающихся капель небесного свода, ткань.

— Что с первой пропавшей? — спросил господин Чабер.

— В карете с двумя другими нарушителями, — отрапортовал адепт Шляпа-С-Широкими-Полями. — Отходит от шока.

— Вот и славно. Забирай руми Латер и отправляйтесь все в Академию. Помогите девушке с размещением. Давайте, идите. Завтра ко мне.

— Как скажете, господин Чабер.

Хмурый парень недовольно повернулся ко мне, явно желая остаться здесь со странными преподавателями, у которых, наверное, свой детективный кружок. Иначе я совсем не понимала, зачем они все здесь и почему решают вопросы, находящиеся в компетенции внутренней стражи.

Не особо церемонясь, парень (да будет он наречен Шляпником!) подхватил меня под руку и потащил куда-то в глубь улицы. Я не стала сопротивляться и даже проглотила несколько рвавшихся наружу слов о том, что с краев его шляпы стекают водяные струйки прямо мне на плечо.

— Так, а где мэтр Сайнг? Кто-нибудь смог с ним связаться? — Последнее, что я слышала, прежде чем покинуть осто́в света, даруемый огнем факелов.

Внутри чувствовался странный дискомфорт от того, что я молча позволила распоряжаться своей судьбой посторонним людям. Совершенно не задумываясь я приняла авторитет Прии Парнс, Венса Чабер и того третьего в зеленом — как его там звали? Тепе́рь же, увлекаемая в темные подворотни забытого города, мне оставалось только корить себя за излишнюю доверчивость.

— Мы так и пойдем по темноте? — безнадежно оглянулась я назад, туда, где остался спасительные огни.

— Скоро выйдем на главную улицу — там ждет карета.

Мой сопровождающий определенно не желал блистать своими навыками общения. И какими бы талантами не наградила его природа, лично в мои — проверено только что на практике — явно не входило ночное виденье. Каждый шаг давался с трудом: то и дело я спотыкалась на ровном месте.

"Должно быть у меня сломался каблук. Вряд ли дело в катастрофической неуклюжести или наследственной кривоногости, — именно за такими мыслями и проснулась та частичка сознания, что отвечала за прагматизм, а быть может просто за жизненный реализм. Пришлось ставить зарубку о покупке новой пары туфель и платья. Те грязные ошметки, что остались на мне, не могла спасти ни одна чистка."

Пару кварталов спустя мы вышли на главную улицу, где находилась обещанная карета. Запряженные кони недовольно фыркали, тихонько постукивая копытами по мостовой. Рядом стояли двое Стражей Солнца. Они о чем-то переговаривались, то и дело, указывая на уличный фонарь. Когда мы подошли ближе, один из них вяло скользнул профессиональным взглядом по моей фигуре, интересуясь скорее наличием открытых ран или других заметных повреждений, чем мной самой в качестве женщины, а потом уточнил:

— Тоже ваша и тоже ничего не помнит?

Шляпник кивнул, открывая дверь в экипаж и помог мне забраться внутрь. Кое как взгромоздившись на сиденье и безбожно пачкая обивку, я обнаружила внутри еще троих попутчиков. Шляпник не стал теснить нашу новую сформировавшуюся компанию, и закрыв за мной дверь, направился к кучеру на козлы.

— Безумная ночь, — слышала я слова одного из Стражей, прежде чем карета двинулась. — Адепты разгуливают где ни попадя, на наших нападают, взрывы, пожары. Не самые привычные события для Старого города.

Он продолжал говорить что-то еще, но кучер скомандовал приказ и карета двинулась вперед. Цокот копыт странным образом действовал успокаивающе, а мелькавшие за окном огоньки фонарей дарили чувства нереальности и отстраненности от минувших событий.

Оказавшись погруженной в странную эйфорию и почти согрившись, я решила обратить внимание на своих невольных спутников. Тем более, что официального представления можно было уже не ждать. Раскинув все известные мне факты, я принялась строить догадки. Господином Чабером была упомянута "первая пропавшая", а Стражем "еще одна с потерей памяти". Поскольку в экипаже сидела только одна девушка, играть в великого сыщика долго

не пришлось. Первое на что я обратила внимание, глядя на нее, это то, что она была красива. Правильные черты лица, небесно-голубые глаза, гладкая, молочная кожа, как у фарфоровой статуэтки. Она напоминала одну из тех кукол в дорогом, парчовом платье. Им можно расчесывать золотисто-пшеничные локоны, примерять наряды, усаживать рядом и предлагать чашечку чая. Кукла будет глядеть на тебя из-под густых, черных ресниц, продолжая хранить вежливое молчание.

Оценив общее состояние девушки, я пришла к выводу, что опасности от нее ожидать не стоит. Не в ближайшие двенадцать часов точно. Адептка также как и я была закутана в чужую накидку, с натянутым на голову капюшоном, чтобы скрыть развалившуюся прическу. Облокотившись на плечё парня, сидящего рядом, она безучастно смотрела в пустоту. В чертах миловидного личика угадывалось что-то хрупкое и аристократическое. Прикинув варианта, я решила, что угадывалась как раз таки бледность. К сожалению, разглядеть собственное отражение в мелькавших на дороге лужах я не могла, а проем в карете, что звался окошком, не был застеклен. Оставалось уповать на то, что жгучей зависти внешность адептки не вызывала, и срочно искать зеркало.

Парень, чье плечё было выбрано девушкой в качестве успокаивающей подушки, не возражал против такого вмешательства в личное пространство, а только раздосадовано поглядывал в окно, и явно нервничал. Нервно постукивая пальцами по коленке, и безмолвно шевеля губами, раз за разом адепт проигрывал мысленный разговор. Вероятно, он нарушил какие-то правила Академии и теперь ожидал закономерных последствий.

Второй парень находился рядом со мной. Уткнувшись лбом в скрещенные руки на коленях он не подавал никаких признаков заинтересованности в ситуации или в появлении новой соседки. Единственное, что я могла о нем сказать, так это то, что у него светлые волосы и вполне приличная одежда.

Мой изучающий взгляд не остался незамеченным. Светловолосый адепт поднял голову, выпрямил спину и развернулся ко мне. Несколько секунд блуждал взглядом по моей фигуре и одеянию, а потом заговорил:

— Так кто ты?

"Где ваши манеры, молодой человек?!" — в глубине души возмутилась я.

Второй парень, заинтересовавшись начавшимся разговором, оторвался от познавательного созерцания вида за окном.

— А ты кто? — тут же отреагировала я, заглушая все внутренние протесты о непозволительном поведении.

— Зови меня Мальт, я адепт третьего курса, специальный поток. Это — Леда, — он указал на пострадавшую девушку. — Она со второго курса и тоже со специального потока. Ну, а этот угрюмый парень... я его не знаю. Кстати, привет, меланхоличный молчун!

Жизнерадостность его тона будила во мне что-то темное и злобное — мою несуществующую дружелюбность.

— Я — Райт. Общий поток. — представился "меланхоличный молчун" и снова отвернулся к окну.

— Вот и стало ясно, почему мы не знакомы, — обрадовался адепт третьего курса. — Вас там так много и все такие одинаковые, сложно отличить друг от друга.

— Возможно, мне стоит тебе врезать, тогда ты меня запомнишь? — предложил Райт.

Разговор свернул не в ту сторону и я поспешила вмешаться:

— Меня зовут Китра Латер. Я у вас тут новенькая, перевелась на второй курс общего

потока. Вы — первые адепты из Академии, которых я встретила, и пока вы не очень достойно ее представляете.

Я не хотела распространяться первым встречным людям о потере памяти, поэтому решила блефовать до тех пор, пока она не восстановится. Новенькая с амнезией — это слишком легкая добыча для всех шутников Академии. В первый ее день давать себя в обиду я не собиралась.

— Новенькая, серьезно? — восхитился блондинистый парень. — А откуда ты перевелась?

— Это государственная тайна, — не моргнув глазом соврала я. — Встречный вопрос, почему господин Чабер назвал вас двоих нарушителями? Что вы натворили?

— Чабер уже вернулся? — настороженно спросил Мальт. Второй парень схватился за голову и обреченно простонал что-то вроде "он же обо всем напишет дяде". — Проклятье, я думал есть еще дней десять, учебный семестр еще не начался.

— А в чем дело-то? — не поняла я. — Милый дядечка.

Господин Чабер произвел на меня довольно приятное впечатление: немного неуклюжий, рассеянный, полноватый, но милый. Такой добрый дядюшка, который в карманах всегда носит сладости для своих любимых племянников. Уверенна, что если попросить его, он обязательно в следующий раз даст конфетку.

"Во-во, — согласилась я сама с собой. — именно так ты, наверное, в подвале с какими-то извращенцами и оказалась. За конфеткой пошла."

— Милый дядечка, — передразнил Мальт. — Этот дядечка — начальник охраны всей Академии в лучших традициях инквизиции. Ну ты понимаешь: хороший маг — мертвый маг. Он ведет непрофильные занятия. Ходят слухи, что господин Чабер отбирает потенциальных студентов на тайную службу для Империи. И сам по себе он тип опасный. На глаза ему лучше не попадаться, может сразу раскусить все твои тайны и секреты. Я бы на сегодняшнюю авантюру не согласился, если б знал, что господин Чабер вернулся так рано.

Выслушав столь эмоциональную характеристику я немного засомневалась, говорим ли мы об одном и том же человеке. Если да, то я невероятно плохо разбираюсь в людях.

— Наверное, он вернулся из-за всех этих странностей, что происходят в последнее время, — вновь отозвался темноволосый "галчонок", отвлекшись от своих стенаний по загубленному будущему. — В газетах пишут, что они между собой не связаны, но мне так не кажется.

— Считаешь, что это может быть не совпадением? — оживился Мальт.

Сложная натура — он легко совмещал "я тебя презираю" и "но кажется ты интересный".

Райт уже открыл рот, и видимо собирался высказать свое мнение по поводу этих самых событий, но тут наша молчаливая спутница пришла в себя. Она приподняла голову с плеча Райта, — который вздрогнул от столь неожиданного движения, — и ясным, пронзающим до глубины души взглядом льдистых глаз, оглядела присутствующих.

— Я тебя не знаю, — холодным, как лед голосом сказала она, указывая на Мальта.

— А их? — опешил от такого тона светловолосый.

Не отводя взгляда в сторону от Мальта, девушка пояснила:

— Он важен для меня, — видимо имелся ввиду Райт, — а она спасла мне жизнь.

— Что? — синхронно удивились парни.

— Правда? — присоединилась я с вопросом.

— Тррррру, — громко отозвался извозчик.

— Приехали, — донесся голос Шляпника.

Дискуссия прервалась на самом интригующем месте и, как бы я не хотела принять горячую ванную, и еще чего-нибудь покрепче, с сожалением приходилось признать, что продолжение я узнаю, только если выловлю каждого из них поодиночке и заперев в заброшенном кабинете, устрою перекрестный допрос. После того как выплусь, конечно.

Хм... я немного жестокая.

Дверь в карету открылась. Шляпник помог мне и руми Леде выбраться. Где-то вдалеке уже виднелись признаки приближающегося рассвета. Дождь продолжал свой возмутительный акт вандализма по отношению ко мне и остальным членам нашей поездки. Воздух вибрировал от волшебной ауры, пронзающей все вокруг. Должно быть, магическая Академия в лице величественной цитадели, возвышающейся на скалистом холме, обучила и выпустила не одно поколение учеников. Замок гордо смотрел на город с горного пьедестала, вместе с тем даря ощущение превосходства над всеми, кто остался там внизу. Четыре башни — основные архитектурные элемента этого замка, представляли собой образцы искусства фортификации разных Стихий. Академия занимала важную стратегическую позицию, визуально обеспечивая контроль над долиной, где находился город, отделенный от подходов к холму рекой.

— Так, уже поздно, — заговорил Шляпник. — С вами двумя, — указал он на парней, — господин Чабер разберется завтра. Проводите адептку до медпункта, сегодня она ночует под присмотром врачей. А потом живо по комнатам. Не приведи Стихии мне узнать, что на обратном пути вы хоть на секунду задержались. Ясно?

— Ясно, — хором ответили парни, и взяв под руки руми Леду, направились к главному входу Академии.

Шляпник направился вслед за ними, потянув меня с собой. Поллюбоваться убранством залов и величием анфилад мне не дали. Шляпник шикнул "Не отставай!" и направился в левую часть замка.

Коридоры сменялись лестничными пролетами, гобелены и картины мельтешили перед глазами, лишая любой возможности запомнить схему движения к моим апартаментам с первого раза. Как тут глазеть по сторонам, когда из всех сил пытаешься угнаться за сопровождающим? Очевидно, представление о хороших манерах у магов совершенно другие.

"Хотя, именно к этому я смогу привыкнуть, — решила я, почувствовав внутри себя отголоски бунтарской натуры".

Когда парень резко остановился перед одной из дверей, я по инерции пронеслась еще на несколько шагов вперед. Заметив оплошность, я попробовала извернуться, чтобы затормозить, и сделав нелепый пируэт, проскользила по полу чуть не врезавшись в Шляпника. Инцидент был исчерпан, когда перехватив меня за талию рукой, парень затолкнул меня в открытую дверь комнаты. Все это он проделал так ловко, что я не успела устыдиться своей неуклюжести и проглотила слова извинения.

— Твоя комната находится в левом крыле женской части общежития, — сообщил он, отодвигаясь от меня подальше. — Не перепутай. Эта комната рассчитана на пятерых. Никаких служанок, компаньонов, нянечек и другой obsługi. Все сама. Три твоих соседки еще не вернулись с каникул. С четвертой ты уже знакома, увидите утром. А сама займешь место нашей беглянки. Вряд ли она вернется в скором времени. Правила и расписание на тумбочке. Поговорим позже, — оттарабанил он, и пожелав удачного окончания ночи, скрылся за закрытой дверью.

— А твой плащ? — спросила я, поражаясь скорости, с которой мою новую спальню покинул парень.

Естественно ответа не последовало.

Глава 2

Если мне что-то снилось этой ночью, то я не запомнила. Пребывая в сладкой полудреме, я лениво разглядывала просачивающиеся сквозь шторы солнечные лучи, пытаюсь угадать, который сейчас час. Совершенно не хотелось вставать. Все тело ломило после ночных приключений и требовало комфорта. Долго понежиться на белоснежных простынях не удалось. Вместе с осознанием наступившего дня пришли дурные воспоминания. Разом нахлынуло беспокойство о всех тех вещах, которые еще предстояло выяснить, и делах о которых надо срочно позаботиться.

— Я так рада, что ты проснулась, — раздался рядом голос.

Присутствие незамеченного ранее человека должно было меня напугать, но после вчерашнего, сил на живые и активные эмоции не осталось.

Застонав от нежелательной физической нагрузки на измученный организм, я повернулась набок, пытаюсь сфокусировать взгляд на неожиданном госте. Им оказалась давешняя пострадавшая — Леда. От вчерашней полубезумной девушки не осталось и следа. Не знаю, чем отпаивают местные лекари, но я хочу того же в двойном размере.

В свете ярких лучей солнца, выпавшаяся и отдохнувшая Леда выглядела не в пример лучше. Ее волосы были собраны в пучек на голове, из которого несколько завитых локонов спускались мягким водопадом на плечи. На лице обозначился легкий макияж.

Шурша платьем девушка прошла к кровати напротив и аккуратно присела. Расправив несколько складочек на юбке, она подняла на меня взгляд и мягко улыбнулась. В противовес дружелюбному жесту ее глаза остались все так же холодны.

— Как давно ты здесь? — спросила я и тут же поспешила уточнить. — Как давно ты в моей комнате... кхм... наблюдаешь за тем, как я сплю?

— В нашей комнате, — поправила она. — И не то что бы я следила за тобой, но здесь нахожусь с самого утра.

— И как давно настало утро? — в бессильном жесте я обняла подушку, понимая, что какой бы ответ не дала собеседница, он будет началом драматической пьесы о расставании меня и теплой постельки.

— Уже часов как пять. Я не стала будить тебя на завтрак, но вот к обеду тебе лучше подняться.

Стоило ожидать чего-то подобного.

— Я поговорила с господином Чабером, — продолжила собеседница. — Его ребята уже нашли гостиницу в которой остались твои вещи. Можем сегодня за ними сходить вместе, если хочешь. На счет одежды не беспокойся. У нас с тобой примерно один размер. Я одолжу тебе несколько своих вещей, чтобы тебе не пришлось ходить во вчерашних лохмотьях.

Вчерашние лохмотья укоризненно валялись рядом с пухом на полу, но краснеть за это я не собиралась.

Сама девушка оделась в платье простого кроя цвета морской волны с серебристыми вставками на юбке и драпированного кружевами верха. Из украшений на ней было ожерелье из лунного камня и серьги в ушах в форме капель из того же гарнитура. Наряд давал

надежду, что остальные ее вещи столь же удобны в ношении.

Неожиданное предложение резко подняло мое настроение вверх, и я поспешила им поделиться:

— Тебя определенно послал мне Свет!

Девушка рассмеялась и тут же поправила меня:

— Не знаю, как было в твоей старой Школе, но у нас лучше взывать к Стихиям. Сама понимаешь, Свет в почете только там, где нет и проблеска дара.

Я не понимала, но на всякий случай согласилась. Портить начало отношений из-за таких мелочей было недопустимым безумием.

Помимо верхней одежды, Леда дала мне одну из своих ночных рубашек (этой ночью я спала завернувшись в простыню на манер лунных жриц) и помогла привести себя в относительный порядок. Она долго уговаривала меня на шиньон, но здесь, к собственному удивлению, я оказалась непреклонна и повязала непозволительно короткие волосы шелковым платком. В остальном, мы сошлись на нейтрально-лазурной юбке с сорочкой под цвет и жакетом, украшенным декоративными пуговицами и вышивкой из разноцветных блестящих нитей. Проблема возникла только с туфлями, но адептка быстро решила и ее, найдя подходящий размер у одной из соседок.

Время проведенное за подбором гардероба пролетело достаточно быстро: весело и без лишних эксцессов. Когда настенные часы пробили два часа по полудни, девушка удивленно заметила, что совсем потеряла счет времени и, если сейчас же не отправиться в столовую, рискуем остаться голодными до самого вечера.

Уже спускаясь на первый этаж к обеду, я спросила у Леды, что она помнит о случившемся ночью.

— Почти ничего, — честно ответила она. — Мэтр Кейд — он наш лекарь и преподаватель по специальностям связанным с растениями и их непосредственным использованием. Он сказал, что эта часть воспоминаний может не вернуться. Слишком уверенное заявление для человека, который, по-моему, даже не маг.

— Зеленый стручок? — вспомнила я.

Вспомнила достаточно громко, потому что своим выкриком напугала двух девиц, идущих чуть впереди нас, и птицу, видимо случайно залетевшую в замок и прикорнувшую на паникадиле.

— Кто уже успел рассказать? — прыснула в кулачек Леда.

— Господин Чабер так его назвал, когда представлял мне.

— А, господин Чабер, этот мог. Он у нас такой. Так вот, — спохватилась Леда, — с воспоминаниями о вчерашнем у меня большие проблемы. Я не помню как покинула Академию и оказалась в Старом городе. Даже не представляю, зачем туда направлялась. Последние воспоминания — это то, что я сидела одна в комнате и читала книжку. Никуда не планировала уходить, а наоборот, собиралась ложиться спать. Разобрала постель. Точно помню, как направилась в будуар, чтобы переодеться. И вдруг обнаруживаю себя стоящей в каком-то темном переулке. Конечно, я сразу закричала. А потом, — девушка помедлила, подбирая верные слова, — на меня разом нахлынуло ощущение дикого беспричинного ужаса и беспомощности. Я не могла пошевелиться. Все заклинания словно кто стер из головы. Даже самое простенькое из Света не могла воспроизвести. И от осознания собственной беспомощности испугалась еще больше. Ты не представляешь, что я чувствовала на тот момент. Такое сильно состояние безнадежности и одновременной пустоты. Кристально

ясное понимание, что мне не спастись, что меня собираются убить, а не ограбить, похитить или еще что. А потом появилась ты.

— Я? — вот это новость. — Что я там делала?

— Пришла на помощь, судя потому, что ты потом сделала. Наверное, ты слышала, мой крик или почувствовала непонятную магию и решила проверить. Это уже у тебя надо спрашивать. Правда тогда ты показалась мне несколько старше. Я сегодня даже немного засомневалась, ты ли это была. Но, одежда определенно твоя.

Ну замечательно. В отличии от других людей, меня темнота старит. На будущее — никаких свиданий после захода солнца.

— А дальше — это было нечто невообразимое, — продолжила Леда, — ты вытащила из-за пояса нож и метнула его вместе с каким-то заклинанием из Света — я не смогла разобрать каким. Нож пролетел в сантиметре от моего лица. Сзади кто-то вскрикнул. В ту же секунду по мне ударила твоя магия и с меня, наконец, спало оцепенение. Тогда я поняла, что все это время позади меня кто-то стоял. Я захотела обернуться и посмотреть на него, но ты уже подбежала ко мне и оттолкнув в сторону, бросила мне что-то вроде "Чего встала, дура, беги!". Дальше я помню себя уже в карете.

Ответить мне было нечего. Внезапная роль защитника не очень радовала, потому что — это очевидно — спасти потом пришлось меня саму.

Так, думая каждый о своем, мы зашли в столовую. Аромат свежей выпечки заполнил ноздри, а фантазия тут же предложила несколько гастрономических изысков, способных утолить проснувшийся голод и ненадолго оторвать от мрачных мыслей.

Столовая была огромной. Но поскольку каникулы еще не закончились в замке пребывало не так много народу. Не больше ста человек, как пояснила Леда. В основном, оставались три категории людей: те кому не куда возвращаться; те кому нельзя возвращаться; зубрилы. Леда относилась ко второй категории людей. Ей нельзя было возвращаться в родной город, до тех пор, пока она не закончит Академию. Странные условия, имели такие же странные причины. Леда была той счастливницей, которая еще в юном возрасте встретила взаимную любовь. Прекрасным принцем для нее оказался потомственный маг из хорошей, уважаемой семьи. Сама же Леда принадлежала к семье преуспевающих купцов, не уступавших по деньгам состоянию семьи магов. Отношения между этими двумя сословиями были достаточно доброжелательными, а родители весьма уступчивыми. Будущей свадьбе препятствовало только одно "но". Дедушка возлюбленного категорически возражал против немагической крови в родословной представителей столь древней фамилии. Родители обеих семей долго бились с ворчливым стариком, но против мага старой закалки сильно не повоюешь. Выступив с угрозой, что лишит наследства всех недовольных членов своей семьи, и проклянет соседней, дед все-таки согласился встретиться с самой Ледой. Она же сумела очаровать его своей красотой, упорством и стальным характером, и чуть позже, объявив, что юная леди определенно похожа нравом на его давно усопшую тещу (да не возвратят ее Стихии никогда!), глава рода согласился дать девушке один единственный шанс. И заключил с ней самый настоящий магический контракт, по которому та клялась не возвращаться в родные края до тех пор, пока не закончит Академию Старого города. Получив звания мага, Леда сможет присоединиться к их семье с почетным званием невестки. Если же ее исключат или она самостоятельно откажется от дальнейшего обучения, то она обязуется отказаться от всех притязаний на своего возлюбленного и более не ступит ногой в родной город.

— Это ужасно, — резюмировала я, выслушав ее историю. — И нечестно.

Я уже успела доесть свой обед и отказавшись от чая, смогла вымолить у повара чайничек с какао. Добрый дядечка пошел мне на встречу, заодно вручив тарелку с маленькими пироженками, оставшимися с завтрака. Привередничать я не стала, а выразив благодарность пятистопным ямбом, рассыпалась в комплиментах. Сладкое волшебным образом наполняло мою ауру беспричинной доброжелательностью и отзывчивостью.

Мы сидели за столиком отдельно от остальных адептов. Леда дружила только со своими соседками по комнате, а лиц мужского пола и вовсе сторонилась. Боялась, что жених может превратно истолковать, если до него дойдут слухи, что возлюбленная невеста сдружилась с каким-нибудь парнем.

— Ужасно не это, — возразила адептка, отодвинув в сторону остывший обед и перейдя к десерту. — Потрясением стало то, что у меня действительно обнаружился настоящий дар из-за чего я теперь в специальном потоке.

— А есть существенная разница? — удивилась я.

Деление потоков на общий и специальный казалось бессмыслицей. Заклинания Света и заклинания Стихий абсолютно одинаково не дотягивали до той магии, что существовала раньше. Нельзя хвастаться тем, что качество твоей подделки лучше качества чужой, все равно ведь подделка. Тем не менее специальный поток считался по уровню выше общего. На нем обучались адепты у которых был обнаружен дар, точнее, предрасположенность к какой-то Стихии. На этот поток человек мог попасть в любом возрасте, потому что настоящий дар, в отличие от Света, что пробуждался в первый день взросления, имел гадкую особенность спать до поры до времени. Общий же поток славился тем, что на него поступали люди, которым очень-очень требовалось звание мага. Например: низшие и средние сословия, чтобы повысить статус своей семьи; лекари и травники, не имеющие права лечить без лицензии мага; просто мечтатели, которым некуда было девать лишние деньги; девицы, не желавшие скорого замужества и ищущие любого убежища; фанатики, видящие себя среди лунных жриц, Стражей Солнца, посланников Света, и совершенно не понимающие, что с лицензией мага их, наоборот, не допустят в альма-матер чужеродной магии; и многие другие. Встречались и такие как Леда.

Забавно, я не могла вспомнить название родного города, но концепция устройства магии в мире легко всплывала в голове. Все люди обладают магическим потенциалом. Он называется Светом. Мы рождаемся с ним. Живем с ним. Умираем с ним. Становимся им. Манипулируя этой энергией мы способны в определенной степени влиять на окружающий мир. Все зависит от мастерства конкретного человека, его знаний, практики и скорости обучения. Свет разделен между людьми поровну. И все меняется, когда в дело вступает магия Стихий. Здесь уже нет никакого равноправия. Везунчики, которым, ко всему прочему, удалось обратить на себя внимание Стихий, имеют возможность черпать дополнительные силы из Воды, Воздуха, Земли и Огня. Они склонны к той или иной Стихии. Чем больше эта склонность, тем большим количеством магии они способны обладать и тем легче дается заклинания этой Стихии. Впрочем, и здесь найдется пара минусов.

Носители даров имеют склонность попадать под влияния Стихий, заболевая типичными для своего пути болезнями или приобретая их характеристики. Большинство огневиков вспыльчивы и агрессивны, а водные маги более остальных подвержены депрессиям. Хотя, на самом деле, это можно считать показателем сильного дара, неспособностью контролировать свою Стихию или же обычным проявлением человеческого характера. Свет, подобные

болезни, среди своей братии объявил особыми направлениями, обозвав тонкую чувствительность к силе — Лунной магией, а склонность к проявлению мощных энергий — Солнечной магией.

Леда оказалось магом Воды. Это означало, что она могла использовать, как магию Света, так и магию Воды. Мне же оказался доступен только Свет. Не то что бы я не могла зажечь при желании свечку щелчком пальцев или заставить опавшие листья воспарить в воздухе, но для этого мне понадобилось бы сотворить сложное плетение и вкачать в него кучу сил.

Мысли о магии показались вполне знакомыми. Как будто я часто рассуждала о их природе возникновения. Надеюсь, это поможет мне в учебе. Было бы неплохо узнать, чего ради я подалась в магическую Академию, не имея настоящего дара.

— Конечно есть разница! От настоящего дара в будущем не отмахнешься. Мне на самом деле придется колдовать! А еще у спецпотока гораздо сложнее экзамены, больше предметов и обязательных факультативов.

Академия в которой действительно приходится учиться — ужас какой!

— Сочувствую, — на всякий случай сказала я, и на тот же случай порадовалась, что обучаюсь на общем потоке. — Кстати, а где можно найти прачечную? Хочу вернуть плащ... эээ тому парню, чьего имени я не знаю и не особо помню его лицо. Но на нем была шляпа с широкими полями, что поможет в поисках, — совсем без уверенности закончила я.

— Ой! Мне же вчера тоже кто-то одолжил плащ!

— Возможно это был Райт. — Предположила я.

— Кто?

— Нелюдимый мальчишка из кареты. Ты была не в себе и заявила, что он очень дорог тебе.

Заканчивая фразу я уже догадывалась, что не стоило ее начинать, но ничего изменить уже не могла. Очень резко и неожиданно, теплая, дружелюбная обстановка между нами покрылась хорошим слоем инея. Не только иносказательно. По моей чашке с горячим какао скользнула синяя искра, превратив содержимое в кусочек льда. При этом — я точно видела! — девушка не активировала ни одну из чарм, а именно напрямую произнесла заклинание: тихо, неосознанно, не глядя на правильность сложенных пасов. И это пугало больше, чем ее вмиг похолодевший взгляд.

— Такого не может быть, — чеканя каждое слово произнесла она.

"Что сейчас только что случилось?" — безмолвно спросила я в неизвестность, не сводя с Леды глаз.

"Надо с ней согласиться, а потом извиниться, — так же четко подумала я. — Слишком неоднозначная реакция на простые слова."

— Но так и было, — почему-то вместо правильного решения, я выбрала просто правду. — Мальт тоже это слышал, он может подтвердить.

— Это ложь!

Она не стала уточнять, кто такой Мальт. Я не стала идти на попятную.

Внутри меня словно схлестнулись две стихии, одна из которого требовала сию же секунду ответить какую-нибудь гадость, а другая кричала, что истина кроется в спокойствии, усыплении бдительности противника и последующем нанесении сокрушительного удара. Мечась между большим и меньшим злом, рулетка судьбы выбрала самое большее зло.

— Привет, девчонки! — воскликнуло самое большое зло в человеческом облике. — О

ком сплетничаем?

Рядом с нами на стул опустился Мальт собственной персоной. Его белобрысая шевелюра была аккуратно расчесана и зализана какой-то блестящей субстанцией. Подбородок гладко выбрит. Одежда поглажена. Так и не скажешь, что перед тобой восемнадцатилетний адепт Академии закрытого типа. Парни такого рода не слишком притязательны к своей внешности. Мальт же словно источал потоки добра и любви в этот мир. Его широкой, белозубой улыбкой позавидовал бы любой торговец залежалого товара.

Совершенно не вникая в царившую обстановку Мальт продолжил:

— Поздравьте меня, я пережил экзекуцию господина Чабера, а ведь мой случай был достаточно безнадежным! А еще, посмотрите, кто со мной пришел, чтобы пожелать прекрасным руми доброго дня, — указал он на стоящего позади себя паренька.

Мы с Ледой синхронно подняли взгляд, как-то растеряв весь боевой настрой. Позади начинающего приверженца зла стоял Райт, которого я успела мысленно прозвать галчонком. Парень всем своим видом выражал всю бренность бытия и сокрушительное разочарование во всем мире. Видеть столь отчаянную обреченность в глазах человека, чья одежда сшита на заказ из дорогостоящих тканей, и украшена сложной вышивкой шелковых нитей на манжетах и отвороте камзола, было почти физически больно. Элементы костюма так или иначе сочетали в себе темные невзрачные тона, словно всеми силами старались приглушить его стоимость.

— Я не с ним, — тут же решил опровергнуть его слова Райт. — Он должен мне отдать бланк наказаний.

— Ну или как-то так, — согласился Мальт, утаскивая из моей тарелки кремное пирожное. — А вы тут что, магию практикуете?

Я перевела взгляд на пострадавшее от праведного гнева какао, и только тяжело вздохнула: день обещал быть тяжелым.

— Я показывала Китре преимущества водной стихии, — вместо меня ответила Леда. Она больше не пылала праведным гневом, а наоборот, вернулась к своему безмятежному спокойствию.

— Элегантно, — согласился Мальт, взглянув на замерзшую кружку. — Я так однажды бабушкину вазу разбил, когда пытался развеять это заклинание с помощью...

Он на секунду замолчал и сделав пасс рукой, активировал одну из своих чарм. По кромке льда пробежали красные искры, жидкость вскипела пузырьками, а по краям кружки с противным треском потянулась трещина. Стенки лопнули, расплескав содержимое по блюдцу.

— Да, — чему-то обрадовался светловолосый адепт. — Все как в прошлый раз!

— Хватит нападать на мой десерт! — возмутилась я. — Ставьте эксперименты на своей еде! А хочешь внести свою лепту в нашу жизнь, так лучше предложи помощь. Мы с Ледой собирались в город за моими вещами. Лишние руки не помешают.

Я вложила в голос столько уверенности сколько смогла, надеясь, что новая соседка не бросит меня с поиском вещей из-за страной и неоконченной ссоры. Идти к господину Чаберу и выяснять, где остался сокровенный багаж, совершенно не хотелось, как и терять только что начавшиеся дружеские отношения.

— Я бы с радостью! Но могучей и неотвратимой дланью господина Чабера мне запретили покидать сию обитель священной мудрости до начала учебного года. — Мальт в карикатурном жесте вознес руки к потолку и безмолвно воззвал к справедливости небес. —

А вот нашего таинственного нечестивца, наоборот, выгнали.

— Как выгнали?! — вернулся в реальность Райт, опознав себя в "таинственном нечестивце".

— Вот так, — жестом фокусника, светловолосый адепт извлек из рукава сложенный трубочкой пергамент и протянул Райту. — Пять дней принудительных работ в городской библиотеке. Слышал, у них много проблем со старой башней и систематизацией архивов. Поздравляю, самая настоящая работа для ненастоящих магов!

— Ты у меня однажды договоришься, — парень зло выхватил из его рук документ, и не прощаясь, решительно направился к выходу.

— Ну вот, — весело констатировал Мальт. — А бабушка до сих пор уверена, что я не умею заводить друзей.

Почему-то информация о библиотечной башне получила какой-то внутренний отзыв. Я попыталась ухватиться за ускользающую мысль, но наткнулась лишь на странное желание отработать наказание вместо Райта.

— Грубиян, — возмутилась Леда, провожая удаляющегося парня взглядом. Потом грациозно встала из-за стола и обратилась уже ко мне: — Пойдем Китра, у нас еще много дел, чтобы тратить драгоценное время на бесполезных людей.

Я покорно поднялась следом.

Глава 3

До города мы добрались пешком. К немалой радости я обнаружила, что многие улочки казались мне знакомыми, а сам город вызывал ощущения спокойствия и дружелюбия. За все время прогулки Леда не произнесла больше ни слова, погрузившись куда-то глубоко в свои мысли. Заговорила она лишь когда я остановилась, чтобы купить свежую газету с последними новостями. Девушка искренне недоумевала, зачем мне нужна вся последняя печатная периодика, от новостей о выставке известного художника современности до обновленной статистики о количестве пойманных диких тварей на окраине Империи. Я сама еще не до конца понимала, что именно хочу узнать, но появившееся взамен памяти внутреннее чутье диктовало свои условия.

По поводу денег я не сильно волновалась и без сожаления отдала нужную сумму, заплатив чуть сверх, чтобы приобретенный товар доставили сразу в Академию. Наличные, что были в моем кошельке, я успела пересчитать и уже прикидывала на какие радости жизни смогу их потратить. От дорогостоящих покупок останавливало лишь отсутствие воспоминаний о моих более ранних планах на эту сумму. Мало ли, вдруг это мое единственное наследство от почившей несколько дней назад любимой тетушки или прощальное приданное от родителей, уставших подбирать мне женихов и благополучно отправивших в учебное заведение.

— Смотри, — Леда нерешительно замерла около дома с красной изгородью и неуверенно указала на один из проулков. — Это произошло там. Пойдем, посмотрим?

— Думаешь, это разумно? — ради приличия уточнила я.

— Мы уже с тобой достаточно взрослые и нас двое. Что может случиться?

"Все что угодно и даже хуже, — сразу предположила я."

Приближаясь к указанному месту, я невольно засомневалась в собственных умственных способностях. Да, сейчас день, на улице много народы и мы — адепты со знаниями целого курса магических искусств. Чего нам бояться? Кто бы вчера не напал на Леду, и зачем бы это не сделал, он получил нехилый отпор.

...и затаил на меня обиду...

Зачем еще было тащить меня в подвал? Но вряд ли он будет преследовать меня в дальнейшем. Значит, нет смысла остерегаться повторного нападения и бояться подходить к недавнему месту преступления... Конечно, стоило придти сюда не в повседневной одежде, а замаскироваться в кого-нибудь неподозрительного или пробраться ночью, по крышам домов, с достойным арсеналом оружия, как одна из клана Сестер Крови.

— Я стояла прямо здесь, — девушка указала на серый слой брусчатки под фонарем. — А ты зашла через арку. Уверена, если пойти в ту сторону, то выйдем к твоей гостинице.

Неприметная каменная арка вела к узенькой кривоватой лестнице, уходящей куда-то вглубь косого ряда домов. Помимо нее было еще два прохода: один, через который зашли мы — самый короткий от центральной улицы; второй проходил через полуразрушенное строение, и скорее всего вел к стене, отгораживающей Старый город от Нового.

На маленькой, закрытой от посторонних глаз улочке, ничего не напоминало о событиях

прошедшей ночи. Несколько разбитых фонарей, закрепленных на стенах дома, покачивались на ветру. Невысохшие лужи, грязной жижицей, скопились в углублениях под водостоками. Единственное окно, выходящее как раз на то место, где произошло преступление, было давно заколочено старыми досками. Кто бы не совершил это странное покушение, он выбрал подходящее место.

Поражала наглость таинственного преступника. Творить что-то настолько серьезное на территории Старого города и быть уверенным, что останешься безнаказанным — безумие. Похитить адептку одной из лучших Академий посреди ночи. Увести ее в одну из заброшенных частей города, чтобы... что?

— Леда, это прозвучит немного бессердечно, но ты уверена, что случившееся вчера — это не какая-то глупая шутка кого-то из адептов?

— Что ты имеешь ввиду?

— Ну знаешь: подростки, каникулы, скука, новое заклинание. Может, ты кому-то насолила? Или кто-то из ребят решил пошутить.

— Думаешь, это был розыгрыш? Я напугалась до смерти!

— Но такая вероятность возможна?

Леда осторожно отодвинулась в сторону и внимательно заглянув мне в глаза ответила:

— Если это так, то вмешавшись в мое псевдопохищение, ты ранила, а возможно и убила человека.

Внутренне я похолодела. По коже прошелся озноб. Сердце мучительно сжалось и тут же успокоилось. Все что мы знали, это то, что Леда под действием заклинания покинула Академию и оказалась в этой подворотне. Потом появилась я. Вряд ли я стала бы метать ножом (я умею обращаться с холодным оружием?!) в человека, без особых на то причин. Следом я воспользовалась заклинанием и отбила Леду. Она побежала на площадь за помощью, а я... Что бы дальше не произошло, но я оказалась в горящем подвале без сознания и памяти. Кто знает, что случилось между двумя этими событиями?

— Узнаем, когда поймают напавших. — Ответила я, присев на корточки около Леды. Поскребла ногтем один из камней. Где-то здесь должны были остаться следы крови. Только вот ее не было. На брусчатке виднелись царапины. Кто-то до нас успел взять образец.

— Есть ножик или шпилька? — Огладила я пальцем шершавую бороздку.

Не раздумывая, Леда вытащила из копны светлых волос, уложенных в сложную прическу, блестящую заколку и протянула мне. Острым краем я подковырнула один из камней, имеющих на себе следы механических повреждений. Тот поддался достаточно легко. Гладкие края мягко вышли из углубления, и я, тут же воспользовалась возникшим в голове образом заклинания Света.

Плетение далось очень легко, что говорило о частоте его использования. По телу пробежала успокаивающая дрожь и плавно перешла в синие искорки магии, мягким бризом проскользив по камню. Переливающийся светом хоровод прервался накатившим ощущением холода и пустоты: так чувствуется полное отсутствие какой-либо информации о проверяемом объекте.

Засомневавшись в собственной квалификации, я протянула камень Леде.

— Сможешь снять проекционный отпечаток?

Не задавая лишних вопросов, девушка взялась за дело.

Кажется, она начинала мне нравится.

Пока Леда разбиралась, как правильно настроиться на камень, я проделала ту же

процедуру с еще несколькими кусочками брусчатки. Результат остался тем же.

— Не получается! — искренне удивилась Леда. — Как такое возможно?

Я знала как. Помнила.

Кровь — лучший источник информации о человеке. Самые сильные, могущественные, крепкие и темные чары рождаются с помощью человеческой крови. Работать с такой энергией очень опасно, а люди с талантом к такому роду магии рождаются достаточно редко. Если кровь была смыта дождем, а те немногие остатки, что каким-то образом смогли сохраниться, счистил кто-то еще, то можно было что-то выяснить с помощью проекции крови. Какое-то время она контактировала со всем камнем, а значит, хранила информацию. Но, ни я ни Леда этого сделать не смогли.

Кто-то на другом, более высоком уровне, стер всю внутреннюю суть крови, оставив только оболочку. Сестры из клана Крови обладали подобной силой. Их мастерство не смог бы переплунуть ни один маг Воды. Да вот только жили они где-то далеко на востоке и представляли из себя что-то на подобии мифа.

Именно это я сказала Леде.

Девушка присела на корточки рядом со мной, совершенно не беспокоясь о возможности замарать подол юбки или плащ. Не снимая перчаток, она аккуратно погладила проделанное мной углубление в мостовой.

— Немного дороговато для обычного розыгрыша над студенткой, не считаешь? — поинтересовалась она, на ходу руша мою первоначальную теорию.

— Только, если у тебя нет могущественных врагов.

Адептка чуть криво усмехнулась, но отвечать не стала.

И вот тут я немного занервничала.

— Следствие что-нибудь выяснило? — попробовала я зайти с другой стороны. — Есть предположения, кто это сделал?

— Преступления, связанные с Академией, расследует сама Академия. Господин Чабер как раз занимается этим.

— И все? — не поверила я.

— Ты о чем?

— Тебя больше ничего не волнует? Если ты уверена, что все это не розыгрыш, разве не должна беспокоиться о том, что случилось на самом деле? Давай разберемся. Тебя пытались похитить, и — по твоим же словам! — собирались убить. Я — случайный свидетель, а вот ты — конкретная цель. И после этого ты спокойно возвращаешься на место преступления, вместо того что бы сидеть в стенах Академии, пить какао и — не знаю — строчить слезливые стихи в дневник? Я имею ввиду, что, если господину Чаберу нет дела до твоей безопасности, то, может, стоит самостоятельно приложить какие-то усилия?

Девушка медленно поднялась. Сквозняк всколыхнул подол ее платья, и мягко проскользил по краям легкого, как перышко, шарфа, странным образом придавая моей знакомой очертания мраморной скульптуры. Видение длилось всего мгновение, и пропало также неожиданно, как и появилось. Леда привычным движением дотронулась до выпавшего из прическе локона и, небрежно крутанув пальцем, заправила его в прическу.

— Господин Чабер заверил, что волноваться не о чем.

— А с чего он это взял? — я вскочила на ноги вслед за Ледой. — Он же ничего не выяснил и ничего не знает.

— Он отвечает за безопасность адептов. Он профессионал в своем деле, — в ее словах

звучала совсем не уверенность, это была какая-то упертая настойчивость, которую я не могла понять.

— Все ошибаются. Не то что бы я не хотела быть особенной, но что-то не хочется, что бы цепь удачных решений господина Чабера дала трещину именно на мне.

— Если ты боишься, зачем вообще пошла?

— Я не боюсь! — возмутилась я. — Я хочу чтобы ты боялась. То есть, я имею ввиду, что мы пришли сюда не просто так. Тебя что-то беспокоит и я хочу знать что. Ты знаешь больше чем рассказываешь и я должна знать что. Должна знать самое худшее, чего мне стоит ожидать.

— Ладно, — внезапно согласилась Леда. — Пойдем, я тебе кое-что покажу.

Девушка уверенно направилась к полуразрушенной деревянной постройке. Сложно сказать, чем та являлась раньше: сараем, складом, дровяником или другой нужной конструкцией. Сдвинув несколько обгорелых досок в сторону, девушка вытянула из-под скопившегося на полу мусора палку. Внимательно оглядев ее, она кинула палку обратно к остальному хламу.

Вокруг царил одновременно запах затхлости и сырости. На прогнивших стенах обитал мох, а на потолке скопилась розоватая слизь, не вызывавшая ничего кроме рвотных позывов. Во всем полуразрушенном помещении не было ровным счетом ничего достаточно интересного, что бы уделять этому времени больше, чем пятнадцать секунд. Но по моим внутренним часам, Леда исследовала это помещение уже минут десять, и забрасывать на это свой личный рекорд не торопилась.

— Я точно знаю, что ты где-то здесь, — пробормотала она, сдвинув еще несколько палок ногой, совсем не жалея туфель.

Противно пища из щели между досками выскользнула мышь и тут же юркнул к другому завалу. Леда вскрикнул и отскочила в сторону. Себя я обнаружила с какой-то деревяшкой в руках, которая непонятно как у меня оказалась. Определенно, к следующей такой вылазке мне потребуется новый набор метательных ножей и классический браслет с чармами.

— Проклятье! — воскликнула Леда и выдернув у меня из руки деревянный обломок, кинула его в ту сторону, куда убежала мышка. — Ненавижу крыс.

Я подошла к одной из стен, и поборов брезгливость дотронулась до мха. Он выглядел живым, зеленым, и склизким но на ощупь почему-то оказался сухим. Сдвинув его край в сторону, я прикоснулась к стене: шершавая.

— Что мы ищем? — спросила я.

— Ответы на твои вопросы, — Леда прошупывала очередную доску.

— Уверена, что они находятся именно здесь? — не поверила я.

— Оглянись и скажи, что ты видишь вокруг странного?

— Нас, — решительно заявила я, повторно рассматривая покосившиеся стены и сгрудившийся в углах хлам. — Мы тут единственные, кто не вписывается в общую картину тоски, разрухи и уныния. Впрочем, насчет тоски и уныния, я поторопилась.

— Смотри не глазами.

— О, Свет! — а чем же тогда? — попыталась сыронизировать я, когда до меня наконец дошло. — А, ты в этом смысле.

Я закрыла глаза и попыталась отстраниться от окружающих меня чувств и запахов. Быть может, присутствуй моя память в полном объеме, в медитации не было бы нужды. Но пока мне оставалось действовать только на инстинктах. Просить помощи у Леды с правильным

заклинанием сейчас не хотелось. Должна же я уметь хоть что-то. Иначе как я смогла перевестись из обычной Школы в такую престижную Академию, хоть и на общий поток?

Магический взгляд, волшебный взор, — это заклинание называли по-разному. Оно помогает увидеть изнанку Привычного мира. А именно, плетение заклинаний и любые магические отпечатки.

Я сконцентрировалась на темноте. Она не страшная. Там пусто и совершенно никого нет. Это я знала точно. Никаких кошмаров, чудовищ и других подлунных тварей в ней не водилось. Здесь я могла чувствовать спокойно. Мешала только слабая искорка света, метавшаяся в маленькой стеклянной колбочке. Огонек разрастался. Лучи изворачивались, сплетая паутину, приобретающую слабые очертания окружающего пространства.

Да, теперь я могла видеть.

— Мне действительно нужны новые чармы. Без них я словно пытаюсь ситом вычерпать воду из колодца: и дотянуться не могу, и все мимо льется.

— Лучше заказать. Я знаю хорошее место, — внезапно улыбнулась Леда.

Кажется, моя беспомощность каким-то образом поднимала ей настроение.

— Так, ломай эту стену. — Я сдвинулась в сторону от того места, где недавно ковыряла мох.

— Ломать? Чем?

— А что у тебя есть из боевого арсенала?

Хорошо бы подошла "Наковальня" или "Молот". А лучше и то, и то. Уверена, есть умельцы, способные совместить это в одной чарме.

— Ничего, — ошарашила меня внезапным ответом Леда.

— Как ничего? А если на тебя нападут?

— Кто, стена?

— Да хоть те, кто это сделал вчера.

— У меня есть чарма "Молния" из стандартного набора.

— И как, помогло? — заинтересовалась я.

Вместо ответа Леда стянула с руки браслет и отдала его мне. Серебристая фигурка в виде молнии была покрыта тоненькой нитью трещин. На первый взгляд линии казались хаотичными. Но я только что своим внутренним взглядом видела ту же самую сеть, запечатлевшуюся под слоем мха. Рисунок не был случаен. А значит, это не просто последствия какого-то заклятия.

— Ты показывала ее господину Чаберу? — я аккуратно исследовала кончиком пальца линии узора, никак не понимая, почему на чарме их можно увидеть невооруженным взглядом, а на стене только внутренним.

— Нет.

— Почему?

— По той же причине, что ты мне сегодня объясняла. Я ему не доверяю.

Леда протянула руку, и я вложила браслет обратно в ладонь.

— Не понимаю, — искренне удивилась я. В моей голове определенно что-то не складывалось. — Ты же говорила совсем обратное.

— Знаешь, количество учеников в Академии постоянно меняется. Кого-то отчисляют, кого-то забирают домой, кто-то переводится в другую Школу, кто-то просто все бросает и уходит. На первом курсе со мной в одной комнате жила девушка. Мы с ней весьма неплохо ладили. Она единственная, кого я хотела называть другом. А через полгода, после Зимнего

бала, она пропала. Ни вещей, ни записки. Я очень за нее переживала, не находила себе места. Несколько месяцев спустя, мне пришло от нее письмо. Оказывается, она познакомилась с каким-то парнем на балу. Они вместе сбежали и тайно поженились. Теперь где-то странствуют вдвоем по свету. В ее личном деле было заявление, написанное ей собственноручно о том, что она просит ее отчислить из Академии по личным обстоятельствам. Вот и все. Больше я о ней ничего не слышала. И никто не слышал.

По тону адепки я понимала, что слова, которые она произносит несут в себе очень сильный, эмоциональный посыл, но какой, разобрать не могла. Рассказанная история мало тянула не то что на детектив, но даже на любовный роман. И господин Чабер никак не вписывался героем ни в один из этих жанров.

— Она не первая с кем случилось нечто подобное, — попробовала по-другому объяснить Леда. — Понимаешь, о чем я? Адепты пропадают, а правду замалчивают. Та девушка ни с кем не сбегала. Если бы ты знала ее также как я... если бы хоть кто-то знал ее также, то понял бы, что она никогда не совершила бы такой поступок.

— Значит, пропадают адепты, которых никто никогда не будет искать, а Академия это замалчивает? — я почти начинала понимать происходящее.

— А раз господин Чабер ответственен за безопасность, значит он как-то в этом замешен.

Я все еще с трудом представляла того милого толстячка в роли коварного злодея, поэтому решила уточнить:

— Но если это правда, то почему мы стоим здесь, а не прячемся в стенах Академии за семью замками?

— Потому что это не поможет, а наоборот, вызовет подозрения. А так, он будет думать, что мы ему доверяем. Тем временем, мы сможем выяснить правду. Если конечно ты не трусишь.

Я хотела сказать, что все ее предположения глупость и домыслы. Что играть в детективов-одиночек — это самоубийственное занятие. Если Леда права, то вдвоем мы не справимся, а если нет — выставим себя на посмешище и вылетим из Академии. Если уж она так хочет сделать что-то полезное, то всегда есть такие правильные варианты, как написать родителям, обратиться к Стражам Солнца или пойти с такой сенсацией к газетчикам.

— Китра? Ты со мной?

Я могла ей отказать. Могла позволить разочароваться в человеке, которого она знает меньше суток. В том самом человеке, которому она только что доверила часть своей тайны. Который мог бы стать ее другом на следующие четыре года. Но чем бы это для нее закончилось? Я не знаю. А вот в списках пропавших, которых никто никогда не будет искать, вполне могло бы добавиться очередное имя. Возможно ее, возможно мое.

— Конечно я с тобой, — уверенно произнесла я, делая мысленные пометки в своих планах на будущее. Либо я смогу ее уговорить на один из правильных вариантов, либо проверив все ее зацепки и потыкавшись в тупики, она отбросит свои безумные планы. Серьезно, как долго человек может быть одержим идеей, которая ничем не подпитывается? — Надо же чем-то заняться, пока не начались скучные лекции и изматывающие экзамены.

Улыбка Леды вышла весьма скромной и недоверчивой, но думаю она и так считала, что наговорила лишнего.

— Тогда ломай стену, — решила подначить она, уловив на моем лице закрадывающиеся

сомнения.

Я отошла на несколько шагов в сторону и вернув заговорщице улыбку, ответила:

— Да с радостью. Твое же платье.

И со всей силы ринулась к стене, пытаюсь выбить ее плечом.

Леда смеялась. Громко.

Я потирала ушибленное колено и проклинала себя за внезапную любовь к дешевым трюкам.

Красивого проламывания прогнивших досок не вышло. Потому что доски были не прогнившими, а плохо закрепленными. И держали их вместе только парочка ржавых гвоздей, да разросшийся мох. Я не пробила проход, я почти снесла этот странный сарай.

— Может хватит калечить мое самоуважение? — жалобно простонала я.

— Прости, прости... кха-кха... — Леда продолжала смяться, неудачно маскируя смех кашлем. — Не могу остановиться... кха-кха...

— А ты попробуй, — немного обиделась я. — Надо же мне узнать, из-за чего пострадало мое самолюбие.

Спустя еще несколько длительных секунд, девушка наконец смогла ответить:

— Не узнаешь? Разве это не то самое место, где тебя нашли ночью?

Я попыталась припомнить те смутные черты зданий, окон, деревьев, что смогла уловить в свете факелов. Да, возможно, это здесь я замерзала ночью, откашливалась от едкого дыма и просто боролась за жизнь, но...

— ... но где та проклятая дверь?!

— Какая такая дверь? — не поняла Леда.

— Дверь из подвала! — злясь на несообразительность спутницы, ответила я, продолжая исследовать стену на предмет скрытых рычагов.

— Какого еще подвала? — медленно, с нажимом на каждый слог, произнесла девушка. Ее раздражительность не уступала моей.

Я начала простукивать стену. Миллиметр за миллиметром я продвигалась от левой стороны к правой, не пропуская ни кусочка.

— Что значит какого? Ты же сама меня привела сюда. Знаешь о том, что меня здесь нашли.

Я обернулась на Леду, которая, чуть сдвинувшись в сторону, со скептицизмом наблюдала за моими действиями. Не обнаружив в ее глазах и проблеска мысли на понимание проблемы, я пересказала свою маленькую историю о крюке, пожаре и мраморной лестнице. Запнувшись на последних мгновениях про неоткрывающуюся злополучную дверь, я закончила махинации со стенкой. Стена все так же была непреклонна в своем намеренье скрыть дверь.

— Ты все перепутала, — рассмеялась Леда. — Здесь не было никакого пожара. Пожар был в твоей гостинице. Поэтому ты и выбежала из нее ночью. Сильно перепугавшись, побежала в эту сторону. А уж тут, услышала мой крик и бросилась мне на помощь. Спугнула нападавшего. А потом, может пошла искать мне лекаря или одного из Стражей и потеряла сознание из-за того что ранее надышалась дымом.

Если бы Леда прямо сейчас, при солнечном свете, трансформировалась бы в лунную тварь, это удивило бы меня куда меньше, чем описанные ею события. И видимо она это поняла, поскольку добавила:

— Это официальная версия.

— Это чушь! — возмутилась я. — С какой стати мне убегать от пожара по темным улицам, где нет людей, вместо того, чтобы спасать свои вещи или звать на помощь? Или если я была в такой панике, что не могла отвечать за свои действия и здраво мыслить, то как мне пришлось в голову бежать на твой крик? И уж тем более устраивать схватку с каким-то преступником!

— Как вспомнишь — расскажи, — разозлилась Леда. — Я рассказываю официальную версию. Ты мне вообще заявила, что совершенно ничего не помнишь, а тут выясняется, что был какой-то крюк и подвал! Может, ты и по поводу своего прошлого врешь?!

— Да о чем ты вообще? Это был просто крюк, зачем мне о нем рассказывать? И кроме него я вообще ничего не помню. Ничего! В отличии от тебя, которая должна помнить все!

Я зло топнула ногой по земле и сделав несколько глубоких вдохов повернулась к стене спиной. Запрокинула голову назад, посмотрела на застилающееся облаками небо. Дождя сегодня не предвиделось, но и солнце не спешило обозначить лик, порадовав своим присутствием только в первой половине дня. Пасмурная погода зябкими прикосновениями постепенно проникала в уголки души, раскидывая споры будущего уныния.

— Что-то я совсем запуталась, — заговорила Леда. — Давай уже заберем то, что осталось от твоих вещей и выясним у хозяина, что он помнит о тебе и произошедшем пожаре. А там решим, чья версия более реальна.

— И купи мне чармы, — согласилась я.

Начинало холодать.

— И нож? — предположила спутница, снимая перчатки и засовывая их в сумочку. Сегодняшнее варварское отношение к этому элементу одежды, более непозволяло носить его в приличном обществе.

Я только кивнула.

Сначала мы направились к аллее мастеров, решив, что ходить с вещами по лавкам не самый разумный выбор. По пути мы пытались набросать общий план дальнейших действий, относительно минувших событий. Без споров, конечно, не обошлось, но кое-какие результаты все-таки были достигнуты. Леда пообещала поделиться теми наработками по "делу о пропавших адептах", что у нее уже есть.

После того, как я просмотрю всю имеющуюся у нее информацию, смогу сделать какие-нибудь выводы. Пока я попросила ее больше не рассказывать ничего о загадочном исчезновении студентов, чтобы сначала составить свое собственное мнение. Так же мы условились, что когда меня вызовет господин Чабер на разговор, я не стану рушить его версию и рассказывать о другом пожаре.

Под приглашающий звон восточных колокольчиков мы зашли в "Мастерскую дедушки Илло". Как оказалось, свободно купить оружие в Старом городе было практически невозможно. Только три мастера в городе имели лицензию на изготовление и продажу боевого оружия. К сожалению, на готовые изделия стояли такие заоблачные цены, словно конкуренция вовсе отсутствовала в стенах этого города.

— Добрый вечер, руми, — быстро сориентировался паренек в длинной белой рубаше и обхватывающим талию кожаным поясом. Очевидно, один из подмастерий или младший родственник. — Вы пришли за заказом?

— Нет, хотим его сделать, — выступила вперед Леда, позволяя мне спокойно осмотреться по сторонам.

— В подарок? — предположил он.

— В подарок, — подтвердила Леда. И пока паренек не успел продолжить, добавила: — Себе.

К чести юного продавца, бурного удивления он проявлять не стал, а сразу решил перекинуть потенциальных клиентов на более зрелое поколение.

— К сожалению, мастера сейчас нет. Обычно он принимает заказы только до обеда, а после оставляет кого-нибудь из учеников, чтобы те отдавали готовые изделия заказчику. Но если руми пожелают, я могу принять заказ на представленные в зале экспонаты. Что именно интересует руми?

— Цельнометаллический боевой нож, подходящий как для метания, так и для нанесения колюще-режущих ударов, — эти слова практически независимо от меня сорвались с языка. Я сама не поняла, что описала. — Ничего из предоставленного на витрине мне не подходит.

Среди метательного оружия, выставленного на полках, не было ни одного достойного. Не то чтобы там лежала одна халтура, было достаточно много качественных экземпляров.

Только у меня уже было представление о своем идеальном кандидате, потому что поочередно разглядывая каждый нож, в голове всплывали разные вспомогательные комментарии, вроде "слишком длинная рукоять", "тяжелый, потом рука болит", "вечно соскальзывает", "раз десять теряла", "сломала", "вместо противника, поранила саму себя".

На волне столь удачных воспоминаний, я схватила лежащую на прилавке бумагу и быстро записала пришедшие в голову идеальные параметры, и уже менее уверенно протянула листок ученику.

— Вы уже консультировались у кого-то из мастеров? — уточнил паренек, неуверенно разглядывая нестройный ряд букв и цифр.

Отбросив в сторону мысль, что память решила сыграть еще одну злую шутку и я написала какой-то несусветный бред, ответила:

— Это вопрос, как и все остальные, я предпочту обсудить с мастером Илло. Передайте ему, что руми Латер зайдет завтра.

Разговор на этом был окончен.

— Ты что-то вспомнила? — спросила Леда, когда мы шагнули за порог мастерской и направились к Сияющему кварталу. Назван он, конечно, был так совсем неспроста. Здесь жили маги. Уже настоящие, с лицензией, вступившие в гильдию, трудились здесь на благо Империи и своего кармана. Почти вся готовая продукция поставлялась на продажу в Новый город или шла дальше в столицу. Это была практика почти всех мастеров, поскольку за стены Старого города проникнуть было очень сложно, если ты не местный житель или не ученик Академии. С другой стороны, именно здесь оставались самые лучшие произведения магического искусства.

Значительную часть магического рынка занимало производство чарм и зелий, поскольку и тем и тем, могли пользоваться люди с самой минимальной подготовкой. Чармы относительно недавно вошли в жизнь Империи в столь широком доступе. Процесс привязывания заготовленного плетения к материальному носителю с дальнейшим неоднократным использованием, очень трудоемок, но результат того стоил. Любое использование магии должным образом (именно должным образом, потому что в панике кидаться огненными стрелами и в итоге поджечь деревню вместе с собой, дело нехитрое) требует сосредоточенности, а на нее обычно нет ни сил, ни времени. Использование же самой чармы требует наименьшей концентрации и искорки силы (для обычного человека — "ключ-команда"). Остальные характеристики зависели только от суммы, которую вы готовы отвалить за очередное чудо наступившего столетия. Но поскупившись на золотые монетки, будьте готовы, что вашим чармам потребуется постоянная зарядка, они будут частенько ломаться и давать сбой.

Дома Сияющего квартала изначально строились с использованием чар, чтобы во время экспериментов, вред окружающим был нанесен минимальный. Если обычно заказчикам требовалось сделать защитные чары невидимыми, то здесь же наоборот. Посчитав, что сил и труда в плетение вложено и так сверх меры, маги не стали тратить на внешнее сокрытие чар. Таким образом, квартал со временем превратился во что-то развлекательно-увеселительное, приманивающее гостей города своим изяществом, и поблескивающим всеми цветами радуги при свете солнца и звезд, крышами, стенами и заборами.

— Ничего конкретного, — ответила я, когда мы ступили на главную дорогу Сияющего квартала. — Это был не отрывок из воспоминаний, а скорее кусочек сложившегося мнения.

— Я думала, память должна возвращаться по-другому, — задумчиво протянула Леда. —

А что подсказывает тебе чутье о выборе чарм? Будешь брать один из классических наборов или подбирать индивидуальные? Сразу предупреждаю, возьмешь классику, станешь предметом для насмешек на все следующие годы. А если подберешь индивидуально, то... это тоже может стать таким поводом.

— И с каких пор магия идет рука об руку с модой? — вздохнула я, понимая, что выбор чарм не пройдет также легко и просто, как выбор ножа.

— Где-то с тех времен, когда было решено уничтожить магов Стихий? — предположила Леда, после чего указала на двухэтажный домик с названием "Салон Северной Агаты". — Я выбирала чармы здесь. Руми Агата — хозяйка салона. Днем — простой магазинчик для неискушенного покупателя, а вот вечером открывается вход на второй этаж. И там уже все как в настоящем салоне: музыка, вечерние платья, встречи по интересам, тайны и другие развлечения.

Все это прозвучало с такой грустью, что мне не составило труда догадаться:

— Ты закупаешься здесь уже год, но так и не получила приглашение?

— Не то что бы я так сильно хотела... Но к концу года почти все адепты как-то определяются со своими развлечениями. Создают свои закрытые кружки или присоединяются к какому-нибудь уже существующему обществу. Заводят полезные знакомства, которые в будущем могут помочь с учебой, а после и хорошей работой. Да и скучные вечера можно разбавлять чем-то интересным. Я совершенно упустила этот аспект из своей жизни. Решила, что раз я после окончания Академии собираюсь замуж, то все эти игры в тайные сообщества точно не для меня. Да и когда любимого нет рядом, мало что может порадовать на самом-то деле. Во время семестров мне есть чем заняться, а спокойное лето ложится тяжким бременем.

Потому-то она и занялась расследованием мнимых похищений. Ох, не вышло бы так, что она сама себя втянула в выдуманную историю.

— Мы все еще можем создать свой маленький детективный кружок, — предложила я, открывая дверь в салон.

Нас пригласили к маленькому круглому столику с резными ножками. Легкая бледно-нефритовая ткань скатерти плавно ниспадала узорчатыми краями на стулья с бархатной обивкой и ажурными спинками. Все в зале напоминало какую-нибудь знаменитую кондитерскую для знаменитых поэтов, писателей или других литературных деятелей, а не маленький магазинчик с чармами.

Не прошло минуты, как нам подали две чашечки с чаем, вазочку со сладостями и странную малахитовую пластину.

Засомневавшись, что мы зашли в правильный дом, я украдкой глянула на Леду. Та ни единым мускулом не выдала, что вокруг происходит что-то странное и выходящее из ряда вон. Мы были не единственными посетителями, но почему-то казалось, что все взгляды устремлены на нас. Под мнимым вниманием посторонних резко захотелось почесаться, поправить сбившиеся оборки, одернуть юбку, просто выползти из своей кожи и спрятаться в темной норе.

— Леда, — я с трудом разжала челюсть. Мой голос звучал тихо и жалко. — Что происходит?

Не произнося ни слова и не меняя выражения лица, девушка медленно перевела взгляд на странную пластину непонятного назначения. В ответ я попыталась глазами передать

вопрос "и что?", раз вербальные способы общения внезапно вышли из моды. На что Леда еще несколько раз повторила тоже самое движение.

Наверное, нашу игру в гляделки можно было продолжать весь оставшийся день, но я все еще помнила, что где-то там, в недогоревшей гостинице, каким-то чудом спаслись мои вещи, и без сомнения они ждут скорейшего воссоединения со мной. И хотя в копилке "странностей за один день" сегодня и так был перебор, я решила добавить еще одну.

Я потянулась за круглой пластинкой, ожидая, что на ощупь она окажется холодной и шероховатой. Но не успела до нее дотронуться, как по самой кромке, зеленоватой змейкой проскочила ниточка магии, активировав самый необычный информационный амулет, что мне приходилось видеть. Заиграла приятная мелодия — одна из тех, что звучат в музыкальных шкатулках, привезенных в подарок двенадцатилетним дочерям. Из центра круга вырвалось зеленоватое свечение за долю секунды сформировавшись маленькие трехмерные изображения.

Амулет пробудился.

Внешне он вызывал эстетическое удовлетворение и восторг новичка, но вот его внутренняя составляющая тянула только на глухое раздражение. Может, для здешнего контингента подобное отношение к клиентам не выходило за рамки приличия, но я то отчетливо понимала, что у меня только что без спроса нагло хапнули кусочек магических сил (которых и так не фонтан, не колодец и даже не коромысло!), больше, чем требуется для пробуждения амулета из "спячки". Гораздо больше! На столько больше, что еще пару веков назад за такие шуточки можно было и на дуэль вызвать и в инквизицию сдать. Собственно и сейчас никто такого не запрещал, но как на зло, у меня ни ножа, ни чарм.

От того что бы вскочить и тут же устроить скандал, меня останавливала только Леда со своей историей о том, как же ей хочется быть приглашенной на закрытую встречу. С другой стороны, если уже на первом этапе к тебе проявляют такое неуважение, чего-то лучшего дальше ждать не стоит.

— Китра, ты чего? — удивилась Леда. — Смотри, какая красота.

Смотрите, кто заговорил!

— Красота? — я не могла поверить в то что слышу. Неужели она знала, что со мной обойдутся подобным образом и так нахально вторгнуться к моему резерву сил? И ради чего, какой-то красивой картинкой?! — Да меня тут чуть ли магически не обескровили!

Я значительно повысила голос. Люди, которые до этого момента с любопытство поглядывали на нас, уже почти не стесняясь приготовились наслаждаться предстоящим концертом, которому повезло обрасти дополнительным сюжетным поворотом. На сцену (к нашему столику) вышла хозяйка салона. Распознать в ней ту самую Агату, о которой гласила вывеска, не составило труда. Достаточно видеть, с каким восхищением моя спутница ее разглядывает.

— Какие-то проблемы, руми? — удивленно улыбнулась женщина искренней улыбкой, словно действительно не могла понять в чем дело. — Прошу меня извинить, что не смогла поприветствовать вас сразу. Возникли проблемы с одним из мастеров. Я — Агата Северная, рада видеть вас в своем скромном магазине. С Вами, руми, я кажется уже встречалась?

— Да, — стушевалась Леда. — Я — руми Леда, адептка Академии магии Старого города, второй курс, специальный поток. Поклонница всех ваших работ. За чармами всегда обращаюсь в ваш салон.

— Ах, ну конечно! — чему-то радуясь, руми Агата ловко обвила тонкими пальцами

правое запястье Леды и приподняв его вверх к свету, наклонилась чтобы получше разглядеть. — Узнаю свою работу. Вот эту "ромашку" я делала лично. Она не доставляет неприятностей?

— Ох, что вы! Все прекрасно работает! — поспешила заверить ее девушка.

Мне же надоело слушать бессмысленный обмен любезностями и я решила разрушить воцарившуюся идиллию.

— Кх-кхм. Китра Латер, — представилась я, встала со стула и протянув хозяйки руку для приветствия. Не смотря на высокий каблук, женщина оказалась на несколько сантиметров ниже меня. — Адептка второго курса, ярая противница любого необоснованного вторжения в личное магическое пространство. Поток общий, нрав вспыльчивый и не всегда отходчивый.

Если своей выходкой я как-то смутила руми Агату, внешне это никак не проявилось.

— Конечно-конечно, — женщина не стала пожимать мою руку, а провернула тот же маневр, что и с Ледой. — Я очень рада новым лицам. А где же ваш браслет с чармами? Или вы левша?

Перехватить другую руку я не позволила. А ответ "не ваше дело", скрипя зубами заменила на "потеряла".

— Какой ужас! А кто ваш мастер?

— Семейная тайна, — не желала сдаваться я в импровизированном поединке.

— Зафиксированные чармы можно найти с помощью "Печати крови".

Тут я замешкалась, чем и воспользовалась руми Агата.

— Вот и чудно! Пойдемте я покажу, что у нас имеется в наличии, — женщина подхватила малахитовую пластинку и двинулась в сторону двери, зовя нас за собой.

— Что ты творишь? — зашипела мне на ухо Леда. — Ты что специально?

— Этот амулет без разрешения выжрал большую часть моих сил. Почему я должна молчать?

— Это обычная процедура.

— С каких пор?

— Последние лет двадцать. Ты что, вчера родилась? Когда обращаешься к новому мастеру, у тебя всегда берут пробу, чтобы подобрать правильный набор чарм или "закрепить" на тебе классический. Количество взятой силы зависит от того, сколько требуется для проведения анализа. Между прочим, руми Агата, проводит его совершенно бесплатно. А ты ведешь себя совершенно несносно!

Мне стало стыдно. Кажется, я устроила скандал на пустом месте, даже не попытавшись разобраться в ситуации. Очень захотелось как-нибудь витиевато выругаться. Извинения застряли где-то в горле, грозя, скорее перекрыть кислород, чем вырваться наружу. Определившись в первоначальной ненависти к человеку, менять вот так вот сразу мнение я была не готова.

Звякнула связка ключей. Руми Агата открыла перед нами дверь. Ни единым движением женщина не показала, что слышала наш разговор, хотя шептались мы достаточно громко.

— Чарма "Печать крови" часто используется не только самими владельцами, но также и следствием, — вновь заговорила руми Агата, пропуская нас вперед. — Вы даже не представляете, сколько преступников было поймано, только из-за того, что они теряли на месте преступления чарму. Или же наоборот, крали какие-нибудь ценные вещи, среди которых те оказывались. Уверена, что в скором времени, именно с помощью "Печати крови"

выйдут на того мерзавца, что убил Мэтра Сайнга. Представляете, в его доме нашли браслет с полным набором из пяти чарм! Ох, мои глубочайшие соблезнования девочки, он ведь, наверное, был вашим преподавателем?

— Мэтр Сайнг мертв? — недоверчиво переспросила Леда, перебив мое сдавленное "кто?". Ее лицо побледнело, а ладони сжались в кулаки. — Не может быть! Когда это произошло?

Вот теперь на лице женщины проступило искреннее удивление:

— Святые Стихии, вы что не знали?

Она продолжала говорить что-то еще, но я уже не могла разобрать.

Резко перестало хватать воздуха.

Я не могла произнести ни слова, только чувствовала как медленно сползаю вниз по стене. Перед мысленным взором встала странная картина, в которой я нахожусь рядом с человеком, назвавшимся мэтром Сайнгом, и передаю ему свой браслет.

Мы находились в задней комнате основного зала. Просторное помещение со стенами, обшитыми темными деревянными панелями, и освещаемое тремя хрустальными шарами, мерно покачивающимися под высоким потолком. Всего одно тщательно завешенное плотными шторами окно выходило на улицу. У стены слева от нас прятались за занавесом несколько альковов, куда подавались напитки. Леда расположилась в кресле по правую руку от руми Агаты, таким образом оказавшись напротив меня.

Меня отпаивали сладким чаем с ромашкой и чабрецом.

Я не сопротивлялась. Я думала о видении. О мужчине в алой мантии, о странном разговоре и почему-то о мороженом. Мое состояние благополучно списали на чрезмерную потерю сил и ненадолго оставили в покое. Все внимание руми Агаты было направлено на Леду, которая вытирала ситцевым платочком распухшие от слез глаза. Неожданное известие о мэтре Сайнге стало для нее сильным ударом.

— Он был лучшим из них всех. Его все любили! — В очередной раз всхлипнув, повторила она. — Кто мог такое совершить?

Руми Агата говорила какую-то очаровательно-успокоительную чепуху, на что Леда незамедлительно вспоминала, что мэтр был ярчайшим гением в области использования метаморфоз, путеводной звездочкой специального потока класса Водной Стихии и интереснейшим преподавателем факультативных занятий по тайным обществам минувших времен.

Когда диалог пошел по шестому кругу, я вмешалась:

— Мы можем вернуться к моим чармам?

Прозвучало гораздо резче, чем я планировала, но нужный эффект был достигнут. Леда еще раз всхлипнула и убрав платочек от лица, с отчаянным вызовом погибающей птицы внимательно на меня посмотрела.

— Не нужны мне старые чармы и заклинание "Печать крови". Потеряла браслет, ну и демоны с ним. Все-таки новая Академия, новая жизнь и новая память. Я готова к экспериментам и открытиям.

Руми Агата, с лаской присущей женщинам, скучающим по своим детям, живущим где-то далеко в другой стране и высылающим поздравительные открытки не чаще раза в год, погладила Леду по плечу и прошептав ей — "Это стресс", поднялась с диванчика и подарив мне снисходительную улыбку, вышла через заднюю дверь.

Как только дверь хлопнулась, я, отогнав в сторону противный голосок, нашептывающий, что не каждую галлюцинацию нужно озвучивать вслух, обратилась Леде:

— Мне надо тебе кое-что сказать.

— Мне тоже, — ответила она.

— Я думаю...

— ...это я виновата....

— ...в смерти....

— ...мэтра Сайнга.

Ее слова прозвучали словно эхо.

— Что?! — последнее слово мы тоже произнесли вместе.

— Ты о чем? — от переизбытка эмоций я резко всплеснула руками вверх, чуть не задев чашку с остывшим чаем.

— А ты?

— Давай ты первая, — предложила я.

Леда не стала возражать, но рассказ начала не сразу.

— Надо собраться с мыслями, столько уже всего произошло, — сказала она. Взяла чашку с чаем, но потом передумав, поставила обратно.

Начался рассказ.

— Он правда был очень хорошим человеком. Отзывчивым. Всегда помогал, если что-то не получалось. Проводил индивидуальные занятия для отстающих. У меня никогда не было проблем с трансформацией воды в лед, но превратить ее в пар никак не получалось. Другие метаморфозы тоже не очень хорошо давались. Поэтому я очень часто ходила к нему на дополнительные занятия. Он всегда был таким обходительным и галантным, не то что другие маги. И таким умным. Столько всего интересного знал. Его все любили.

— Особенно девушки? — отчего-то решила вставить я.

— Все слухи от завистников по цеху! — бурно отреагировала адептка. В мгновение ока ее лицо покрылось краской возмущения. В ее спокойный и уравновешенный характер периодически вклинивались необоснованные вспышки гнева. Словно, я только и делала, что танцевала с огнем по ее больным точкам. — Он ничего подобного себе не позволял. Никогда! Почему, если мужчина участлив и внимателен, его сразу подозревают в каких-то мерзостях?

Потом Леда видимо поняла, что я не могла слышать никаких сплетен и вряд ли предвзята в отношении покойного, и продолжила совсем в другом тоне. Ее плечи расправились, а руки перестали сжимать мертвой хваткой кружевной платочек. Исчезла пролегла над бровями морщинка, а кожа постепенно возвращала свой бледный оттенок.

— В общем, именно его факультатив — да, я взяла его предмет в качестве факультативного — навел меня на мысль, что в Академии что-то нечисто. После исчезновения очередной адептки — где-то с луну назад, я поделилась с ним своими догадками. Не напрямую, как тебе. Также не до конца была уверена в своих предположениях. Он не раз намекал, что в Академии нельзя доверять даже стенам. Предложил встретиться в месте поспокойней, чтобы все обсудить. Но встреча так и не состоялась.

Последнее предложение сопровождалось едва сдерживаемым всхлипом. Я пододвинула к ней поближе чашку с успокаивающим чаем. Девушка кивнула в знак благодарности, но к напитку так и не притронулась. Она продолжила:

— Наверное, из-за моих слов, он влез куда не следует. Мэтра убили ночью. Каких-то двенадцать-пятнадцать часов назад. О, Стихии! Быть может, это не совпадение, что в то же время напали и на меня?

Действительно ли она говорила разумные вещи, или дело было в крепком чае, а может все это фатальное стечение обстоятельств, но в ее истории было гораздо больше смысла, чем в моем бредовом недо-воспоминании. Кто-то похищает адептов для неизвестных целей так искусно, что ни родные, ни друзья, ни администрация не поднимают шума. Выбирают учеников, которых никто не будет искать. Которые, всего лишь цифры в статистике Академии. Те, о ком воспоминания хранятся только на страницах, потому что помнить о них некому. Безликие, одинокие, заурядные. Такие отщепенцы есть всегда. Но даже таких хоть кто-то должен искать. Какие-никакие, но адепты — ценный ресурс. Администрация должна

контролировать каждый случай, а внутренняя служба безопасности проверять. Если они ничего не предпринимают, то это преступная халатность, безразличие или заговор? Убийства мэтра Академии Магии — это уже совсем другой уровень. На такие поступки не решаются, надеясь на авось. Здесь должна быть четкая уверенность в собственной безнаказанности. Определенный уровень наглости и дерзости. Мэтр — это очень высокий уровень в магии. Пробриться в Академию уровня Старого города — совсем не простое занятие. За деньги такой статус не купишь. Тем более, что он дополнительно вел факультатив по тайным обществам.

"Во что же ты ввязалась? — не удержалась я от мысленного вопроса к самой себе".

Я начала осознавать степень опасности в которую впутала "Я — вчерашняя" "Себя — настоящую". Такие грандиозные заговоры с вовлечением верхушки Академии не плетутся одним или двумя людьми. Это какое-то сообщество. С тайными целями. Все в традициях давних времен Старого города. Стоит ли удивляться, что инквизиция не всех перебила?

— Это какое-то тайное общество, — заключила я. — Какие-нибудь романтики, начитавшиеся древних книжек и возомнившие, что могут повторить успех предшественников.

— Тайные общества так легко не строятся, — запротестовала собеседница. — Не с таким контролем, что в Старом городе. Здесь на каждом шагу Стражи Солнца.

— Нас же с тобой прохлопали, как и мэтра.

— Нападения были просчитаны до последней детали. Разовые случаи. А целое общество нельзя проморгать. Постоянные встречи, магические ритуалы, знаки отличия, тайные знания. Как ты все это утаишь?

От своей теории я отступить не собиралась:

— Устроят встречи в салоне для избранных. Маленький закрытый клуб по интересам, как у руми Агаты. Приглашения, только у членов общества, а остальным — иллюзию возможности прикоснуться к мечте. Все у Стражей перед самым носом.

Мы синхронно подняли головы вверх, словно сквозь толстый потолок комнаты можно было увидеть второй этаж салона и все события, что происходят здесь вечерами.

— Что там? Какой-то обрывок заклинания?

Я подскочила на месте. Леда замерла, так и не опустив голову, чтобы увидеть носителя звонкого голоса. Руми Агата стояла в проеме двери, держа в руках поднос с чармами. Как она открыла тяжелую дубовую дверь без единого шороха и скрипа, оставалось загадкой, как и то, слышала ли она что-то из нашего разговора. Удивительно, что мы не заметили ее сразу. Хотя темные тени плотно облегали ее стройную фигуру, и расположение освещающих шаров стояло таким образом, что свет приходился на центр комнаты, а участки рядом со стенами, дверьми и окнами — затемнены, прекрасную хозяйку салона невозможно было не заметить. От ее платья исходило мягкое зеленоватое сияние, придающее ей сходство с карикатурными призраками из детских книг. Казалось, тени специально сгущались вокруг нее плотнее, чтобы придать более эффектный контраст платью. Память подсказывала, что при встрече в главной части магазинчика, на ней было тоже самое одеяние, но материал казался обычным.

Мое удивление должно быть не уступало тому, которое возникло на лице Леды, когда та смогла взять свое тело под контроль и повернуться в сторону вошедшей руми. Сама же Агата, погревшись в лучах нашего непонимания и запоздалого восхищения, легкой походкой направилась к нам. Поднос тихо звякнул соприкоснувшись со стеклянным столиком. Легкое марево свежих чар, словно столетняя пыль с бабушкиного дивана, взметнулось вверх. Я

чихнула.

Женщина легко рассмеялась.

— Новые образцы. Только из мастерской.

— Так это результат применения чармы? — потрясенная собственной догадкой, спросила Леда. Конечно, она имела ввиду фосфорный оттенок платья.

— Пока это только пробный экземпляр, — женщина наклонила руку, позволяя своему браслету скатиться на запястье. Пять чарм блеснули драгоценными камнями, шестая же представляла грубый минерал, на гранях кристаллов которого виднелась грубая штриховка. — Не все побочные эффекты убраны. Остается вопрос с его формой. Как только мы с ним закончим — он точно будет пользоваться успехом, несмотря на высокую цену, которая вполне себя оправдывает. Пришлю вам каталог, девочки.

Я промолчала о том, что такая чарма мне не нужна ни в каком виде, Леда же наоборот рассыпалась в благодарностях, как будто никогда не слышала о совершенно бесплатных, но идеальных в своих плетениях чарах из Света.

— Давай посмотрим на результаты твоих проб. Жаль конечно, что у тебя совсем нет ни таланта, ни способностей. И все же в моем салоне заботятся и о таких клиентах. Есть специальные эксклюзивы для таких случаев. Никто без специальной подготовки и маг-анализа не сможет понять, что у тебя совсем нет искорок.

— Чего?! — воскликнула я, с трудом дослушав снисходительную речь в свой адрес. — Как вы смеете?!

Волна возмущения прокатилась по всему телу, пробуждая частички старых воспоминаний. Очень старых. Насыщенных, крепких, бесценных, как вино из погребов императора со времен властвующих Стихий, и с тонким запахом горных цветов — эдельвейсов. Я почти ощутила вибрацию в своих пальцах, готовую в любой момент, без помощи искусственных и бездушных носителей, сотворить атакующее заклинание. Буря забытых ощущений взметнулась вверх. Неконтролируемых, опасных, болезненных, уничтожающих.

Я крепко сжимала правую руку левой, до боли вцепившись ногтями в кожу. До крови. Свои слова я слышала словно сквозь вату. Как будто вместо меня их говорил кто-то совершенно другой, абсолютной чуждый как мне, так и этому городу.

— Простите за мою вспышку гнева, руми Агата, — говорил этот другой человек. — Очень тяжело сдерживать амбиции при своей неполноценностью. Я полностью доверяю вам как профессионалу в выборе подходящего набора.

На хозяйку салона смотрел другой человек и этот "другой" презирал то, что она считает своим мастерством и не находил других слов для ее чарм, кроме как "безделушки". И руми Агата это видела. И "другой" это понимал. Женщина не сводила с меня глаз, но при этом не поддерживала зрительный контакт. Она почувствовала угрозу, но не могла понять, откуда идет опасность. Не от взбалмошной же девчонки с крохами магии. И не от ее подруги, которая перебирала чармы, больше подходящих для украшений юной руми, чем для рабочего артефакта адептке.

— Давай возьмем что-нибудь в форме цветка, — Леда вмешалась минутой позже, чем следовало. Со звуком ее голоса постороннее присутствие пропало, оставив после себя привкус горьких трав.

Не знаю, как происходит реабилитация после амнезии, но по-моему таких видений быть не должно. Может, Прия Парнс что-то сделала не так? Вспышки агрессии.

воспоминания и ощущения, которых быть не могло. Неконтролируемые действия. Чужие голоса. Напоминает признаки одержимости лунной болезнью. Все как по учебнику.

На подносе лежал серебряный эдельвейс с выкрашенными белыми лепестками. Я прикоснулась к гладкой поверхности металла, не ощущая ровным счетом ничего. Самое лучшее решение за весь день.

— Это "активная защита"? — спросила я, уже зная ответ.

— Нет, это активное нападение, — с хозяйки еще не до конца слетела пелена задумчивости, возникшая из-за моих слов. — Три шестиконечных металлических звезды. В использовании тяжеловаты и опасны для новичка.

— Их называют серебряными звездами. — Леда положила эдельвейс на ладонь и несколько раз поменяв угол наклона, вернула чарму на место. — Утраченная любовь, скорбь и смерть, — вот что этот цветок символизирует. Он конечно красив, но легенды о нем, одна другой хуже ходят.

— А еще их называют бессмертными цветами, — возразила я, отодвигая цветок к краю подноса. Уверенность моих собеседниц в том, что я не смогу совладать с этой чармой подстегнула желание ей обладать.

Выбор "аптечки" пал на такую же чарму, как у Леды — ромашку. Она прокомментировала это так — "Будем сестрами". Для пассивной защиты подошел змеевик, что примечательно, в виде змейки в металлическом обрамлении. Для рабочего было предложено выбрать чарму в форме кубика или животного.

— С ними проще работать, — посоветовала руми Агата.

— У меня снежинка, потому что у меня склонность к ледяной магии, — пояснила Леда свой собственный выбор.

— Простота — залог успеха, — не отставала руми Агата.

— Сама бы я кубик взяла, — не сдавалась Леда.

— На "чёрных кошечек" очень хорошие скидки, — последняя попытка хозяйки.

И все эти слова, чтобы отговорить меня от выбора чармы в виде пера для письма.

"Поздно, — решила я. — Беру."

— Бесплатный обмен в течении десяти дней, — как бы невзначай шепнула хозяйка Леде, когда я нацепила перышко на браслет к трем другим чармам. — Понять не могу, откуда оно здесь. Такие чармы из моды вышли, когда я сама еще училась. Наверное, из коллекции моего предшественника. Сама я точно его не делала.

Вишенкой на торте моей коллекции стала чарма в виде масляной лампы. На первый взгляд конструкция выглядела хрупкой и не практичной, но, на самом деле, сломать ее можно было только с помощью разрушающей магии. Каждый изгиб в точности повторял строение ламп, использующихся в академии в первые годы ее открытия, когда не хватало средств, чтобы обеспечить безопасный свет магическими шарами.

Чай был допит. Чармы выбраны. Клиенты довольны.

Руми проводила нас обратно в главный зал и отдала наш заказ мальчику-ученику для оформления. Были произнесены какие-то напутствия, слова благодарности, несколько минут вежливой беседы, фальшивые улыбки и заверения обязательно вернутся еще раз.

Получив пакет с коробочкой чарм и пятью трактатами об индивидуальном использовании каждой из них, мы покинули "Салон северной Агаты".

— Я опять без приглашения на вечер, — вздохнула Леда.

— А в Старом городе что, больше нет мест, где можно выпить без приглашения? —

спросила я, наблюдая за тем, как солнце у горизонта расплывается в кроваво-красном закате. Улица тонула в последних лучах света, постепенно скрадываемых сумерками. Фонари еще не зажглись, но многие лавки уже закрывались и то тут, то там можно было увидеть горожан, спешащих домой. Тот самый промежуток времени, когда ведущие дневной образ жизни люди разошлись по домам, а ночные еще не выбрались для очередного путешествия в мир грез и развлечений.

Ветра не было. Тишину разбавляли поскрипывания незапертой калитки и доносившийся откуда-то из далека подростковый смех. Пахло медом и полынью.

— Сколько сейчас времени? — внезапно заинтересовалась я, чувствуя как по коже пробегает холодок.

— Восьмой час.

— А во сколько темнеет?

— В восемь.

— Нам надо найти карету.

— Давай туда. — Леда определилась с направлением и указала на восток. — Там короткий путь. Срежем половину.

Солнце с жутковатым окрасом неба и смутные страхи остались позади нас. Ровно до того момента, как взамен поскрипывающих петель, позади послышались приближающиеся шаги. Леда схватила меня за руку.

— Давай тут свернем, — она потянула меня в одну из подворотен.

Шаги не затихли.

Мы свернули еще раз и еще.

Ускорили шаг.

Побежали.

Звук шагов предполагаемого преследователя растворился в цокоте наших каблучков. Несколько домов и поворотов спустя я остановилась, заставляя Леду прижаться к стене. Наши руки оставались крепко сжатыми.

— Подожди. — Прошептала я. — Давай посмотрим.

Мы замерли на месте. Прошло несколько мгновений, но шагов больше не слышались.

— Ушел? — безмолвно спросила Леда, шевеля только губами.

— Сейчас гляну, — сердце билось с такой силой, что заглушало мой собственный ответ.

Высунув голову из-за угла, я обнаружила совершенно пустую улицу.

— Кажется, мы сами себя напугали, — нервно усмехнувшись, сказала я и тут же ойкнула, когда рука Леды ногтями вонзилась в мою ладонь.

Только я хотела возмутиться, что мне больно, над ухом раздался грубый мужской голос:

— Набегались?

Я закричала.

Громко.

Накопившее напряжение шквалом рвануло вверх, преобразовавшись в визг. Это был не страх, а возмездие с явной долей злорадства. Слух уже определил, кому принадлежит голос, глаза зафиксировали знакомую фигуру, но мозг еще не успел переработать информацию и затормозить рефлекс.

Замах, и пакет с покупками полетел в парня, по своей собственной глупости подошедшего к невинной руми со спины. Он перехватил мою руку, но не пакет. Тот пришелся ему по голове с глухим "шмяк", скинув с головы шляпу и с ней же улетев на дорогу. Коробочка скользнула по брусчатке к водостоку. Инструкции вспорхнули стаей белоснежных голубей и разлетелись в разные стороны по переулку.

— Нельзя так пугать! — возмутилась я, разглядев в преследователе Шляпника, предоставившего накануне свой плащ продрогшей от холода руми. Прекрасной и благодарной — мне.

Леда издала какой-то невнятный звук между "ох-кх-кх", больше похожий на попытку заглушить смех. Как же я ее понимала. Без шляпы наш парень напоминал скорее растрепанного, мокрого воробья, чем гордого сурового хищника. Всклопоченные темно-русые волосы только усиливали эффект. Волосы были не стрижены, но за ними определенно ухаживали. Складывалось впечатление, что парень пытался их отрастить, но по каким-то причинам каждый раз терпел неудачу. В том виде, что они были — ни в хвост собрать, ни уложить толком. Прямо как мои. И длинна совпадает.

Тоже самое заметила Леда. Едва слышно кашлянув в кулачок "шиньон", она опустилась на корточки и подобрала шляпу. Протянула ее парню. Тихо извинилась, и уткнулась мне в плечо, едва заметно подрагивая. Безмолвный смех — это искусство!

Меня бросили одну решать проблему.

Почувствовав, как краска подступает к лицу, я решила, что пора переходить к нападению.

— Вы что, следили за нами?!

— А что с вами еще делать, если кто-то не способен выполнять простые правила? — парень нахлобучил на голову шляпу. — Из-за вас всю Академию на уши поставили!

Найдя в себе силу воли, Леда, наконец, решила вступить в игру. Оторвавшись от моего плеча, она со всем возможным достоинством ответила:

— Господин Чабер нас отпустил.

— Забрать вещи и вернуться обратно, а не слоняться по городу, словно бездомные кошки. Надо же знать какие-то границы!

— Да, надо! Например, границы личного пространства, — девушка выразительно глянула на мою руку, все еще зажатую в крепких тисках Шляпника. Он колебался всего мгновение. Этого хватило, чтобы почувствовать как хватка ослабла, и высвободить руку из заточения. На коже отчетливо проступали красные следы.

— В гостинице вы так и не появились, — парень определенно начинал сдавать позиции. — И никому не сообщили о своих планах.

— И не должны были. — Продолжала гнуть Леда. — Это наше свободное время, которое мы можем проводить так, как нам вздумается.

Я тем временем присела, чтобы собрать разбросанные покупки. Несколько листов с инструкцией улетели в другой конец переулка.

— Больше нет, — чему-то радуясь, ответил парень, пытаясь не терять меня из поля зрения. — Помимо комендантского часа, с сегодняшнего дня всем адептам запрещено покидать Академию без письменного разрешения господина Чабера. Я как раз занимаюсь тем, что собираю невернувшихся вовремя детишек.

Леда пораженно замерла, не в силах вымолвить ни слова. Я была уверена, что в ее голове добавилось еще несколько кусочков к общей картине таинственного заговора верхушки Академии.

Последний листок был поднят и аккуратно сложен обратно в пакет.

— Это из-за смерти мэтра Сайнга? — решила я перенять эстафету у временно дезориентированной Леды. — Выяснились какие-то обстоятельства?

Мой голос дрожал. В моем воспоминании я отдавала мэтру свои чармы и на месте преступления нашли неопознанные чармы. Такие совпадения мне не нравились. Начинало казаться, словно память я потеряла не случайно. Что если я как-то причастна к происходящему и в любой момент может выясниться, что я — убийца?.

— Вы уже знаете? — насторожился парень.

— Хозяйка салона с чармами рассказала, — пояснила я, подходя ближе и вставая напротив него, перегораживая тем самым Леду. Чтобы посмотреть ему в глаза, мне пришлось приподнять голову. Разница в росте была явной. — Как это произошло? Его правда убили?

Парень ответил не сразу. Он чуть склонил голову набок, и как будто не зная куда деть руки, принялся теревить одну из застежек плаща.

— Это все равно появится в вечерней газете, — как бы оправдывая самого себя, сказал он. — Мэтра обнаружили в его собственном доме — в отличии от других преподавателей, он не проживал в Академии во время учебного процесса или каникул. Сегодня утром мэтра обнаружила приходящая горничная, когда закончила уборку дома и спустилась в подвал. Следов взлома или борьбы не обнаружено. По словам горничной из дома ничего не пропало.

— Так от чего он умер? Это не мог быть несчастный случай?

— Несколько колотых ран, нанесенных прямо в сердце? — как-то флегматично уточнил Шляпник.

— А что выяснили о браслете с чармами? — этот вопрос интересовал меня больше всех остальных. А вот парня он почему-то насторожил.

— Хозяйка какого салона вам сказала про чармы?

Я ответила. Парень выругался. Леда кашлянула, напоминая, что он все-таки находится в компании руми.

— Так, хватит. Давайте-ка быстро в Академию, а мне надо переговорить с через чур разговорчивым экспертом и забрать этого вашего третьего из библиотеки.

— Он не наш! — возмутилась Леда, сразу поняв, о ком речь.

— Да какая разница?

— Ладно-ладно, — примирительно подняла я руки, прерывая на вдохе готовящуюся вырваться тираду девушки. — Мы собирались забрать вещи и идти в Академию.

— Какие еще вещи? Сразу в Академию! — Рявкнул парень.

— Но...

— Никаких "но". У вас было время. Как вернетесь — сразу к господину Чаберу.

На этом разговор был окончен.

Я провожала взглядом его удаляющуюся спину, пытаюсь понять, откуда у парня эта забавная шляпа. За все время проведенное, как в Академии, так и в городе, я больше не видела ни одного человека с таким головным убором. На мой взгляд — эта самая странная дань моде или традициям, которую только можно придумать. Что за человеком надо быть, чтобы нисколько не стесняясь носить такое и при этом чувствовать себя не только комфортно, но и достаточно уверенно, чтобы так и не представиться девушке, которую видишь во второй раз?

По всему выходило, что Шляпник является каким-то доверенным лицом господина Чабера. При этом он носил знак адепта Академии, но я так и не смогла разглядеть на нем его имя. Парень вполне мог являться родственником или подопечным господина Чабера, но это никак не умоляло его грубое отношение к другим адептам и не могло давать какую-либо власть.

Вернуться до заката мы не успевали.

Сначала я почувствовала это. Где-то на периферии сознания мелькнул маленький предупреждающий огонечек. Потом меня что-то подбросило вверх и отшвырнуло на несколько метров назад. Каким-то образом в эти доли секунды я умудрилась сгруппироваться и погасить падение, оттолкнувшись от земли рукой. Перенеся центр тяжести на ладонь и ступню, я перекатилась назад, тем самым спасая спину от удара. Приземлившись на колени и почувствовав руками твердую почву, я поняла, что забыла как дышать. Из груди выбило весь воздух, и словно рыба, выброшенная на лед, я беспомощно открывала рот. Я потерялась в пространстве. Раздался булькающий звук, подобно тому, как лопаются шарики с мыльной водой. Жгучая боль заструилась в груди, принося вместе с собой глотки живительного кислорода. Я смогла сделать вдох, вслед за которым пришла долгожданная мысль.

"Что здесь происходит?!" — оформиться эта самая мысль в слова так и не успела. Сорвав с головы платок, кто-то жестко схватил меня за волосы, запрокидывая голову назад. Мерцающий свет фонаря отразил грубые черты лица смутно знакомого мужчины. Кривой изгиб губ. Темные, густые брови, сдвинутые к переносице, между которыми пролегает глубокая морщинка, не пропадающая, даже когда лицо расслаблено. Глаза темные, влажные, отдающие перламутровым блеском. Такой бывает у людей, находящихся под каким-то наркотическим зельем.

В этого человека я метнула нож. Я почти посекундно увидела тот момент, как вытаскиваю из-за пояса оружие и не раздумывая кидаю в него. Удар приходится в левое плечо. Наверное, я должна была быть рада, что не стала вчера убийцей. Но именно сейчас я глубоко раскаивалась, что удар не пришелся этому ублюдку прямо в сердце.

Все повторялось. Только на месте Леды я. Безоружная. Беспомощная.

"Все это уже было" — очень четко осознала я. — " Эта ситуация, этот человек, может даже эта улица".

"Это человек" был со мной полностью согласен.

— Это она, — прозвучал голос над головой, обращаясь к кому-то невидимому мне. Я слышала его вчера. Звучный, хорошо поставленный, совсем немного с хрипотцой и в нем

смесь раздражающих ноток из надменности и злорадства. Надежда, что нападавшие — простые искатели легкой наживы, медленно угасала с последними лучами солнца, едва пробивающимися сквозь горизонт.

Как же я вчера из этой ситуации выкрутилась? А ни как.

Меня потянули за волосы вверх, заставляя подняться на ноги. Я протестующе запрокинула руки назад, чтобы зацепиться за ладонь или кисть напавшего и ослабить давление. Вместо этого, мужчина дернул меня в сторону, еще крепче вцепившись в волосы.

— Не надо кричать, руми. — Он крепко прижимал меня к себе за талию и я могла почувствовать запах шедший от мужчины: необычное сочетание ароматов мускуса, крови и полыни. — Берите пример со своей подружки.

Леда?

Она стояла спокойно, вполоборота ко мне. Не шевелилась. Совершенно пустой и неосознанный взгляд, как будто она находилась где-то не здесь. Глаза, подернутые поволокой, застыли, остановившись на невидимой никому точке. Несколько локонов выбились из прически и теперь спадали ей на лицо, очевидно мешая. Она не торопилась поправлять их. Красивая кукла в полный рост. Такую не купишь в магазине. Только на заказ.

— Что ты с ней сделал? — зарычала я.

— Ничего необратимого. Пока.

Я лихорадочно искала выход. Новые чармы все также лежали запакованные в коробочке, в пакете, который я выронила из рук, когда падала. Даже если каким-то образом вырваться из хватки мужчины и добраться до пакета, то придется потратить несколько драгоценных секунд, чтобы достать и правильно активировать артефакты. У меня не будет столько времени. И у меня нет другого оружия. Я не могу себя защитить. Я не знаю, что с Ледой. Как мне поступить? Я, кажется, неплоха в заклинаниях Света, но что я смогу сотворить после того, как в салоне у меня выкачали большую часть сил? Вот если бы Леда пришла в себя. У нее чармы подготовлены к работе.

— Кто вы? — я тянула время.

Вопрос был проигнорирован. Продолжая держать меня за волосы, другой рукой он нащупал идентификационный знак на отвороте жакета, и ловко отстегнув его кинул в сторону темного проулка. Металлического позвякивания от удара о камни не последовало. Знак был пойман кем-то спрятанным от моего взора в тени. Второй сообщник не желал быть узнанным.

— Китра Латер, — прочитал неизвестный. — Второй курс, общий поток? Да ладно! Это точно она?

— Да, — подтвердил мужчина. — Только...

— Только?

Перехватив за талию одной рукой, а второй усилив давление на голову, мужчина заставил меня повернуть голову. Он чуть наклонился, и мы оказались лицом к лицу.

"Вряд ли ему больше сорока" — почему-то подумалось мне.

— Мне казалось, она была старше, — напор ослаб и я снова смотрела вперед — на замершую на месте Леду. Слышала ли она нас? Понимала ли, что происходит вокруг и в какой она опасности или утопает в сонме иллюзий и давно потеряла чувство опасности?

— Я не вижу в ней чего-то необычного. Ты уверен, что дело было в ней? — засомневался голос из темноты.

— Ты думаешь, я пытаюсь спихнуть вину на кого-то другого? Это точно было она! Если

сам не помнишь, спроси у Лилит.

— Я не подходил так близко к алтарю, мне нечего помнить.

Я не могла понять, о чем они говорят. Я лишь силилась ухватиться за вчерашние воспоминания, точнее за те чувства, что испытывала. Потому что вчера я не боялась. Я была уверена в своих силах. Я знала, что могу справиться с чем угодно.

— Что вам от нас надо? — собрав волю в кулак, вмешалась я. Чем дольше мы говорим, тем больше шансов, что кто-то наткнется здесь на нас. Да хоть тот же самый Шляпник, возвращаясь обратно нас заметит. — Почему вы это делаете?

Мужчина рассмеялся:

— Ну уж нет, на вопросы здесь отвечаешь ты. Что ты сделала с алтарем? — Он еще раз больно дернул меня за волосы, да так сильно, что из глаз потекли слезы.

— Я не понимаю, о чем вы! Вы же стерли мне память, я даже имени своего вспомнить не смогла!

— Лучше отвечай, — рыкнул мужчина. — После вчерашнего фокуса с ножом, у меня не так много терпения для тебя. Имей ввиду, в случае чего, серьезно пострадает твоя подруга.

— Я говорю правду! Я не знаю ничего ни о каком алтаре! — мой голос переходил в крик. Я отчаянно надеялась, что хоть кто-нибудь его услышит. Это же проклятый Старый город! Где все эти бесполезные Стражи, когда они так нужны?

В том месте, где стоял неизвестный, что-то блеснуло. Активировалась какая-то чарма. В тот же момент Леда вскрикнула, по ее лицу прошла дрожь и она рухнула на землю.

— Леда! — вот тут я уже закричала. — Что с ней?! Что вы сделали?!

Я начала извиваться в руках мужчины, но он лишь усилил хватку.

— Я ничего не помню! Правда!

— Заткни ее.

Рука мужчины, наконец, оставила в покое мои волосы, и переместилась на лицо, крепко зажав мне рот.

Ситуация обострялась. Все меньше и меньше оставалось шансов, что все закончится мирным путем. С того места, где я стояла, было не видно, дышит ли Леда. Она так и не шевельнулась с того момента, как упала. Я даже не представляла, что за заклинание могло дать такой эффект, но мне казалось, что она срочно нуждается в помощи лекаря.

— Могла ли... Мог ли наш друг перестараться? — снова донеслось из темноты. Незнакомец говорил спокойно, не меняя интонации, не допуская сомнений в своих действиях. А потом, как бы отвечая самому себе на какой-то незаданный вопрос, продолжил: — Все равно пришлось бы забрать ее с собой.

— А со второй что? — мужчина кивнул, указывая в сторону Леды.

Ответ я ждать не стала.

Да, страх сковывает. Когда ты чего-то боишься, ты перестаешь нормально соображать, и чем больший страх ты испытываешь, тем сильнее съезживается твой ум, и от этого уменьшается способность к восприятию. Страх начинает влиять на способность действовать. Уже он, а не ты, моделирует твою будущую реальность. Но если твой ум достаточно натренирован, даже настолько сильная эмоция не сможет тебя остановить.

Произошедшее дальше слилось в клубок запутанных событий. Не знаю, как только мне все это пришло в голову?

Я закатила глаза, имитируя обморок, и обмякла в руках мужчины. Мне нужно было лишь одно мгновение, секунда замешательства. И я ее получила. Полностью

сосредоточившись на тактильных ощущениях, я уловила тот момент, когда его руки перестали так сильно меня удерживать. Маленькая слабость, но этого было достаточно. Я со всей силы, что скопилось в моем хрупком, девичьем теле и подключив всю ту гамму переполняющих эмоций из гнева, злости и обиды, заехала локтем угнетателю по ране. Точнее, по тому месту, в котором она должна была быть из моих видений-воспоминаний. Нет такого заклинания или эликсира, что способен всего за сутки излечить такую рану.

Я не ошиблась.

Мужчина закричал, выпуская меня из захвата. Следующий удар пришелся ему локтем по лицу. Где-то на периферии мелькнул огонек, но я была быстрее. Заклинания магии Света — самые быстрые из всех. Минус время на активацию чарм. Эти десятые доли секунд оказались решающими. Вспышка света рванула в сторону второго нападающего, фейерверком разбрасывая в стороны снопы искр — теперь-то нас точно заметят. Я не стала дожидаться результата, я бросилась к подруге. Резерв моих сил исчерпался, мне нужны были силы Леды.

Я схватила ее за плечо, переворачивая на спину — никакой реакции. Глаза закрыты. Дотронулась до запястья — пульс есть. Лучшая новость за сегодня. Теперь чармы. Половина незнакомых, но "Молнию" я сегодня уже видела. Искра для активации — все что нужно. Я концентрируюсь на молнии и... и что за демон? Не работает?

— Не работает? — эхом повторил голос рядом со мной.

Хлесткая пощечина по лицу. Не больная, обидная.

Прячущийся во тьме вышел на свет.

Тело полностью скрыто одеждой. Даже на руках перчатки, при том, что на улице достаточно тепло для летнего вечера. Ткань костюма дорогая, темных тонов. Никаких знаков отличия, вышитых монограмм на манжетах велюрового камзола или драгоценных застёжек с тиснением. Начищенные сапоги на невысоком каблуке с серебряными застёжками.

Его лицо скрывал глубокий капюшон надвинутый на глаза. Можно было разглядеть лишь гладковыбритый подбородок — квадратный, слегка выступающий вперед и приподнятый кверху. Тонкие узкие губы казались жесткими и грубыми, но отнюдь не обветренными или неухоженными. Этот мужчина следил за своей внешностью. Те единственные черты лица, что можно было разглядеть, все как одна кричали об эмоциональной холодности, щепетильности, расчетливости человека. Каждая деталь одежды, каждое движение, выдавали в нем представителя аристократии.

Глядя на него с низу вверх, пыталась выжать из его внешности и одеяния всю возможную информацию, в случае, если этот вечер не станет последним, и мне даруют час возмездия. Этот мужчина не останется инкогнито. Не после того, что он сделал. И уж точно не после того, что он планирует совершить.

Я крепко сжала браслет, что успела выхватить у Леды, по очереди активируя каждую из чарм. Ни одна из них не отзывалась. "Молния", "Желудь", "Ромашка", "Снежинка", "Скрипка". Во мне осталось несколько искр силы. Я чувствовала их! Почему же чармы молчали, словно обычная бижутерия?

Мужчина не шевелился. Он смотрел на мои бесполезные попытки и не пытаясь помешать. Знал, что мои действия бесполезны. Наслаждался этим отчаяньем.

— Руми Латер, — наконец произнес он. От его голоса по спине побежали мурашки. — Давайте не усложнять ситуацию.

Аристократ не делал резких движений, но все равно, когда его рука потянулась ко мне, я дернулась назад. Я не боялась повторной пощечины. Меня пугало что-то совершенно другое, что-то скрытое в самой сути этого жуткого человека. Ткань перчатки грубо мазнула по коже, и тут же из моих рук выдернули браслет Леды. Взамен, мне на колени был брошен мой идентификационный знак, тонко напоминая, что я — адептка магических искусств, теоретически умеющая за себя постоять перед двумя опасными мужчинами, а не слабая девица, способная стать только жертвой обстоятельств.

Я крепко сжала его. До боли в костяшках. Так, чтобы почувствовать, как острые края врезаются в мягкую ткань ладоней. До крови.

— Ты усложнил ее в тот момент, когда вместо того чтобы представиться должным образом, использовал атакующую магию, — зло ответила я, раз и навсегда решив, что этот человек не заслуживает от меня уважительного обращения на "Вы".

— Я был не вежлив? — мужчина сделал шаг в сторону, отвел правую ногу назад сгибая в колене, и, прижав руку к левой стороне груди, наклонился корпусом вперед, одновременно предлагая мне другую руку, чтобы помочь подняться. Это было похоже не на поклон, а на глумливую издевку. — Разве маги приветствуют друг друга не так — показывая силу, на которую способны?

Не помню такого в правилах Академии. Точно не в хрониках этой эпохи.

— Маги — возможно, но не адепты, — я приняла приглашение, позволив помочь мне подняться.

— Какой из тебя адепт, — перешел он на "ты", — а? Общий поток. Бдущий маг Света, верно? Никогда не понимал таких людей. Как ты можешь выдавать себя за мага?

Внутри что-то ёкнуло. Из потаенных уголков, из самого сердца поднялся страх — скользкий, холодный, темный. Простые слова скovyрнули какую-то гнойную ранку, настолько болезненную, что отголоски прошли сквозь пелену забвения и выскользнули наружу. Скорлупка опутывающей магии беспамятства начала давать трещины — "Я не та, за кого себя выдаю", дальше — больше, дальше — хуже, и непонятней — "Я всегда не та, за кого себя выдаю".

Сзади послышался шорох. Тот мужчина, что пострадал от моих усилий уже во второй раз, подошел со спины. Я слышала его тяжелое дыхание, исходившую от человека угрозу, но поворачиваться не стала. Маг передо мной представлял большую опасность. И без его приказа применять лишний раз силу не будут. Я очень хотела в это верить.

— Бешенная стерва, — совсем тихо пробормотал мужчина сзади.

"Лучше не доводи до личного, — подумала я."

— Займись ее подругой, — вмешался аристократ.

Первый мужчина подхватил Леду на руки. Ловко переместил ее на неповрежденное плечо, придерживая рукой и выжидательное уставился на второго. Собственно, и так было понятно, кто из них двоих главный.

Я больше не могла ничего предпринять, пока Леда без сознания. Единственное, что оставалось — надеяться, что похитители допустят какую-нибудь ошибку, благодаря которой в Академии поймут: мы с Ледой пропали.

— Пакет с платком не забудь, — напомнил аристократ мужчине, указывая на так и не раскрытую покупку. Проклятье, надо было все-таки рискнуть и сделать выбор в пользу собственных амулетов.

Леда болталась не плече мужчины, как тряпочная кукла. Возможно, ей еще не вынесли смертельный приговор. Первое похищение адептки Стихии Воды могло быть как ошибкой, так и желанием напугать юную дурочку, чтоб не совала нос куда не следует. У нее оставался шанс. Она не видела лиц нападавших и с ней обращались довольно аккуратно. Со смертниками так себя не ведут. Но если нынче нельзя доверять даже чармам, то на что я вообще надеюсь?

— Правила просты, — главный достал из внутреннего кармана широкую черную ленту. — Ты идешь спокойно: не кричишь, не пытаешься сбежать, не выкидываешь мелких фокусов со Светом, отвечаешь на вопросы...

Я позволила затянуть вокруг глаз ленту на манер повязки. Руки мне стянули за спиной веревкой. Последовал шорох ткани и на плечи опустился плащ. Капюшон коснулся кончика носа. Теперь я стала той персоной, которая не должна была быть узнана. Как они замаскировали Леду, я не видела.

— Вот так все и работает, — схватив меня за локоть и потащив за собой, сказал главный. — Будешь вести себя хорошо и тогда, для тебя и твоей подружки тоже все закончится хорошо.

— Так же, как и для тех адептов, что уже пропали из Академии в этом году?

— Я бы на твоём месте сейчас думал о себе.

Я подумала.

— Нас будут искать.

— Правда? Кто же? — он насмеялся. Я поспешила уточнить:

— Леду будут искать. Она дочь зажиточных торговцев. Ее жених — потомственный маг.

Потомственный влюбленный в нее маг.

Мужчина хмыкнул:

— Её-то? Искать? Девушку, которая не выдержала той ответственности, что на нее возложили. Ни с кем не общалась, никого не подпускала к себе близко, ни с кем не делилась своими мыслями, постоянно находилась под давлением? А после смерти любимого мэтра сорвалась и сбежала? Не она первая, не она последняя, да и домой возвращаться нельзя — нарушение контракта. Позор для семьи.

— Откуда ты знаешь про ее контракт? Такие вещи держаться, если не в тайне, то в очень ограниченном кругу.

— А ты?

Настал мой черед молчать. Леда поделилась со мной своими переживаниями, как с другом. Другом, которого она знает меньше суток.

— Я ее друг. — Произнесла я с гораздо меньшей уверенностью, чем собиралась.

— И кто будет искать тебя?

Никто. Некому меня искать. Леда искала бы, но сейчас она со мной. Больше я никого не помню.

Вместо очевидного ответа я спросила:

— Почему чармы не сработали?

— Что, такому в Академии не учат? — он ждал этого вопроса.

Можно заблокировать одну чарму или Стихию. При желании и должном упорстве, тоже самое можно проделать с одной из Ветвей магии. Временно. Сотворить такое одновременно с пятью чармами, разными по характеру, направленности, действию — невозможно. Не сработала даже "ромашка", которая является лечебным заклинанием.

Мог быть поврежден сам браслет. Например, вчера, при первом нападении. Если плетение было каким-то образом нарушено, то направляемая в чарму сила могла просто до нее не доходить. На чарме "Молния" были трещины, что вполне является одним из признаков нарушения внутренней структуры амулета. Другие чармы я не рассматривала. Возможно они в таком же состоянии. Другим признаком нарушенной связи может являться случай в столовой. Леда использовала свою Стихию без фокусировки, напрямую. Она это сделала не специально, а находясь под влиянием сильных чувств. И все же, браслет для того и существует, чтобы впитывать в себя стихийные всплески магии. Этакий предохранитель от подростковых гормонов, вызывающих неконтролируемую бурю эмоций. Почему никто из нас тогда не подумал, что с браслетом какие-то проблемы?

Я высказала свою догадку.

— Скажи мне, что с тобой не так? — вместо ответа, спросил мужчина.

— А что такое? — не поняла я. Он же не про потерю памяти? О ней я сразу сказала. Ничего не помню, сами виноваты.

— Такая способная и такая бездарная. Вроде, соображаешь, но каждую умную догадку покрываешь сверху невероятной глупостью. Ты видела два признака повреждения браслета, а сложила два и два только сейчас? Великолепно! Расскажи мне, какого это — осознать, что причина всех злоключений — собственная беспечность? Подумать только, за целый день не проверить свой главный рабочий инструмент! Свое оружие! Твоя подруга просто жалкая. Но

ты — еще хуже. Ходить без какой-либо защиты и это при полном отсутствии магического потенциала. Признаю, фейерверк был хорош. Для магии Света, конечно. Но это все, на что ты способна без чарм?

Я хотела возразить, что в салоне лишилась большей части своих сил, но мужчину это бы только повеселило. В чем-то он определенно прав. Сколько бы я продержалась со своим полным резервом? Три-четыре заклинания? И все из Света. Смешно. Я даже не догадалась сразу нацепить свои новые чармы. На что только надеялась?

— У меня нет таланта, — раздраженно признала я. — Сам же на моем знаке прочитал. Переведена на второй курс. Какие еще могут быть вопросы?

— "Я только учусь" — не может быть оправданием.

Я фыркнула:

— Говоришь как старик. Вспомни себя в восемнадцать. Мастерство приходит с опытом. Или ты сразу родился гением?

Он не ответил. Подхватил меня за руку и повел вперед.

Я не видела, куда мы идем. Не считала повороты. Не прислушиваться к звукам, способным подсказать что-то. Я была полностью дезориентирована в пространстве, совершенно не понимая, в какой части города нахожусь. В какой-то момент я уловила запах корицы и свежей выпечки, но это могло почудиться. Кому взбретет в голову заниматься выпечкой вечером?

Непонятны были и все предпринятые меры предосторожности. Вряд ли нас отпустят живыми. Так для чего представление? Произвести впечатление? Еще больше напугать? Вся мишура чтобы нагнать страху? Чтобы ни сделали с Ледой, она не сможет оценить весь масштаб спектакля. Почему тоже самое не проделали со мной, не ввели в состояние беспомощности? Будь я чуточку амбициозней, могла бы решить, что мне организовали приглашение в тайное сообщество: продемонстрировали свою силу, показали мою беспомощность, подкрепили все угрозой жизни близкого человека и устроили какой-то невнятный допрос.

Алтарь. Спрашивали о нем. Что я сделала с алтарем? Отбросим в сторону мою жизнь до вчерашнего дня. Все началось именно с этой злополучной ночи. В самом раннем воспоминании никакого алтаря не присутствовало. Только крюк и дым. Самое важное, что поняла только сейчас: в подвале я не была связана, прикована или еще как-то ограничена в действиях. Лежала на полу. Никаких предметов похожих на алтарь рядом не наблюдалось. Все, в этом тупик. Я действительно ничего не знала ни о каком алтаре.

Неожиданно мы остановились. Мужчина засуетился. Послышался треск. Активировалась чарма. Запах летнего вечера сменился легким запахом сырости и холода. На губах образовался привкус гари. Сердце, бившееся в ритмах зажигательного танца, сбилось со счета и пропустило удар. Дыхание перехватило. Собираемое по кусочкам самообладание разлетелось вдребезги.

"Паника, — мысленно восхитилась я себе самой. — Потрясающе! Самое подходящее время! Еще в обморок грохнись!"

Почувствовав мой ступор, мужчина дернул меня вперед, предупредив:

— Впереди ступеньки.

Знаю.

— Не надо, — пролепетала я.

— Что?

— Не надо, — жалобно повторила я. — Пожалуйста.

Дым, гарь, треск огня, замкнутое пространство. Я задыхалась. Захлебывалась собственной паникой.

— Я ничего не знаю. Я ничего не помню! Отпустите меня! — я дернулась, пытаюсь уйти от мужской хватки на своем предплечье. — Что я вам сделала?! Что вам от меня надо?!

Гул в голове нарастал. Я терялась в ощущениях. Начала вырываться. Брыкаться. Кричать. Я не контролировала собственное тело. Вслед за беспорядочными конвульсиями, появились всхлипы и невнятные бормотания. Я напонила мотылька, бьющегося о стекло, рвущегося к свободе, к свету.

Мой пленитель что-то сказал. После его слов пространство резко изменило свои параметры. Я ахнула, поняв, что из под ног уходит земля. Меня, как и Леду, забросили на плечо.

"Возможно, — предположила здравая часть меня, — не было никакого акта запугивания на манер тайного сообщества. Кто-то посчитал, что ты слишком тяжелая, чтобы тащить тебя на собственном хребте столько времени."

Я перестала брыкаться и затихла.

— Откуда ты такая проблемная?

Это вопрос остался без ответа.

Меня все еще била мелкая дрожь, но к концу спуска я начала успокаиваться. Осознав неотвратимость предстоящего, оставалось смириться и продолжать уговаривать себя "держаться" и "не расклеиваться". Только я смогу вытащить нас с Ледой из этого кошмара.

Меня сбросили на пол. Без предупреждения. Нарочито грубо. Забрали плащ. Стянули повязку. Руки все также оставались связанными за спиной. Я неуклюже поднялась. Со второй попытки. Свет резанул по глазам, когда я решилась разомкнуть веки.

Это был тот же самый огромный зал. Несмотря на полумрак, света лампад хватало, чтобы различить все его величие и весь его ужас. Стены, пол, потолок, были расписаны странными пугающими рисунками, изображающие какую-то историю. Какие-то символы, пентаграммы, цифры. Это порождало ассоциации с круговоротом и перерождением. Смена дня, времен года, уроборос, круговорот пяти первоэлементов. Тут и там мелькали знакомые сюжеты. Доминировали приглушенные темные краски, среди которых преобладал красный цвет. Золотые линии извивались, расползались, тянулись со всех сторон, замыкаясь замысловатым узором в центре зала — мраморного постамента. Черный кусок мрамора в виде ложа, украшенного белоснежными орхидеями.

И вот это все, казалось мне безумно знакомым. Не хватало одного заключительного штришка, чтобы закончить картину.

Величие работы завораживало. Взгляд блуждал от одной детали к другой, пытаюсь поймать за хвост ускользающую суть.

— Впечатляет? — если мужчина ожидал моего восхищения, он жестоко ошибся.

— Фанатики, — прозвучал приговор из моих уст. — Вы ушибленные на всю голову фанатики. Даже не окултисты — это я бы еще как-то поняла.

— Ты просто не способна оценить увиденного.

— Что тут оценивать?! Принесение людей в жертву, знаешь ли, не ново. Дурной вкус, я бы даже сказала.

— Не забывай, с кем имеешь дело! — впервые повысил он голос.

— С фанатиком?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Его рука сжалась в кулак. Сегодня меня уже били. Всего лишь пощечина, но и ее повторять не хотелось.

— Вот в чем проблема вашего поколения, — мужчина взял себя в руки, и в его голосе новым ярким букетом расцвела надменность. — Вы судите о том, что совершенно не понимаете. Получили магическую побрякушку и возомнили себя настоящими магами. А если обнаружили зачатки истинной магии, вы тут же ставите себя в ранг избранных. Ваше обучение поставили на поток, променяв качество на количество. Теперь каждый у кого найдется требуемая сумма золотых монет, претендует на звание мага. Вам запихивают в голову груды информации, вынуждая зубрить без какого-то понимания ее сути. Вы работаете с заклинаниями, но не прорабатываете свой характер. Оттачиваете мастерство, но не свой ум.

— И что, теперь мы заслуживаем смерти?

— Нет-нет-нет. Что за глупости? Мы же не монстры. Вы — жертвы обстоятельств, взращенные прогнившей культурой. Из гнилого семени ростку не проклюнутся. Но твоей подруге повезло, она сможет стать частью чего-то великого.

Фанатик. Чокнутый фанатик. А впервые минуты подавал такие надежды на роль злого гения. Вот так разбиваются мечты о встрече с настоящим магом. Если копнуть еще глубже, то выяснится, что все те загадки, влекущие таинственностью, на поверку окажутся результатом нашей собственной невнимательностью. И вот великий маг превратился в заезжего фокусника, алмаз оказался подделкой, великое чудо — игрой света.

— Где Леда?

— Ее готовят. До полуночи осталось не так много времени.

— Что вы с ней сделаете?

— Лучше спроси, что сделают с тобой.

— Удиви меня.

Все. Хватит. Я больше не дам себя запугивать.

— Не стоит так напрягаться, руми Латер. — Мужчина взял меня за подбородок, и чуть приподнял вверх, заглядывая в глаза. — Мы собираемся вернуть вам память. Будет больно.

Он не шутил насчет боли.

Физически я слабее. Проигрываю по уровню знаний. У меня забрали последние капли магии. Я выжата досуха. Силой мне не выбраться, я проигрываю по всем параметрам. Хитростью? Не с этим людьми, нет. Может что-то предложить взамен? Деньги? Не похоже, что они в них нуждаются, иначе за Леду получили бы неплохой выкуп. Да и не похитили они. Жертвенник, алтарь, жуткие картины, ритуалы, желоба отходящие в стороны от каменного постамента. Зал не использовался иначе, как для людских жертвоприношений. Чем можно торговаться с такими магами? Сила и информация. Ни того, ни другого я предложить не могу.

Чем больше я осознавала бедственность своего положения, тем сильнее таяла решимость к сопротивлению.

Аристократ небрежно взяв меня под локоть, повел к жертвеннику — каменному постаменту в центре зала, украшенному цветами. Плоская поверхность — как раз, размером с человека — была исчерчена мелкими символами, в своей совокупности, образуя пентаграмму.

Мне бы сопротивляться, но внутри что-то перегорело. Безразличие легло на плечи и задавило все остальные эмоции. Исчез страх. Я неуверенно повернулась, чтобы попытаться разглядеть лицо мужчины, все еще спрятанное под капюшоном. Безрезультатно. Я позволила уложить себя на жертвенник. Бровью не шевельнула, когда щелкнули браслеты с цепями, сковывая над головой заведенный назад руки. Не сопротивлялась, когда с помощью оков обездвижили ноги. Отдавшись полностью во власть мужчины, я прижималась к холодному камню, мелко подрагивая и ожидая приговора.

По залу раздалось цоканье каблуков — кто-то пришел. Я завертела головой, но оковы не позволили увидеть вошедшего.

— Что с ее резервами? — определенно женский голос, но чуть приглушенный, словно его звучанию мешает повязка или маска. — Не хочется нарваться на какую-нибудь гадость, просто потому, что кто-то не убедился лично, а решил поверить на слово,

— Несколько искр и те затухают.

Женщина подошла ближе и встала у изголовья жертвенника так, чтобы у меня не было возможности ее разглядеть. От ее рук шел холод. Она осторожно положила их на мои виски и легонько сжала. Я держала глаза открытыми, не ощущая ровном счетом ничего. Я не сдалась. Я выжидала. Аристократ сказал, что вернет мою память. Ради этого обещания я шла на сотрудничество. Без магии, без сил, закованная в наручники на жертвенном постаменте и с потенциальным заложником в виде Леды. Что такого ценного я помнила, что давало надежду выбраться живой, если верну свою память? Я должна вспомнить что-то очень-очень важное!

Женщина пробормотала заклинание и мое тело пронзила острая боль. Я пыталась кричать, но горло сдавило невидимой железной хваткой. Я жадно ловила воздух ртом. Что-то душило изнутри, не позволяя вздохнуть. По грудной клетке медленно расплзался жгучий густой жар. По венам вместо крови побежала лава. Я старалась дотянуться до горла, чтобы

содрать невидимые пути, что обхватили и сжимали его, но лишь безрезультатно мазнула пальцами по воздуху, под противное звяканье натянувшейся до предела лишком короткой цепи.

Мгновение и удушение прошло. Легкие обожгло ледяным воздухом. По телу рябью пошла дрожь от ног к голове, взрываясь тысячами осколков боли. Спина выгнулась вверх, словно в меня шарахнуло молнией. Я почти слышала хруст в позвонках. Пальцы скрючились в судорогах. Мир становился безумно маленьким. Сузился до одной пульсирующей точки, имя которой — боль.

Зато теперь я могла кричать.

Руки женщины сместились. Маленькие взрывы внутри головы, цепной реакций пробежались от головы до пяток. Вот теперь я взвыла.

Боль пропала резко. Мышцы расслабились и после небольшой передышки меня заколотил озноб. Через силу я повернула голову на бок и тут же наткнулась на твердый и внимательный взгляд мужчины, виновного в моих мучениях. Его лицо расплывалось, что-то не позволяло зафиксировать его в памяти. Но глаза... Эти глаза я не забуду.

— Я думал, боль у нее будет только в голове, — задумчиво произнес он, изучающе скользя по моему лицу, словно ища признаки фальши. — Почему она реагирует по-другому?

— О, я еще не перешла к чарам восстановления памяти, — как само собой разумеющееся пояснила женщина. — Сначала нужно ослабить тело и волю, сломать сопротивление, тогда гораздо легче проникать в сознание.

Пытки. За всеми эти словами прятался смысл именно этого слова. Она пытала меня, чтобы ей стало проще вторгнуться в мое сознание, которое я и так готова открыть, ради заветных воспоминаний. Теперь цена казалась слишком высокой.

Мужчина пробежал взглядом по моему изможденному лицу, по капелькам пота, застывшим на лбу, и остановился на изучении моих глаз. Выхватив какую-то застывшую в глубине эмоцию, он вновь обратился к женщине:

— И на долго это? Ей лет восемнадцать. Ломать там особо нечего.

— Столько, сколько потребуется, — немного жестко ответила та, и хотя я не могла видеть ее лица, была уверена — она улыбалась.

Меня снова скрутило в узел непрекращающейся боли. Все по новой. Но уже дольше, сильнее. Зал наполнился моими криками.

В какой-то момент я сбилась со счета, сколько раз повторялась эта импровизированная экзекуция. Перестала понимать, где нахожусь, что происходит и почему со мной так поступают. Перерывы между пытками стали короче. Сосредоточится гораздо труднее. Я терялась в пространстве и болезненных ощущениях.

Я была слишком самонадеянной, считая, что смогу выдержать нечто подобное. Я просила прекратить. Я заглушила слабые нотки гордости и умоляла женщину остановиться. Она меня не слышала. Или не слушала. Кажется, к тому моменту я сорвала голос. На щеках застыли слезы. Остекленевшим взглядом, утонув где-то глубоко внутри себя, я смотрела в потолок, сфокусировавшись на красной точке.

Почему я решила, что смогу справиться?

Почему?

Очередной спазм, скрутивший все тело, окончательно выбил меня из реальности. Красная точка расплылась по горизонту, кровавыми мазками смывая потускневшие краски картин. Воздух стал вязким. Я проваливалась в пустоту. Перестала цепляться за реальность.

Я падала туда, где не было ни боли, ни надоевших людей. Одна лишь призрачная пустота, наполненная обрывками иллюзий, постоянно сменяющих друг друга.

Сознание уплывало. Окружающая действительность вздрогнула и россыпью блестящих звездочек взлетела вверх. Пространство вокруг заполнилось дымом, сквозь который проглядывали смазанные цвета, сплетенные хороводом в замысловатые картины. Где-то там был свет. Сияющий спокойствием Свет.

Я снова падала. Но теперь отчетливо, раз за разом прокручивая одну и ту же мысль "мне нужны знания, способные меня защитить". Здесь не работали правила физического мира, поэтому, вместо того, чтобы дергать руками и ногами, я пыталась сосредоточиться на тех ласкающих спокойствием лучиках, что проглядывали из темноты.

Мир вокруг вспыхнул ярким светом.

— Не ожидала, что вы так быстро сможете откликнуться на предложение встретиться со мной.

— Я сейчас не на службе, — пояснил Страж. — Выдалось несколько свободных деньков. Хотя, иногда приходится подменять ребят в ночной страже.

К своим годам Имир Клоу сохранил не только внешнюю привлекательность, — высокий, физически развитый, с рыжими волосами, отливающими медью, но и прекрасным оттенком глаз... Качества его характера соответствовали тому же высокому уровню, подвергнутому профессиональной деформации: вежлив, учтив, сдержан, обходителен, умен, подозрителен, инициативен, целеустремлен. Но больше всего во всем этом скопище великолепных составляющих, меня пугала его поразительная интуиция. Каждый раз, прибывая в Старый город, я боялась, что именно сегодня, в этот солнечный, погожий денек, вместо белозубой улыбки доброжелательного Имира Клоу, меня встретит дюжина матерых Стражей, чтобы увести в тайные темницы Обители Солнца.

— Так, чему обязан столь неожиданной встрече, руми Латер?

— Своему невероятному везению, — устало сообщила я, протягивая тетрадь со своими выкладками и листок со схематичным наброском уличного фонаря.

— На что я смотрю? — спросил мужчина, указывая на записи в моей тетрадке.

— Не знаю, — честно ответила я. — А что вы видите?

Мужчина промолчал.

Мы сидели в летней беседке на набережной, и пока я любовалась плавным течением реки, Страж Клоу внимательно рассматривал мои выкладки. Сегодня мужчина был в обычной гражданской одежде, оставив привычную глазу униформу. Белая туника с короткими рукавами и кожаный жилет с металлическими вставками выдавали в нем представителя южных земель. Его одежда настолько контрастировала с принятыми модными тенденциями Старого города, что мне казалось, будто я вернулась на семь жизней назад и смотрю на какого-нибудь беженца юга. Единственным разумным объяснением могло служить только то, что Страж сохраняет какие-то традиции своего рода, проживающего в самом пекле Империи. Но как я не старалась вспомнить какой-нибудь аристократический род с рыжими потомками, у меня не получалось.

— Мы — посланники Света доводим все свои дела до конца. Так что это доказательства того, что у фонаря истек срок эксплуатации или как это по-умному называется?

— А это? — Страж пролистал несколько страниц тетрадки, с недоверием разглядывая чертежи и нестройные таблицы цифр.

— А это, если вам станет очень-очень скучно, как мне сегодня утром и захочется каких-

нибудь глупых тайн и раскрытия великих заговоров.

Если Страж что-то и понял из моих слов, он это никак не продемонстрировал. Мужчина быстро пролистал тетрадь, после чего выловил один из листов, особо сильно исчерканный чернилами, и принялся вчитываться в текст.

Минуты шли. Страницы тетрадки заканчивались. Выражение лица Стража не менялось. Я ожидала, что он высмеет меня или очень вежливо поблагодарит за помощь и откажется от моих услуг. Но он молчал. Я продолжала ждать его реакции. В какой-то момент, он захлопнул тетрадку и взглянув на меня, спросил:

— Вы не против, если я покажу эти выкладки своему другу?

— Против, — возразила я, продолжая наблюдать, как пожилая дама в нежно-кремовом платье крошит черствый батон, подкармливая одинокую уточку. — Почему вам не нравится вариант со сломанным фонарем?

— Он слишком хорош и удобен. Вам самой он не нравится, — Страж повертел один единственный листок, содержащий в себе набросок первой теории и добавил: — Но вполне подойдет для официальной версии. Граждане в Старом городе очень мнительны.

— А что станет со вторым вариантом? — Мне очень не хотелось, что бы мои выкладки шли куда-то дальше нашей совместной беседы. Да, я не задействовала ни одного источника, кроме тех, что нашла в библиотеке, ведь все взятые [книги](#) можно отследить. Я ни слова от себя не добавила, составляя конспект, и все же какой-то мерзкий страх продолжал грызть изнутри.

— Я должен посоветоваться, — честно признался мужчина. — С такой стороны я на проблему не смотрел, но... — он немного замешкался, решая, стоит ли ему рассказывать правду. — Подобную теорию я слышу не в первый раз.

Я перестала изображать из себя умиротворенную легким речным бризом руми, и резко повернувшись к Стражу, уточнила:

— Серьезно? Вам и раньше доводилось слышать теорию, что фонарь на центральной улице не горит из-за того, что в стенах Старого города проводится темно-магический ритуал с жертвоприношениями? Вы можете познакомить меня с этим человеком? Хочу посмотреть, как выгляжу со стороны.

— Руми...

— Страж Клоу! Но это же невозможно! Не с тем уровнем охраны, что обеспечен город. Этот вариант я рассматривала не более, чем шутку.

За все годы Страж хорошенько подпортил мне нервы, но пускать мужчину по заведомо проигрышному пути я не собиралась. В моих выкладках не было ни капли лжи или обмана, но правдой они быть не могли. Просто потому, что не имели ничего общего со здравым смыслом.

— Тогда дело не шло о фонарях, — он снова ненадолго замолчал, словно подбирая правильные слова. Взгляд Стража блуждал где-то по ясному голубому небу и блики солнца отражались в его глазах золотистой канвой. Весь его вид не имел ничего общего с волнением и озабоченностью, как будто предоставленные мной материалы явились не более чем очередным отчетом о поголовье рогатого скота в западном регионе. — Мой друг как-то поделился со мной некоторыми странностями, происходящими за дубовыми дверьми Академии. И все они сводились к вероятности проведения на территории Старого города незаконного ритуала.

Я хмыкнула, подавив улыбку. Оказывается у Стража были друзья. Я впервые об этом

слышала за все годы. Впрочем, не удивительно. Его личная жизнь меня обычно не волновала, тут бы с обычной разобраться.

— Что он может знать о делах в Академии? — тут же возразила я, отчаянно противостоя собственной же теории и о ритуале. — Инкви... кхм... Обители запрещено вмешиваться в ее дела.

— Мой друг — преподаватель в этой самой Академии.

А?

Итак, я раскапывала информацию для одного из Стражей Солнца. Но почему веду себя так высокомерно? Почему называю себя посланником Света? Я же обычная студентка Академии. С какой стати я кого-то консультирую?

Сначала я подумала, что ослышалась. Потом подумала еще раз и убедилась окончательно, что ослышалась. Когда мысли пошли по третьему кругу, я все-таки решила Стража переспросить. Его ответ почему-то не изменился. Я молча закрыла рот и уставилась на ту же точку в небе, что и мужчина.

Не то чтобы дружба между солнечными и стихийниками — это какой-то нонсенс. Но я слышала несколько анекдотов начинающихся именно так. Тут дело не только в негласном противостоянии, длившимся около двухсот лет или даже в политических взглядах. Просто истоки магии слишком разные и это разность всегда влияла на характер своих носителей.

— Дружбя детства? — предположила я самый очевидный вариант и ошиблась.

— Дружбя по интересам, — дружелюбно усмехнулся мужчина, неожиданно оторвавшись от созерцания небосвода, и подмигнув мне. — Состоим в одном очень узконаправленном клубе.

— А вот здесь я предположения высказывать не буду, — заявила я, пытаясь выкинуть из головы те узконаправленные клубы о которых слышала я. Все равно Страж не мог состоять ни в одном из них. Слишком уж положительная личность, хотя, как оказалось, не совсем с заостренными мыслями. Иначе, откуда взяться такой внезапной дружбе? — С меня достаточно того, что я и так знаю.

— Руми Латер, то что вы собрали за неполный день, — мужчина демонстративно помахал передо мной тетрадкой, резко меняя настроение. Я ненавидела, когда он так делал. Это всегда сбивало меня с толку, лишний раз напоминая, что мне нельзя расслабляться. — Мой друг собирал почти целый год. Только ему была доступна вся информация Академии и сплетни учеников, а вы вычислили все тоже самое, просто посмотрев на фонарь.

Страж больше не вглядывался в умиротворенные оттенки неба, он прожигал меня внимательным взглядом, пробирающимся аж до самой души. Мне хватило секунды, чтобы внутренне собраться и достойно ответить на вызов:

— Не вижу ничего сверхъестественного в том, что умею пользоваться библиотекой и алфавитным указателем.

Страж еще несколько секунд поддерживал зрительный контакт, после чего увел взгляд в сторону, примирительно подняв ладони вверх.

— Я имел ввиду, что то что вы сделали — поразительно. И я не ошибся, остановив свой выбор на вас.

Я как-то резко почувствовала себя очень и очень неудобно. Словно мы состоим в тайном обществе и мне только что сказали пароль-вопрос, а я теперь должна была сообщить пароль-

ответ. Только вот я совершенно его не знала, и о самом обществе слышала в первый раз.

— Я может не очень ясно выражаю свои мысли, — заметив мою заминку Страж попробовал самостоятельно разрешить ситуацию. — Очень тяжело столько лет проводя на службе говорить нормальным языком. Тем более с вами, руми.

С этим я уже могла жить. Разность восприятия мира разными слоями магического и культурного сословия — это понятно. Это нормально.

Я выдавила из себя улыбку и чуть опустила взгляд, принимая слова Стража. Это маги Стихий могли позволить себе любые отхождения от рамок приличия, у нас же все было несколько сложнее.

— Простите, руми. Я слегка перегнул палку и заставил вас чувствовать себя неловко. Я просто не перестаю восхищаться работой посланников Света, которую очень многие недооценивают.

— Я принимаю ваши извинения, — пробормотала я, проглотив слова, что из посланников Света я, скорее всего, такая единственная в свое роде. — На этом наше сотрудничество подходит к концу?

— Это — да, — подтвердил Страж. — Но начнется другое.

Я не сразу поняла, что он сказал. Я даже успела встать, чтобы окончательно распрощаться со Стражем и вернуться в библиотеку уже по своим делам.

— Что вы имеете ввиду?

— Пока ничего, — Страж тоже встал, не выпуская из рук мою тетрадку. — Как я и сказал, сначала мне нужно посоветоваться.

Воспоминание растворилось и я потянулась к следующему.

Глава 9

— Время на долгую подготовку у нас нет. — Покачал головой Страж.

Мы ждали его друга-преподавателя на террасе. Я с наслаждением поглощала вторую порцию клубничного мороженого с сиропом, взбитыми сливками, тертым шоколадом и сахарными вишнями, решив, что на разбор сложившейся ситуации будет еще одна бессонная ночь. Напротив сидел Страж Солнца и без особого энтузиазма ел морковно-ореховый пирог с апельсиновым джемом. Мужчина был полностью поглощен своими мыслями, и возможно, прямо сейчас прорабатывал следующую часть плана.

Декоративная решетка обвитая плющом, создавала нам некую приватность, отгораживая от взгляда случайных посетителей. Активированная чарма мешала услышать что-то лишнее.

— Почему мы встречаемся с ним здесь? — прервала я затянувшееся молчание.

— До начала учебного года он отстранен. Ему запрещено посещать библиотеку.

— Почему? — не поняла я. — Он же преподаватель.

— За... фривольное поведение в оплоте знаний и благочестия, — подобрал он странные слова для объяснения простых вещей.

— Напился и бегал голышом, прикрывая свою честь и достоинство томиком классических стихотворений о запретной любви? — предположила я.

Страж юмора не оценил, но все-таки решил пояснить:

— Целовался со студенткой среди стеллажей.

Ложечка с мороженым замерла на полпути к креманке. Не сказать, что меня можно удивить такой информацией, просто я, кажется, собиралась доверить этому человеку свою жизнь.

— Все будет в порядке, — оценил мои сомнения Страж. — Если бы я не был уверен, я никогда бы не посмел рискнуть вашей жизнью.

С доверием в последние годы у меня очень сильные проблемы.

Я сделала глубокий вдох. Щелкнула пальцами, сбивая дурное настроение, и сменила тему.

— У вас есть дети? — ответ я знала заранее.

Отправив последнюю сладкую вишенку в рот, я улыбнулась Стражу.

— До сорока лет Стражем нельзя заводить семью, — он чуть нахмурился, разглядев среди кусочков пирога маленькую голубую звездочку.

— Это не ответ, — возразила я.

— У меня есть две племянницы — четырнадцати и пятнадцати лет. Мне нельзя с ними видаться.

Я не стала спрашивать "почему?". Вариантов не так много, как кажется. Клоу — Страж Света и он безупречен. Если стоит запрет на встречи, значит что-то не так с репутацией его сестры или брата. В таком случае, чтобы не запятнать свою честь и не загубить карьеру, он был вынужден разорвать с ними все отношения.

Не успела я перейти к следующему вопросу, как по стенке кабинки постучали. Секунду спустя к нам завалился мужчина лет тридцати в ярко-красной мантии и с белозубой улыбкой во весь рот.

— Страж Солнца и Посланник Света, в жизни не видел более асексуальную парочку, — радостно сообщил он вместо приветствия.

Что там библиотека, я бы его во все публичные заведения не пускала.

— Прояви уважение, — тут же осадил его Клоу. — Пред тобой все-таки посланник Света.

— Прошу прощения, светлейшая, — мужчина снял шляпу и попытался изобразить подобие поклона. — Могу я поцеловать вашу ручку?

"Только если дверную" — подумала я.

— Только спустя семь лет, после того как я умру и ее предварительно мне отрежут.

Преподаватель засмеялся, а потом присел рядом со Стражем, и почти не понижая голоса сообщил ему:

— А она милая.

— Руми Латер, позвольте вам представить — преподаватель искусства метаморфоз, мэтр Сайнг. Он поможет с маскировкой возраста и даст несколько советов по поведению адептов, — Страж перевел взгляд на преподавателя и в его глазах блеснуло что-то угрожающее, а потом продолжил. — Мэтр Сайнг, позвольте представить вам посланника Света, Китру Латер, которая любезно согласилась нам помочь.

Нам?

— Очень приятно, — кивнул мэтр, но просить во второй раз руку не стал.

А я вспомнила, что являюсь руми, и, что не мало важно, профессионалом. А руми так себя не ведут. Профессионалы тем более.

— Очень приятно, — спохватилась я. Улыбку изображать не стала, она у меня предназначена только для Стража.

Когда мэтр перешел к делу, стал складываться и разговор.

— Сейчас на вас есть какие-то чары, изменяющие внешность, возраст или еще каким-то образом влияющие на пространство?

Я протянула руку, демонстрируя браслет с пятью чармами, и перечислила арсенал:

— Аптечка — базовое лечение, пассивная защита — от насекомых, активная защита — тип "молния", стандартные охранные чары и заклинание "Фонарь".

— И все? Никаких старинных амулетов, особенной магии, передавшейся по наследству, чарм передаваемых из поколения в поколения или сделанных по специальному заказу троюродным дедушкой? — не мог поверить мужчина.

— Нет. Я посланник Света и этим все сказано. Если не верите, проверьте сами или спросите Стража Солнца. Он проверяет меня не один год на разного рода запретную магию.

— Она чиста, — подтвердил рыжеволосый.

— Хорошо, — согласился мэтр. — Но на всякий случай предупреждаю, не берите в Академию других чарм или амулетов, кроме этого браслета, даже если на сто процентов уверены, что их нельзя засечь. Чуть позже я его у вас заберу, чтобы настроить. Идем дальше. Вам приходилось раньше корректировать свой возраст или внешность при помощи печатей?

Очень деликатный вопрос. Руми на такие вопросы не отвечают.

Пришлось себе напомнить, что я посланник Света, а посланники готовы на все ради Света и совершенно не смущаются тех вещей, которые делали ради Света. Каков наш девиз?

Свет и добродетель?

Заклинание дернуло назад и я вновь ощутила холод каменного жертвенника.

— Там стоит какая-то печать. — Напряженный женский голос.

Ее что-то испугало?

— Не могу ничего разобрать, — продолжила она. — Поработал кто-то сильный и способный.

— Печать? — предположил обладатель мужского голоса. Его я могла разглядеть краем глаза. Чтобы рассмотреть полностью, требовалось повернуть голову, но шея почему-то затекла и не поддавалась посылаемым импульсам.

— Похоже на работу мэтра Сайнга. Он всегда был несколько небрежен в таких тонких вопросах, хотя многие считали его талантом. Вечный бабник, — в ее голосе звучала обида недооцененной, разочарованной женщины.

— Мэтр Сайнг? — удивился мужчина. — Когда он мог успеть? Он к тому момент был мертв.

— Это точные сведения?

— Более чем, — мужчина произнес это тоном не требующим возражений.

Он сделал несколько шагов и оказался вплотную к каменному жертвеннику, к которому меня приковал. Тело все еще не слушалось. Почти аккуратно человек дотронулся до моего лица и для большего удобства повернул мою голову в свою сторону. Теперь я его видела.

— Как самочувствие? — спросил маг. Его лицо скрывала белая маска.

Я дернулась, и только потом поняла, что мои запястья все еще скованы толстым слоем металла. Во рту явственно ощущался вкус крови.

— Готова рассказать, что случилось с алтарем?

Я — посланник Света? О, нет. Совсем нет.

Слова дались не сразу. Разомкнуть губы оказалось гораздо сложнее, чем я думала. Что бы за заклятье не было использовано — оно выжало из меня все соки.

— Я готова, — мой голос вышел сиплым и надтреснутым. Я сорвала его? — Я готова рассказать, что будет с вами двумя и со всеми причастными, если вы сейчас же меня не освободите.

Вышло не так эффектно, как я рассчитывала. Угрозы надо подкреплять силой, иначе они теряют весь смысл.

— Кто-то показал зубки, — внезапно рассмеялась женщина, стоящая за пределами моей видимости. Ее смех вышел нервным и напряженным. Манипуляции, проведенные с моим сознанием, сильно ее ослабили. — Будь умничкой и расскажи взрослым, что ты сделала с алтарем.

Алтарь?

Дорога освещалась только россыпью серебристых звезд и светом луны, вокруг которой постепенно сгущались темные тучи. Все погодные приметы обещали, что к утру должен начаться дождь. Я неслась не разбирая дороги, лишь несколько раз притормаживала, когда понимала, что проскочила поворот. Прошло не больше трех минут с того момента, как я услышала женский крик. Он повторился еще раз, а потом кричавший затих.

Я знала, что должна была проигнорировать его и предоставить служителям порядка возможность исполнить свой долг, но эти сутки выдались крайне необычными. Я бы даже

сказала — пугающе странными. До сих пор в голове не укладывалось, что Страж Солнца попросил меня (именно меня!) о личной услуге. Признаться, о достаточно пустяковой услуге, за выполнение которой ждала награда. Я сорвала куш!

Мне следовало догадаться сразу, что подобных подарков судьба не посылает таким как я.

Я влетела в проулок и почти не мешкая выхватила метательный нож — единственная физическая защита, оставшаяся мне после всех манипуляций Стража. Дальше все пошло довольно предсказуемо. Мгновенно сработали рефлексy, призывая одно из основных заклинаний Света, выводящего из состояния оцепенения тех, кто в нем находится и вводящее в такое состояние тех, кто в своем уме. Разобраться, кто жертва, а кто нападающий, особо не составило труда, и нож гладко вошел мужчине в левое плечо. Он вскрикнул, сделал шаг в сторону, отходя от девушки, и с глухим стуком опустился на землю.

Я выиграла минуту — не больше. В голове выстроилось простая цепочка: "Вступать в схватку с неизвестным противником более чем опрометчиво. Он может быть не один. Вероятнее всего так и есть. Моя временная победа — результат эффекта неожиданности. Один на один мне не выстоять без того, чтобы не раскрыть себя по всем статьям. Были бы при мне чармы, можно было еще побороться".

— Эй! Чего уснула? — заорала я, увидев, что жертва продолжает стоять на месте, недоуменно разглядывая мою персону. — Это тебе не спектакль в двух действиях — продолжение не будет. Проваливай!

Девушка оказалась миловидной блондиночкой, с огромными перепуганными глазами и мелко подрагивающими ресницами. Этакая классическая девица для спасения, фигурирующая в каждом втором дамском романе. Внешность отвечала притязаниям скорее института благородных девиц, чем магической академии, и, тем не менее, к воротничку платья был пристегнут знак последней.

Если будущее поколение магов все такое бестолковое, то инквизиции пора вернуться и закончить начатое. Возможно, я только что помешала акту небесной справедливости, теперь понесу ответственность за спасение приговоренной души. Один из моих учителей говорил "Потенциальный будущий маг, мешкающий в критической ситуации — это потенциальный труп". Еще он постоянно вбивал мне в голову, что дисциплина — залог успеха, а быстрая реакция — залог победы, но эти фразы вызывали только желание съесть лишнюю дюжину конфет.

Девушка не двигалась.

"На ней лежит заклятье?" — с сомнением предположила я, подойдя ближе и одним глазком поглядывая на раненного мужчину.

— Придите в себя, руми, — свою просьбу я сопровождала пощечиной.

Девушка тихо всхлипнула, мотнув головой и стала медленно оседать на колени прижав руки к груди. Я попыталась ее подхватить, чтобы она не ударилась головой о мостовую. Именно это решение сыграло со мной злую шутку.

— Это была ты, — теперь я легко смогла распознать этот голос. — Ты напала на меня сзади.

Женщина не стала отвечать на мой выпад, а только слегка надала мне на виски, пригрозив:

— Если сейчас же не начнешь говорить по делу, придется показать, какие заклинания я

знаю, когда действительно хочу причинить кому-то боль.

Я не смогла сдержать усмешку:

— Это мои слова.

Я не ученица Академии. Я — посланник Света под прикрытием. Я могу за себя постоять.

Она начала злиться:

— Ты слишком нагло себя ведешь с тем, от кого зависит твоя жизнь.

Я тянула время, выводя из себя оппонентов. Когда силы истощены, а резерв пуст, остается не так много вариантов для его пополнения. Кaleb говорил, что мнение большинства Школ ошибочно, когда те предполагают, что магам Стихий легче всего подпитывать себя. Они могут восстановиться с помощью времени, медитации и источника своей магии. Оторванные от привычной среды, такие маги совершенно забывают о слабых потоках магии, которую можно получить из простых волшебных вещей. Например, алтаря.

— У меня другое мнение, — возразила я, продолжая ухмыляться. Этим людям пора было начать осознавать, насколько большую ошибку они совершили прошлой ночью. — Но, вы продолжайте, руми Парнс. Мне интересно, насколько низко вы успели пасть.

Маска искажала голос, но не до такой степени, чтобы не распознать характерные интонации. А когда есть одна зацепка, размотать весь клубок не составляет большого труда. Прия Парнс. Женщина, что первой подоспела на помощь. Доступ к моей памяти был только у нее, когда я находилась без сознания на улице. Она стерла все ненужно, все обличающее ее и сообщников. Возможно, она стерла бы все к демонам, но печать мэтра Сайнга крепко держала воспоминания под замком. Женщина сама призналась, что производила вмешательства. При этом она настояла, чтобы Венс Чабер — человек, ответственный за безопасность Академии, не допрашивал меня в ближайшее время. Конечно, это только догадки, но мне не нужны весомые доказательства, чтобы вынести свой собственный вердикт.

— Что ты несешь?! — воскликнула женщина, наконец, убирая руки с моей головы.

— Свет и добродетель, — повторила я главный девиз посланников Света, зажигая последнюю искорку магии, для внедрения в стройное плетения жертвенника.

По залу пронеслась цепная реакция ярких вспышек. Уничтожение магических каналов сопровождалось разноцветной иллюминацией — магия Света всегда была рассчитана на зрителя. В ней почти нет заклинаний действующих скрыто, если не считать тех, что более высокого уровня. За долгое время я привыкла именно к этому направлению магии. Оно не требовало большого резерва сил; упорные тренировки позволяли пользоваться Светом без использования вспомогательных амулетов; не наносило непоправимого ущерба, если заклинание выполнялось без должной концентрации; позволяло путешествовать по всем уголкам мира без подозрений; являлось настолько непривлекательным направлением, что никогда не вызывало лишнего внимания; а главное — никто кроме самих посланников Света (как порой и они сами) не знал достаточно точно, чем они занимаются и что входит в круг их обязанностей. Если бы однажды мне пришлось искать шпионов в Империи, я непременно начала бы со слугителей Света.

В качестве магической основы для создания заклинаний алтаря было использовано золотое плетение Геллиофрея. Особый способ создания магических связей, который позволял спрятать основную суть заклинания, по своим задачам разительно отличающимся от внешнего проявления, вплетая его между другими нитями. Невероятные возможности

скрывала тайная система внутренних потоков магии. И я ее знала. Годы были потрачены на изучение опасного материала хотя бы в теории. А на практике... На практике выходило вот такое: взметающее к потолку пламя, рев огня и ослепляющие вспышки разрастающегося пожара. Горела не мебель, не гобелены и ковры, — их тут не было. Горела магия. Нити, оскверненные дыханием Нижнего мира. Прогнившие плетения, запятнанные кровью невинных жертв. Они очищались под воздействием истинного, первородного огня, впервые сошедшего с небес на землю.

Жертвенник был уничтожен.

Мужчина отреагировал мгновенно — он резко отскочил в сторону, сразу активируя несколько защитных чарм: одна ограждала от огня, другая от последствий угарного газа. Кто-то вынес урок из недавнего происшествия и был готов дать отпор. Женщина же замешкалась и шипящее пламя, вспыхнувшее от магии, скопившейся в цветах у подножья жертвенника, взмыло вверх по подолу ее платья. Она истошно закричала.

Первым делом мужчина не стал помогать своей коллеге. Он, озираясь по сторонам, искал противника, устроившего световую феерию. Пытался найти источник опасности. Просчет состоял в том, что его логический ум не позволял поверить в то, что прикованная и лишенная сил я, могла организовать нечто подобное. И пока он искал внешнюю угрозу, я боролась с той, что сковывала мои конечности.

— Флем! — позвал кого-то мужчина, выставя перед собой руку, чтобы защитить лицо от щелкающих искр, летящих из огня в разные стороны.

Цепи потихоньку нагревались, начиная обжигать запястья и лодыжки. Пожар вокруг разрастался. Я готовилась паниковать. Огонь был угрозой и для меня. Получить ожог — не страшно, сгореть заживо — куда как неприятней. Я предполагала, что сдерживающие меня цепи имеют колдовской замок, а значит, распадутся вместе с остальными заклятьями, обдав напоследок жаром. Чего я не ожидала, так это того, что они окажутся с двойным затвором: на магическом и на материальном уровне.

Металлические оковы отказались подчиняться моим представлениям о реальности. Я все еще была скована, а вокруг разрастался настоящий пожар.

Я повернула голову, чтобы разглядеть своих похитителей. Может кто решит избавить жертву от мучительной смерти? На снисходительность рассчитывать не стоило, у горемычных окултистов были проблемы поинтересней.

Руми Парнс уже разобралась со своим платьем, и теперь неуверенно застыла на выходе. Одной рукой она прижимала платок ко рту (белая маска, за которой она пряталась изначально, валялась на полу рядом), а второй указывала в противоположную сторону — на стену. Кажется, она сомневалась, что должна делать. Хотя и дураку понятно, от такого пожара надо бежать. Имея магическую основу, огонь, конечно отличался от обычного по своим свойствам, но именно в худшую сторону. Потушить его будет задачей не из легких.

— Проклятье, — выругался мужчина и я с ним была полностью согласна. Он замер на месте, разглядывая, как скрытые на полу пентаграммы одна за одной вспыхивали синем пламенем. Кажется, он все никак не мог понять, что за проклятье одолело его гениальные чертежи. — Куда пропал Флем? Прия, а ты чего встала? Проверь обстановку наверху.

— Дневник, — сказала женщина, ненадолго убирая в сторону платок.

— Что? — не понял мужчина.

— Дневник, — повторила она. — Я оставила его в алтарной.

— Что?! Зачем? Зачем ты вообще принесла его с собой?

— Я думала...

— Неважно, — отмахнулся он, бросаясь к стене.

Это становилось действительно странным.

"Я должна сосредоточиться и успокоится, — напомнила я себе. — Кроме меня самой, мне никто не поможет."

Краем глаза отметив, что мужчина вырисовывает невидимые загогулины на стене, я вернулась к схеме плетения. Сам по себе магический взгляд — это почти не заклинание. Достаточно быть немного сенситивом, чтобы чувствовать магию, а чтобы ее видеть — крохотная искорка и многочисленные тренировки, берущие свою основу в медитациях.

Я искала подсказку, не желая верить, что подставилась так по глупому. Угодила в собственную ловушку, дожили! Временная потеря памяти очень плохо сказалась на моих мыслительных способностях и без того не блещущих гениальностью.

Я откинула голову на постамент, пытаясь сосредоточиться на внутреннем взоре. Отбросила в сторону страх и внешние факторы: опасность задохнуться, наглотаться ядовитого дыма, выжечь до костей свою плоть, — и другие радости недружелюбного мира.

То что я увидела, глядя на оковы, вселяло определенные надежды. Когда магическая начинка перегорает, предмет становится хрупким. Достаточно хрупким, чтобы сломать. Если его вовремя не восстановить, он сам понемногу разрушается, обращаясь в пыль, как в детских сказках... С течением времени... времени, которого у меня нет. Зато есть небольшая возможность поторопить события.

Разрушение — это та часть моей жизни, к которой я возвращалась крайне редко, испытывая несколько противоречивый коктейль из чувства страха и надежды. Можно считать, что к Свету я возвращалась каждый раз, только из-за того, что в нем преобладали заклинания созидания. Да, были те, что направлены на изгнание демонов, духов и даже

лунных тварей, но на уничтожение — почти отсутствовали. Только те ребята, что выше по рангу (гораздо выше моего!) имели к ним доступ и обладали требуемой подготовкой.

"Щёлк" — оковы на руках треснули, осыпая запястья металлической крошкой. Всего-то несколько минут упорного долбления ими о край каменного жертвенника, который держался на удивление хорошо.

Я тихонько ахнула, притягивая к себе покалеченные руки. Красные ожоги вперемишку с ранами и запекшейся кровью, извивались на коже, предупреждая, что завтра будет очень больно. С ногами дело пошло быстрее. Полностью освободившись, я позволила себе увидеть все то, что старательно игнорировала, сосредоточившись на спасении.

Я сидела посреди полыхающего океана огня. Пол, стены, потолок — горело все. Жадные языки облизывают каменную кладку, проникая сквозь самую мелкую щелочку. Огромная ловушка, объята огнем. Он клубился и вихрился так, что можно было заметить процесс циркуляции его внутренней энергии. Жар опалял лицо, пробирался под кожу. Жег покалеченные запястья.

На алтаре, забравшись на него с ногами, я прикрывала рот оторванным куском ткани очередного загубленного платья. На этот раз, чужого. Руми Парнс исчезла из проема. Мужчина, так и оставшийся безымянным, пропал в потайной комнате, за стеной с секретом. Почему-то я представляла его лежавшим на полу с закрытыми глазами и задохнувшимся от дыма. Эти фантазии были поспешными, поскольку дыма было совсем немного. Не то что в первый раз. Там получилось совсем наоборот, немного огня и клубы удушающего угарного газа, застилающие все пространство, разъедающие глаза, лишаящие видимости.

Мне надо было решаться. Пробежать несколько десятков метров в сторону двери и добраться до лестницы, откуда я уже могла бы выбраться. Если конечно выход не заперли. Повезло, что похитители не стали меня добивать, а просто оставили на медленную и мучительную смерть.

Решение было правильным. Как всегда, подвела реализация. Я не могла заставить себя это сделать. Рев огня перекрывал собственные мысли, подавляя силу воли. С каждой секундой мои шансы уменьшались под вой раскручивающихся вихрей пламени. Я продолжала сидеть на месте, не решаясь заставить собственное тело шагнуть в бушующий пожар. Тело словно одеревенело. Любое движение казалось абсурдным. Самоубийственным.

Сквозь треск и шум раздался голос.

— Китра! — кто-то пытался докричаться до меня, сквозь рев огня. — Ты там?!

— Я здесь! — с ответом я колебалась всего секунду. — Я тут застряла.

— Не волнуйся, мы тебя вытащим! — все тот же голос.

Кто эти "мы" я уточнять не стала, решив разобраться с этим вопросом после спасения. Вместо этого я предупредила о другом:

— Это магический огонь! Его обычным способом не потушить!

Заминка затянулась на полминуты, после которой раздался вопрос, убедивший меня, что с надеждой на выживание, я поторопилась.

— А как тогда? — в голосе отчетливо проскальзывали панические нотки. Ответить я не успела. На том конце — за стеной разыгравшейся стихии, решили по-своему: — Я все равно попробую!

Мне конец.

Стены затрещали. Дыхнуло ледяной магией. Мои запоздалые возражения потонули под грохотом рухнувшего потолка и провалившегося пола. Время как будто остановилось,

позволяя разглядеть мельчайшие детали прогрессирующего хаоса. Каменные свод треснул, поддаваясь напору синих искр, сноровисто вонзающихся в обжигающие потоки огня. Пол задрожал. Мгновения затяжного падения. Куски камней, прорывающиеся сквозь магическую завесу. Обрывки нитей, тлеющих золотистыми искрами. Одну долгую секунду я могла наблюдать за ужасающим последствиями — противоборством чужеродных Стихий, вплетающихся друг в друга ядовитыми змеями. А потом время снова запустило свой ход.

Лепестки орхидей огненным дождем взметнулись вверх, осыпая стеклянным пеплом. В невероятном кульбите я едва успела сгруппироваться и прикрыть руками голову, ожидая жесткого столкновения с землей. Приземление вышло жестким.

Не подумала бы, что в подвале может быть еще один подвал, но сегодня у меня был день открытий.

Высота была небольшой, но за мягкость падения пришлось заплатить градом каменных осколков, посыпавшихся сверху. Обрывки магического буйства стихий, тоже не заставили себя ждать. То там, то тут, мелькали "кометы" разрушительных вспышек. Несколько минут я не шевелилась, ожидая, пока пройдет камнепад и тихо молилась тем из Старых Богов, в чьи имена еще помнила. Как бы лихо ты не умел группироваться, от камня размером с голову, летящего с такой высоты, кроме молитвы уже ничего не спасет. Поэтому я затихла и ждала. Ждала, результатов своего везения. И кажется, фортуна решила все-таки взглянуть на меня.

Через минуту, две, а может и час, — кто теперь расскажет? — град каменных ошметков стих. Повисла тяжелая тишина серое облако пыли.

Из-под завалов я выползала очень аккуратно, прислушиваясь после каждого шороха. В ушах звенело. Кое-где потрескивали маленькие тлеющие комочки огня. Пыль стояла в воздухе, но кое-что можно было уже разглядеть. Справившись с внутреннем шоком, я попыталась подняться. Осмотреть себя на наличие ранений не получилось по очевидным причинам, поэтому пришлось ощупывать.

Я тихо зашипела, когда дотронулась до запястий. Раны надо срочно обработать и изолировать. Все тело ломило. Мелкие ранки, вперемижку с наливающимися синяками обнаруживались то тут, то там. Внешних опасных повреждений я не нашла, но оставались еще внутренние и магически, — разобраться с ними я могла только восполнив резервы магии. Я понемногу приходила в себя.

Страхнув основную часть грязи и камешек, скопившихся на голове и одежде, я с удивление обнаружила, что оказалась не в очередном подвале, а попала в систему скрытых туннелей, расположенных под Старым городом, оставшихся со времен инквизиции. Когда я задрала голову вверх, чтобы оценить масштаб падения, то поняла, что не переломала ноги разве что чудом, иначе падение с высоты в трехэтажный дом не назовешь. Наверху еще бы виден свет от горящего огня.

— Китра? — донеслось сверху. — Ты жива?

На мгновение. Всего на одно краткое мгновение мне показалось, что в проеме мелькнуло лицо моей подруги из прошлой жизни, Эрин. Из-за нее я оказалась в Старом городе и пыталась продлить пропуск в библиотеку. Я искала сведения, что помогут раскрыть тайну ее исчезновения. Проклятая память возвращалась пополам с тоской и утратой.

Короткое видение об Эрин быстро растворилось под гнетом жестокой реальности. Это совершенно другая девушка устроила мне внеплановый полет с камнями, черты лица которой не имели ни единого сходства с человеком, которого я искала.

— Хочешь добить? — едва слышно пробурчала я, вытряхивая из волос пыль.

— Что? Я не расслышала, говори громче! — прокричала девушка, из-за чего звон в ушах только усилился. — Ты цела?

— Леда? — предположила я своим полусорванным голосом, наконец поняв, с кем вела беседу здесь и наверху, а также после какой магии потолок пошел трещинами. Магический лед против магического огня хорош только в битвах и дуэлях, во всем остальном — это хаос и разруха.

— Так ты в порядке? Райт пошел искать веревку. Мы вас оттуда вытащим.

Что?

— Райт? Он там откуда? И кого кроме меня ты еще хочешь вытащить? — Наверное, у меня сотрясение. Слуховые галлюцинации, как последствие. — Не ищите ничего, бегите за помощью. Найдите кого-нибудь из Стражей!

— Я тебя здесь одну не оставлю! — возмутилась Леда. — Я несу за тебя ответственность!

"Ты? За меня? Серьезно? Не наоборот?" — хотела сказать эти слова вслух, добавив несколько более резких, указывающих, что ей надо забыть про свои мнимые обязанности и пойти за помощью, пока похитители сами не вернулись с подмогой, но вместо этого я закашлялась, подавившись пылью.

— Это я во всем виновата, — продолжила девушка, после чего запнулась на слове, но все же добавила, что сожалеет о том, что втравила меня во все это и... и разревелась.

— Что случилось? — в проеме потолка появилось озабоченное лицо парня — ирума Райта. — Китра жива?

— Я тут, — я помахала рукой, привлекая внимание.

— А почему ты плачешь? — не понял парень, обращаясь уже к Леде. Не дождавшись ответа, он наклонил голову вниз, разглядывая меня. — Я ничего не нашел, чтобы вас вытащить. Может, тогда мы к вам? Что там с Ирбисом? Он в порядке?

Ирбис? Здесь где-то ходит снежный барс?

— Мне что-то нехорошо, — прохрипела я своим надорванным голосом. — Как-то совсем.

Я пошатнулась, и, чтобы окончательно не потерять равновесие, присела на край огромного булыжника. Голова кружилась. Я всеми силами пыталась выровнять дыхание. Перед глазами выстроилась странная картина.

Куча с обломками зашевелилась. Сначала она качнулась из стороны в сторону, а потом стала увеличиваться, поднимаясь вверх. По всему коридору эхом пробежало громкое "апчхи!" и с "кучи" в разные стороны полетели осколки. Я чуть отстранилась, прикрывая лицо руками. Когда облако пыли немного осело, разглядела знакомые очертания никак не укладывающиеся ни в какие рамки бытия, а именно, шляпу с длинными полями. Как Шляпник сохранил сей предмет одежды, для меня осталось загадкой высшей категории. Лично я ставила на использование заклятий самой черной магии.

Когда среди облаков пыли проступили остальные части тела парня, я осознала всю трагичность собственного внешнего вида. На мне не осталось ни одной чистой нитки и ни одной здоровой части тела. Когда все закончится, уеду в какой-нибудь закрытый пансионат для тех кому за шестьдесят и буду отмачивать свое тельце в пенных ваннах с разноцветными пузырьками, лечебными травами и ежечасными бокалами вина после полудня.

— Ирбис — это я. — Представился парень, ранее известный, как Шляпник.

Надо же, Ирбис. Отхватил себе имечко.

— Что вы тут все делаете? — позволила я вырваться своему изумлению.

— погоди, — осадил меня Ирбис, и обратился к ребятам, оставшимся наверху: — Не стойте там, все может еще раз обрушиться. Бегите в Академию и сообщите все господину Чаберу. Лично. Больше никому не доверяйте, особенно Стражам Солнца!

"Да ты рехнулся." — подумала я, после чего подумала еще раз и озвучила эту мысль.

— До Академии полчаса добираться. — Прохрипела я. — Пока они найдут господина Чабера, сколько пройдет? Мы столько можем не протянуть. А после предательства руми Парнс, кому ты там собрался доверять из преподавателей? Стражи — самое разумное решение. А лучше всего, найдите Стража Клоу.

— Страж Клоу? Откуда ты... А, неважно, это глупая мысль. Леда, Райт, не слушайте ее, он не в себе. Скорее всего шок. Просто сделайте все, как я сказал. И не стойте на месте, времени действительно нет. Я позабочусь о Китре.

— О себе позаботься, — зашипела я. — Нет у меня никакого шока. У меня просто все болит и я дико зла на подонков, сделавших это со мной.

— Это похоже на туннели инквизиции, — внезапно вмешался Райт, Леда все еще тихонечко всхлипывала, вытирая слезы рукавом. — Я читал, что они все ведут в главную Библиотеку города.

— Где ты это читал? — с подозрением уточнил Шляпник.

— В Библиотеке, — как само собой разумеющееся пояснил парень, а потом добавил: — Это как бы вообще не секрет для тех, кто умеет читать и обладает зачатками арифметики, чтобы сложить два и два.

Я мысленно добавила плюсик в копилочку с симпатиями к этому темноволосому юноше. Когда наберется сотня, попробую его усыновить.

Шляпник пробормотал что-то нелицеприятное, после чего рыкнул на парня:

— Хватит болтать. Валите уже!

Ребята поколебались еще немного, после чего Леда, утерев последние слезинки, но продолжая хлюпать носом, крикнула в проем:

— Я за тобой вернусь! Не сдавайся!

Как только они исчезли, Ирбис со стоном сел на пол. Grimаса боли исказила его лицо.

— Проклятье, — прошипел он, — меня все-таки задело.

Он сильно ранен? Так зачем этот фарс Академией?

— Иначе они бы не ушли, — словно прочитав мои мысли, пояснил парень. — Леда не бросила бы тебя, а Райт не оставил бы Леду. Я не хотел говорить ребятам, но с тобой буду честен, шансов у нас немного. — Он виновато посмотрел мне в глаза, ожидая то ли укора, то ли криков, но я просто подошла к нему ближе и присела рядом.

Если его признание должно было меня напугать, то он явно недооценил мои приключения в последние несколько часов.

— Покажи, куда тебя ранили?

— Плечо и нога — при падении. Ходить смогу, но не быстро, — горько усмехнувшись, сказал он, а потом отодвинул ворот камзола вместе с сорочкой в сторону, обнажая грудь. Мерзкая серебристая дрянь оплетала его кожу по сеточке вздувающихся вен. Поражающее заклинание. В каком-то смысле оно выглядело даже красиво. — Этим меня наградил тот урод, что держал Леду. Я не знаю, как его снять. Классическая чарма лечения не помогает. Специальная — тоже.

Обтерев грязную руку о не менее грязный подол платья, я потянулась, чтобы

дотронуться до странного магического плетения. Может, со стороны этот жест и мог выглядеть интимно, но к счастью, никого постороннего рядом не было. Кожа под рукой горела болезненным жаром. Магический взгляд давал сбивчивые картинки, мельтешившие радугой расползающихся узоров.

С таким заклинанием я раньше не сталкивалась, но именно с таким. Как бы мастера не бились над плетениями и не кричали о прогрессе в сфере создания новых заклинаний, по сути это была вся та же классика под другим соусом и разноцветными софитами. Они брали давно забытые приемы в магии и преподносили ее в виде эксклюзивного торта со сладким взбитым кремом и красной вишенкой сверху. И народ на это велся, платя за разрекламированную "новинку" золотом. Настоящего прорыва в сфере лечащих заклинаний достигали очень немногие. И этих немногих я могла пересчитать по пальцам.

— Возьми мои чармы и иди по туннелям, — сказал Ирбис. — Спрячься где-нибудь и не высывайся, пока не увидишь господина Чабера. Не вздумай доверять кому-то из Стражей. Мы подозреваем, что среди них есть предатель. Только не паникуй и сохраняй хладнокровие, ситуация очень серьезная, — принялся он давать наставления. — Мы очень долго под них копали, Китра. Наверное, это затянулось бы еще на год, если бы ты не дала им такой серьезный отпор, — парень хрипло засмеялся. Через секунду его опять скрутил приступ боли. — Пока ты, Леда и Райт живы, — эти ублюдки не успокоятся. Ты даже не представляешь, с кем связалась.

Проклятье!

Его речь была очень милой. Пафосной, снисходительной, даже немного шовинистской, но по-демонически обаятельной. Пару минут назад, я была готова его бросить не колеблясь. Выжить одной у меня гораздо больше шансов — и не из таких передраг выбиралась. Но искреннее самопожертвование способно разрушить не одно темное заклятье, что уж говорить о возможности растопить лед в одном маленьком, сморщенном комочке из крови и мышц, что зовется сердцем, в теле пока еще юной руми Латер.

— Это они не знают, с кем связались, — улыбнулась я самой ободряющей улыбкой, на которую была способна. Парень ответил мне ее неуверенным отражением. — Раз мы живы, наши шансы уже выше пятидесяти процентов. Показывай, спаситель, какие у тебя остались чармы. Я знаешь ли тоже кое что умею, кроме как разыгрывать из себя руми в беде.

Парень закатал рукав, полностью пропитавшийся в крошечке развалившегося потолка и показал браслет из бронзовой кожи.

— Одной рукой я его не сниму.

Не знаю, попал ли он так же как и я в магический костер, но его браслет отцеплялся от руки, вместе с кусочками его кожи. Ирбис стиснул зубы, но не издал ни звука. На браслете осталось всего три рабочие чармы, измазанные в саже и чьей-то крови. Остальные были явно не пригодны для использования, как собственно и сам ирум Ирбис.

— И запонка, — показал парень на рубиновый камушек в золотой оправе. Эта чарма была выполнена на заказ. На обратной стороне украшения виднелся знак Мастера, но в этом полумраке, я не могла его толком разглядеть. — Если... если у меня не получится, передай ее господину Чаберу.

— Сам передашь, — разозлилась я, но запонку забрала. — Я возьму ее только попользовать на время. Из тебя маг сейчас никакой.

— А из тебя какой?

— Гениальный и предприимчивый, — воодушевленно ответила я. — Оружие какое

есть?

— Что?

— Ножи, кинжалы, мечи... — начала перечислять я.

— Нет... Зачем?

— Не те нынче маги пошли, ой не те, — посетовала я, поймав его недоуменный взгляд. — Ладно, пока ты рассказываешь мне, как нашел меня и Леду, пошли, помогу тебе отойти подальше от обломков, а то глядишь, еще что-нибудь прилетит сверху.

Следящее заклинание в идентификационных знаках Академии. Надо же, как все просто. Господин Чабер устанавливал их всем новоприбывшим адептам. Об этом не знали другие преподаватели и, тем более, ученики, которые постоянно удивлялись, как же их вылавливают на улицах города после комендантского часа. А вот приближенный круг Венса Чабера — его юные протеже, не только знали сей дивный секрет, но и имели доступ к необычайно ловкому плетению. Сама Прия Пранс не могла его обнаружить (знала о нем, но добраться не могла), хотя являлась не только преподавателем в данной области магии, но и имела по ней ученую степень.

— Секрет плетения ему раскрыл незадолго до смерти Наставник, — пояснил мне Ирбис, когда я засомневалась в столь сказочно удобном плетении. — Академия появилась пятьдесят лет назад, в качестве мирного соглашения между стихийниками и Инквизиций. Школы для магов существовали и раньше, но больше всего ценилось обучение у Наставника. Считалось, что только он может из Ученика воспитывать достойного человека, которому можно передать все тайны мастерства. Вот это было настоящее обучение. Не то что сейчас. За всю жизнь Наставник не набирал более дюжины Учеников, поэтому из них и выходили настоящие маги. Истинные.

Красиво расписывая эту преемственную связь поколений, Ирбис разве что забыл упомянуть о пакте пятисотлетней давности, в котором на законодательном уровне закрепили обязательное количество Учеников. И относилась эта повинность только к магам достигшим определенного уровня. Их называли Истинными. Это не сила магического дара, это высокая степень мастерства владения им.

Какие бы красивые истории или сказки вы не слышали в детстве, стоит помнить об одной важной особенности каждого Истинного мага. Не все из них были жадны до знаний, но все они не желали делиться своими тайнами, секретами и наработками. Большинство умирало, похоронив вместе с собой поистине великие открытия. Это вело к деградации магии. К упадку магических сил и к тому, что наши технологии начинали сдавать перед прогрессом зарубежных соседей. Пятьсот лет мы были кучкой Вольных Королевств, а не Империей. И могли ей не стать, если бы правительство не попыталось в принудительном порядке навязать требования о преемственности. Маленький пробел в законе породил нечто более страшное, чем деградацию и упадок магии. Я упоминала о самовлюбленности Истинных? А об эгоизме? Получить себе в раба под гордым названием Ученик, это приятный бонус для любого мага. Но вот обучать? Вкладывать силы в дюжину незнакомых тебе людей, не всегда связанных с тобой кровными узами? Это как стать отцом или матерью двенадцати потенциальным идиотам: может один и окажется алмазом в кучке навоза, но где гарантии? Маги итак не сильно любили семейную жизнь. Мужчины предпочитали не обременять себя обязательствами, сковывая свою свободу кольцом перед ликом единственной любви — Стихии, а женщины не хотели обзаводиться потомством, отдавая всю любовь выбранному направлению в магии.

Скрипя сердцем, маги подписали пакт, заметив то, что не заметил законодатель. По правилам, они обязаны взять на воспитание не менее двенадцати Учеников, не обязательно

всех сразу. Из этих двенадцати, хотя бы три должны получить звание Старших Учеников, а остальные могли остаться в ранге Младших. Но нигде не было указано сколько из них должны дожить до конца обучения. Скажем так, хотя большинство Истинных и учили своих преемников через силу, но выпускать на свет свое недоделанное и несовершенное потомство, тем самым признавая свою никчемность в качестве Наставника, никому не хотелось.

Я говорила о том, что Истинные были не слишком щепетильны в вопросах жизни и смерти? Вспомнить того же Калеба. Абсолютно несопоставимые уровни с нынешними магами. С Истинными все ясно, но мне кто-нибудь объяснит, откуда вся таже наглость, пафос и эгоцентризм у самых обычных магов?

Мы отошли от провала на несколько десятков метров вдоль открывшегося туннеля в ту сторону, где как нам казалось, располагалась библиотека. Ирбис едва передвигался. Каждый шаг давался ему с таким трудом, что это расстояние мы преодолели не меньше, чем за десять минут. Такими темпами и к рассвету не добратся, даже если сразу безошибочно определить верный путь по тайным туннелям. Тот, что мы выбрали, был старым, заброшенным и полуразрушенным. Изъеденные временем стены, стали пристанищем для таких паразитирующих форм жизни, как мох и склизкая зеленоватая жижа, скопившаяся в углублениях. Затхлость и влажность, окутывали вокруг все, въедаясь в кожу едким, противным запахом. Дышать становилось тяжело. Только тонкая струйка ветерка, доносившаяся сквозняком из провала, приносила какое-никакое облегчение.

Ненадолго оставив Ирбиса одного и пройдя чуть вперед, разведывая остановку, я поняла, что туннель представлял из себя хитросплетенный лабиринт, в котором многие выходы и входы завалены камнями или запечатаны мощными заклятиями. Я заметила несколько факелов на металлических держателях, прикрепленных к стенам, но ни один из них вытащить не смогла. То ли крепления заржавели, то ли смола потекла, прилепив их к камням. Честно говоря, после всего случившегося, с огнем я хотела иметь дело меньше всего. Ирбис, конечно, возразил, услышав мое нежелание прикасаться ко всему горючему и заставил воспользоваться одной из его чарм, чтобы вызвать искры пламени. Когда препирательства закончились моей капитуляцией, небольшая часть подземного туннеля за долгие годы озарилась тусклым подрагивающим светом живого огня.

— С господином Чабером все ясно. Я поняла, что этот человек чуть ли не гений, но неужели он просто так доверяет такую информацию своим ближайшим воспитанникам? — продолжила я прервавшийся диалог. — И даже если так, то зачем ты раскрываешь этот секрет мне? Как-то не очень разумно.

Скользнувший по лицу парня отблеск огня, позволил увидеть кривую, болезненную улыбку.

— У тебя не так много шансов, чтобы ее кому-то раскрыть, — парень закашлялся, потом глубоко вздохнул и продолжил: — А если все-таки ты выберешься... ты кажешься очень удачливой. Удачливей меня так уж точно. Мне кажется, что я тебя где-то видел. Когда-то знал. Чушь, конечно, но это не дает мне покоя. Впрочем, обсудим позже, если... — Он вновь закашлялся. — Надеюсь ты займешь мое место у господина Чабера. Его интересуют люди с особыми талантами.

— И какие у меня особые таланты? — немного насторожившись, спросила я, прислоняясь к стене.

— Не знаю, — парень сидел на полу и смотрел на меня снизу вверх. Его глаза

поддались тонкой белесой поволокой, через призму которой он видел что-то ведомое только ему. — Но об тебя пообломали зубы уже трое не последних в своем ремесле мага. Это что-то да значит, верно? Будь я на твоём месте, при все моей подготовке и опыте, так легко бы не отделался.

Я прыснула со смеху. И немного с истерики. В кулачок. Как и подобает истинной руми. А секунду спустя хохотала во все горло, забыв о подобии конспирации, которую мы вроде как должны соблюдать.

— Прости, — кое как отсмеявшись, сказала я. — Нервное.

— Я бы еще Райта к нам взял, — продолжил ирум, терпеливо выслушав мой смех и нисколько не обидевшись на него. Его состояние ухудшалось. Последние слова звучали совсем отстраненно, словно сказанные в пустоту. — Он смысленный. Жалко, что аристократ.

Ирбис объявился с Райтом не просто так. Когда он отослал меня с Ледой в Академию, сам отправился в библиотеку. По городу еще несколько десятков адептов отрабатывали свои наказания или же подрабатывали подмастерьями, чтобы набраться опыта и подзаработать. Когда встал выбор за кем идти, верному сподвижнику господина Чабера выпали я с Ледой и Райт, поскольку оказались рядом, в одной части города. Да и меня, кроме Ирбиса никто больше не знал и в глаза не видел. Получив магический слепок наших знаков, Шляпник отправился за нами (вот значит как он нашел нас в переулках, когда мы перепугали сами себя!). Когда же Шляпник добрался до самого нелюдимого адепта Академии, он решил проверить наше расположение.

— Ваш сигнал оборвался где-то посреди пути. — Пояснил парень, сквозь расплывающуюся пелену инфекции. — Я смог найти то место, где был разрушен твой знак. Заклинание с него стерли вручную. Когда адептов похищали раньше, знаки не разрушали, их сигнал блокировался артефактом. Здесь расположен какой-то мощный артефакт, который не просто "глушит" все отслеживающие заклинания, он проходит по всей цепочке плетения и выдает наугад какое-нибудь место в Старом городе. Так что, искать знак Леды было бесполезно, а вот с твоим вышла любопытная ситуация.

— А что с моим? — события дня выдались немного смутными, и сейчас я сомневалась в правильности многих совершенных поступков.

— Ты мне скажи, — внезапно обиделся парень. — Как отключился твой знак? Ты его сама разрушила или заставила сделать это кого-то из них?

Не помню ни первого, ни второго. Я вообще его не трогала. Какие еще заклинания?

— Случайное совпадение, — уверенно заявила я, вспоминая, как главный участник похищения, забрал мой знак, чтобы изучить. Он уничтожил плетение. — Я ведь ничего не знала ни о каких отслеживающих заклинаниях.

Я коротко пересказала инцидент, произошедший со мной, Ледой и двумя преступниками.

— Выходит, тот мужчина разрушил всю начинку знака просто так? — не понял Ирбис. — Нелепая случайность? Он продемонстрировал тебе, как стирает все заклинания с твоего знака, а ты даже не поняла, что он сделал?

— Ты о чем? — не люблю догадываться об очевидных вещах последней. Все дело в Старом городе. Он мне, наверное, мстит.

Парень не ответил, предлагая додуматься до всего самой. Я уже во второй раз за последние пять минут вернулась к воспоминаниям о знаке, не забыв болезненно сморщиться, прокрутив в голове пару раз момент с пощечиной.

— Вот оно что, — поняла я.

Знак является не только отличительной чертой адепта Академии. На нем также запечатаны важные заклинания: информация о носителе, опознавательные "ключи" и другие мелочи, прошитые отслеживающими нитями. Более того, знак являлся схроном сил, пассивно накапливающихся из магических излишков, оборванных нитей или с помощью медитаций. Хорошая вещь. Прочная.

Проклятье!

Если бы я помнила об этом, то размазала бы их всех по стеночке еще в переулке! Выходит, тот мужчина демонстративно уничтожил мой схрон? Чтобы напугать и унижить? Наверное, он предполагал, что я во время нападения включу другое зрение и оценю в должной мере всю патовость ситуации. Как и полагается любому магу... Потому что не все заклинания имеют внешнее проявление и зачастую, истинный смысл можно разглядеть только перейдя на другой уровень восприятия.

Блеск!

Очень хотелось подойти к себе самой двухчасовой давности и врезать посильнее. Ну как так можно вообще не думать? Ну так что бы совсем?!

— Хорошо, — вынесла я вердикт, подавляя в себе возникшую ярость. Почему-то воспоминания о пощечине будоражили гораздо больше, чем пытки руми Парнс. — Решил он покрасоваться перед девушкой сильным заклинанием. Почувствовал себя всемогущим или просто сглупил: равнозначно. Тебе это чем помогло?

— Я нашел место уничтожения знака, а дальше воспользовался твоей подсказкой, — Видимо, мой взгляд был красноречивей любого ответа. — Серьезно? Нет, вот ты серьезно? Ты сделала это не специально? Еще одно совпадение?

Я пожалала плечами, не понимая о чем он. Хлебных крошек я за собой не оставляла. Ткань от одежды не отрывала и на перекрестках не сбрасывала. Хотя стоило бы!

Как оказалось, все таки за мной шел след. Кровавый. Сначала я не поняла, что имеет в виду Ирбис, а потом до меня дошло. В приступе злости я порезала ладонь знаком. Сильно. Больно. Неровно. Внеся непоправимые изменения аккуратно по трем линиям: судьбы, любви и жизни.

Кровь на ладони спеклась, оставив засохшие коросты, покрытые грязью и пылью. При сгибании они противно стягивали кожу, отдавая тянущей болью. Лопались. Кровоточили. Но на фоне запястий и растекающихся болезненных ощущений по всему телу — оставались практически незаметными. Хотелось верить, что содрана только верхняя часть кожи. Но если кровь шла так долго, что привела Ирбиса к потайному проходу, то вполне возможно дело закончится наложением швов. И заражению крови?

— Подожди, — что-то в голове не укладывалось. — Если все поисковые заклинания не работают вокруг этого места, как ты по крови меня нашел? Я знаю, что эти люди способны стирать информацию о носителе крови.

Не то что бы я не доверяла Ирбису... Не то что бы я вообще кому-то доверяла, но картина в голове не складывалась. Прия Парнс работала в Академии и являлась соучастником шайки фанатиков. Где гарантия, что кто-то в Академии с ней не заодно? Тот же господин Чабер. Еще и следящие "присоски" на всех знаках. Это ли не нарушение прав рядовых адептов?

Нет-нет... Ирбис-то тут причем? Он спас меня. Ну как спас..? Спасла меня Леда, если это можно так назвать. А ее спас Ирбис. Цепочка причинно-следственной связи все-таки

есть. Ох, невнятная какая-то фигура это господин Чабер. Не доверяю я таким смышленным дядькам. Куда как проще со Стражами Солнца — простые, благовоспитанные, трудолюбивые, упертые ребята, чей образ мышления забит под одну гребенку. И больше ничего лишнего. Ну не мечта ли любой девушки?

Я тихо вздохнула, вспоминая Стража Клоу, и добавляя ему в биографию несколько нелестных эпитетов. Вот куда он пропал? Мог бы сообразить, что мне слегка требуется помощь, коли я память угрохала минувшей ночью.

— Ирум Ирбис? — я толкнула парня в плечо. Он не ответил. Я повторила: — Ирбис Проклятье, Ирбис! Тебе нельзя спать!

Я опустила на корточки напротив адепта. Обхватила его голову ладонями, большими пальцами приподнимая веки. Пришлось повернуть его голову так, чтобы на глаза падал свет от потрескивающего гарью факела. В отблеске тусклых мерцаний огня, удалось разглядеть белки парня. Они приобрели серебристый отблеск. Слизистая как будто загустела, подражая драгоценным металлам. Большинство магических вмешательств с состоянии здоровья человека, как физическое, так и психическое, можно отследить по глазам. Если знать, на что искать.

Остальные симптомы поражения заклинанием выглядели не менее опасными: на висках и лбу скопился пот, как от лихорадки; бледно-синеватый оттенок окрасил молодое лицо адепта, отбирая у него с пяток лет и делая похожим на подростка; дыхание слабое, учащенное.

— Да что с моей жизнью не так? — возмутилась я, обращаясь к источнику света. — Я ведь почти ничего плохого не делала в этой жизни. Ирбис, — я неуверенно занесла руку для пощечины. — Ирбис, если сейчас не откроешь глаза, я тебе врежу. Как девчонке врежу.

Реакции не последовало. Я воплотила свою угрозу в жизнь тремя пощечинами. Звонкие удары шлепков разнеслись эхом по туннелю, беспорядочно отскакивая от стен. Голова парня мотнулась из стороны в сторону, но в сознание Ирбис так и не пришел.

Я продолжила обследование, расстегнув камзол и рубашку парня до середины пылающей болезненным жаром груди. Серебристые узоры, скопившиеся на венах, взбухли, словно пиявки, напившиеся крови.

Я вновь чувствовала себя беспомощной.

На подкорке сознания билась какая-то невнятная мысль. Расслышать, о чем же она выстукивает зашифрованный ответ, у меня не получалось. Я решила пересмотреть наш арсенал, в надежде, что перебирание в руках трех чарм, приведет меня к гениальному открытию. Надежды, как им и полагается, были безжалостно уничтожены, столкнувшись с моей рациональной частью личности. Чарма "ромашка" цела и наполовину заполнена. Чарма "белый кролик" не вызывала вообще никаких ассоциаций. Чарма "щит" истощена почти до предела, и вряд ли способна отразить какое-нибудь опасное заклинание. Остальные чармы разбились от перегрузки энергии и опознать их не удалось.

— Где же ключ к этой головоломке, — я упорно продолжала отказываться от поражения. — Вот были бы у меня силы...

И что? И были бы, что с того? Лечебные заклинания есть у Света, но только для обычных болезней или против некоторых магических. Серебряного паразита таким образом не изгнать. Его использовали на Ирбисе не просто так, а потому что оно противостоит его первородной Стихии. Скорее всего, парень — огневик. Или же из Земли. Заклинание, использованное на нем, либо из Воды, либо из Металла — редкий, кстати,

стиль. Лучше всего в качестве спасителя подошла бы Леда. Но этот придурок, решивший поиграть в героя, мужественно сохранил от нее секрет о собственном плачевном состоянии.

Глухой звук удара, заставил меня вздрогнуть.

"Неужели помощь пришла. — Успела обрадоваться я, после чего вlepила себе мысленную затрещину". Нет, вы только на нее посмотрите. Всего сутки потребовались, чтобы забыть об осторожности и начать надеяться на других.

"Такие долго не живут, — напомнила себе я. — На себя нужно надеяться, только на себя."

Шум затих, и я почти убедила себя в том, что мне показалось, тем более, что неясный звук раздался со стороны коридора, который заканчивался тупиком. Но паранойя брала свое. Оставив Ирбиса сидеть на полу, я плотно прижалась к стене, выбрав место с самой густой тенью. Из адепта выходила неплохая приманка. В руке я сжимала браслет с чармами и запонку, служившую чем-то мощным и атакующим.

Несколько минут прошли в напряженной тишине, но из коридора никто не появился, а звук не повторился. Покидать укрытие я не торопилась — не вчера родилась, знаете ли. Звукоизолирующие чармы и обычные приемы бесшумной ходьбы еще вроде никто не отменял...

"...Как и технику обманных маневров, — добавила я горстку разочарования в собственные рассуждения, когда на пол, рядом с моим укрытием, упала тень. — Потрясающе, Китра. Великолепно! И часа не проходит, чтобы ты не расписалась в собственном идиотизме. И ладно бы подростком была, так нет же, далеко не первый десяток минул."

Эти мысли пролетели за долю секунду, за которую я успела еще и среагировать, выставив перед собой чарму-запонку. Активировать я ее не успевала. Чармы в руке были выбиты хлестким ударом. Браслет отскочил о стены и упал на пол, после чего стал жертвой подошвы сапога из грубой кожи. Запонка с переливающимся звоном укатилась назад к своему обладателю. Я попыталась уклониться от следующего движения, но противник превосходил меня в скорости. Вторая секунда столкновения закончилась тем, что меня отшвырнули к стене. Не успела я сделать вдоха, как мужская рука крепко схватила меня за воротник и сильнее прижала к стене. Камни больно врезались в спину. Рефлекторно я вцепилась в удерживающую меня руку, запоздало понимая, кто передо мной стоит.

— Нам пора перестать встречаться при таких обстоятельствах, — прохрипела я, распознав в мужчине, свою недавнюю мишень для метательных ножей. В мое отсутствие, кто-то решил ему добавить несколько новых шрамов на щеке и подпалить брови.

— Маленькая паршивка, — прокомментировал он и тут же отшвырнул меня на пол. Я тихо зашипела, когда мое искалеченное тело соприкоснулось с жесткой поверхностью шершавого камня. Упала я совсем не изящно и вовсе не аккуратно. Хрустнуло левое запястье, на которое я так неловко приземлилась, пытаюсь защитить голову от удара.

Я слишком измучена.

— Твой приятель был половчее, — мужчина сделал ко мне шаг, тем временем поглядывая на Ирбиса. Кажется, увиденное его порадовало. Парень все так же сидел безвольной куклой, уронив голову на плече. Пьявки-прожилки, пульсировали, словно сердца живых организмов. — Поначалу ты давала такие хорошие показатели. А теперь — посмотри на себя: жалкая, грязная, скулящая от боли. Ума не приложу, что ты сделала с алтарем, но... пусть это останется той маленькой тайной, которую ты унесешь с собой в могилу. В девушке

должна быть какая-то загадка.

— Нет, стой! — воскликнула я, когда в его руках блеснул кинжал. Он решил убить меня так?

Мужчина не слушал. Он резко вздернул меня за покалеченную руку вверх, вырвав из меня очередной крик, и прижал к горлу лезвие. Мне пришлось балансировать на цыпочках, чтобы не нагружать собственным весом сломанное запястье.

— погоди! Флем? — мужчина вздрогнул. — Тебя ведь так зовут? Послушай, Флем, я...
...лгунья в квадрате помноженная на сотню? Да, это я...

— ...я не та за кого себя выдаю.

— И что с того? — Он не переставал источать угрозу, каждым своим вздохом, но, по крайней мере, чуть отодвинул кинжал в сторону.

— За меня будут мстить, если убьешь. Но если отпустишь, я никому не скажу о тебе, — я пыталась говорить спокойно, но все же под конец мой голос сорвался на фальцет.

Мужчин встряхнул меня несколько раз, вырвав еще пару криков и поинтересовался:

— Думаешь, ты первая, кто торгуется за свою жизнь? Пытается подкупить? Угрожает? В том зале лежали детишки, чьи родители могли выложить за них такие суммы, что хватило бы на несколько жизней разгульного существования.

— Жаль только, что нескольких жизней у тебя нет?

— Ни у кого нет.

Обычно я старалась не лгать больше, чем требуется для сохранения моей легенды. Исключения составляли лишь те моменты, когда я пыталась сохранить свою жизнь или жизнь дорогих мне людей. К счастью или сожалению, последние так давно исчезли с горизонта видимости, что иногда казалось — их и вовсе не существовало. Кроме Эрин. О ней я помнила всегда. Каждую минуту разумного существования.

Особо важную ложь я продумывала заранее. Добавляла детали, смешивала факты с сомнительной полуправдой. Так мои вымышленные истории держались дольше. Вызывали меньше подозрений. Что же говорить о наспех выдуманной лжи? О, тут я полный профан. Есть такие вещи, которые не приходят даже с опытом. Но если с ложью я еще как-то могла справиться, то правда, без запинок и оговорок, вовсе не слетала с моих губ. Всегда было какое-то "но".

— Я знаю пару тайн, противоречащих твоим словам.

Странно, что он не воспользовался магией. Наверное, его резервы тоже были на исходе. Он отшвырнул меня. Опять. Отшвырнул зло.

— Ты просто глупая девчонка, которая пытается выторговать себе немного времени. Думаешь, что придет помощь, если продержаться еще чуть-чуть?

Нет, не думаю. Мне нужны чармы, выпавшие у меня из рук. Они валялись где-то здесь на полу. Я не знала их точного расположения. Зафиксировала лишь несколько секунд звука, когда они отскочив от пола разлетелись по коридору. Флем раздавил браслет, а не чармы на нем. Я искала их. Оттягивала момент своей смерти и молилась о крохотной щепотке удачи.

Пока я жива, у парня, привалившегося к стене, оставался шанс.

Я запнулась и повалилась на пол. Вставать не спешила. Заведя одну руку за спину, я пыталась нащупать одну из потерявшихся чарм, продолжая поддерживать зрительный контакт с мужчиной, и между делом воздавая молитвы Старым Богам и заодно Свету. Сразу после отдыха в закрытом пансионате в список обещаний встал пункт "посетить свой родной городок и пройти по храмам." Если, конечно, мне удастся выжить. А за жизнь, в этот раз, я

цеплялась крепко. Уж очень не хотелось ее терять особенно сейчас. За последние годы я к ней как-то очень сильно привыкла.

Приходилось срочно менять манеру поведения. Ломать на корню выстроенный план и начинать заново. Да, не лучший способ убеждения, но другого пока не было.

— Ваш ритуал загублен, — собираясь из последних сил, произнесла я. — Алтарь, жертвенник, тайное место для встреч, — все уничтожено. Скоро сюда явятся Стражи Солнца. Это конец. Слишком много свидетелей и слишком мало времени, чтобы замести все следы. Тебе уже не выбраться. Твои приятели тебе не помогут. Руми Парнс — сильный маг, она сможет выторговать себе жизнь информацией, а тот второй — кто о нем хоть что-нибудь знает? Он — аристократ? К нему вряд ли сумеют подступиться вообще. Все свалят на тебя.

Мужчина это понимал. Понимал гораздо лучше, чем я могла ему описать. Флем был самоучкой, гениальным самоучкой — сейчас я видела это кристально чисто. Он из тех людей, что поднялся с самого низа. Своими собственными усилиями. Без помощи богатого дядюшки или особых связей. Каждый шаг на своем пути он преодолевал с боем. Ни на кого не надеясь и ото всюду ожидая подвоха. Он был талантом.

Эти мысли проносились у меня в голове яркими вспышками. Потому что я должна была понять, что за человек стоит передо мной. Лимит ошибок за этот день исчерпался.

Мужчина продолжал прожигать меня взглядом, но пока не нападал. Он засомневался. Конечно, мне хотелось верить, что за все луны сотрудничества с остальными членами тайного клуба по жертвоприношениям, ирум Флем устал от убийства подростков, и все его действия были результатом трагически сложившихся обстоятельств. Тогда, поводов для нашей с Ирбисом смерти, было бы гораздо меньше.

— Убьешь нас, и Стражи точно узнают, что ты ушел через катакомбы. А подземные туннели — сейчас твой единственный шанс на спасение. Уверена, у Стражей Солнца еще сохранились карты секретных ходов со времен инквизиции. Тебя поймают. Но если оставишь нас в живых, я клянусь, что не расскажу будто вообще тебя здесь видела.

Такое обещание мог дать только подросток. Идеализм, чистота сердца и вера в лучшее, редко проживают дольше такого срока. Дальше неизменно наступает разочарование в людях, жизни и мире. По крайней мере, так было у меня. Если переходить к поступкам из мести, то возможно, единственная причина, по которой мужчина не плюнул на нас с Ирбисом и не скрылся в темноте заброшенных коридоров, это то, что у него оставались ко мне личные счета. За рану в плече, за сорванный ритуал.

Он сделал по направлению ко мне шаг и я попятилась назад, болезненно скривившись от боли.

Весь мой вид должен был показывать всю плачевность моего жалкого состояния, а каждая фраза, только дополнять образ уставшей, измученной девушки, которая едва ли может представлять угрозу. Уж точно не после всего того, что она пережила. А то, что она сопротивлялась раньше — это случайности. Подумаешь, удачно метнула нож. Слепое везение, не более. А пожар? Так это точно не она. Без чарм и таланта такого заклинания не сотворишь. Да откуда здесь талант? Так, сноп магических искр. Очередная бездарность из глухой провинции. Без надобности на такую силы тратить.

— Мы тебе не нужны, — мой голос дрожал, но сейчас эта дрожь играла в мою пользу. — Мы просто хотим вернуться домой.

Его промедление подарило мне шанс. Среди грязи и комочков пыли, я нащупала острые

края драгоценного камня — маленького рубина, заточенного в оковах запонки — чармы. Дотянувшись кончиками пальцев до заветного оружия, я подтолкнула его к себе. Легкое движение и магическая вещь была у меня в руках. Применять ее я не торопилась. Она мой козырь, если переговоры закончатся катастрофическим недопониманием между сторонами. Все-таки, если конфликт можно решить словами, я предпочту не вдаваться в крайности. Магических боев на мою долю выпало достаточно.

— Хватит заговаривать мне зубы. — Может, ирум Флем мысленно и поддерживал мою молчаливую точку зрения, но, видать, не простил метательный нож. Хотя, если бы он пошел, да сдал его на черном рынке, вырученные деньги подняли бы ему настроение. Хороший был нож. Любимый. Такой в Империи днем с огнем не сыскать — раритет, доставшийся от Сестер Крови.

— Стражи Солнца меня не пугают. — Сквозь зубы процедил Флем. — Ты переоцениваешь их силы. Мальчишка же меня вовсе не интересует. Выкарабкается — буду рад повидаться с ним снова. А вот тебе оставлять шансов я не буду. Что-то в тебе есть очень неправильное.

Он еще только начал вскидывать руку для того, чтобы направить атакующее заклинание, а я уже дернулась в сторону, перекатываясь на бок и активирую зажатую чарму в руке. В мужчину я могла попасть только при очень большом везении. Но поскольку сегодня его запас были исчерпан, я изначально не стала уповать на удачу, а сразу направила заклинание в потолок. И не прогадала. Мощная ударная волна режущим лезвием вошла в каменный свод, разрывая его изнутри.

Я ожидала чего-то подобного. Больше — я надеялась на такой исход. Чего я не смогла предугадать — это затаенной мощи, спрятанной в чарме. Но контролировать магию в таком состоянии я уже не могла. Мужчина же оказался проворнее моих жалких попыток уйти с линии камнепада. Резво бросившись в противоположную от меня сторону, он все-таки задействовал одно из своих заклинаний. Каменный водопад, рухнувший между нами неумолимой громящей лавиной, отбросил меня назад — дальше по коридору. И только секунду спустя я почувствовала, как правую руку обожгла волна ледяных игл. Догнавшая атака ирума Флема растеряла большую часть своих сил под летящими сверху булыжниками, но кое что дорвалась и до меня.

Я не сдержала болезненного крика. После чего добавила еще несколько коротких, но емких фраз, которые давно порывались быть высказанными. Обстоятельства позволяли немного отойти от этикета.

А потом я затихла. Совсем. Ни стонов. Ни криков. Ничего. Я прижимала к себе левую руку, плотно стиснув зубы и с трудом удерживала сознание. Я вышла победителем — проиграв. Я замуровала нас. Или себя? Я не могла сообразить, где находится Ирбис. В какой он стороне? Оказался ли погребенным под завалами? Я не знала. Я даже не могла открыть глаза, чтобы попытаться как-то разобраться в сгустившемся вокруг нас полумраке. Все мои мысли сжались до маленькой крохотной точки, сосредоточившейся где-то в районе руки. Я пыталась уцепиться за ускользающее сознание. Честно пыталась. Мое самообладание — последнее, что удерживало крохотные шансы Ирбиса на жизнь.

Одна. Во тьме. Без магии. Без сил. Без надежды. С туманящей разум болью. Погребенная под камнями. Замурованная в старых туннелях Инквизиции, а ныне Обители Солнца. Подтянув ноги к груди и свернувшись комочком, я чувствовала, как ускользает последняя капля сознания с тихим шепотом — "Ну наконец-то".

Итак.

Меня зовут Китра Латер. Я — посланник Света. Ничем не примечательная, просветительская деятельность во славу Империи и своего источника магии. Подходит одиноким женщинам, что не хотят находиться под опекой мужа или мужчины-родственника и стремятся к какой-никакой свободе. Статус посланника дает возможность путешествовать одной по просторам нашей огромной страны, не позволяя кому-то усомниться в моей благопристойности. Всю ответственность за меня несет Орден Света. Он гарантирует мою защиту, устанавливает круг обязательств и выплачивает жалование.

В семнадцать лет я отказалась от своего титула, наследства и имени. Собрала вещички и отправилась на поиски Наставника, чтобы получить право на служение Ордену. Я приняла новое имя, получила долгожданный статус, и вот, еще семнадцать лет спустя, попала на жертвоприношение в самом безопасном городе Империи.

Эта поездка не должна была отличаться от остальных. Девять дней — именно на такое количество времени можно получить читательский билет в самую лучшую библиотеку Империи, и именно столько можно находиться на территории Старого города не вызывая подозрений.

Раньше Страж Клоу никогда не привлекал меня в качестве консультанта. Чтобы поддерживать свою легенду, мне приходилось в других городах помогать местным правоохранительным органам, и просто честным гражданам, страдающим от напастей, входящих в круг моих обязанностей по их разрешению. Да и лишняя монетка никогда не тяготила мой кошелек на столько, чтобы от нее отказываться.

Страж Клоу выглядел задумчивым. Это мне сразу не понравилось. Потому что этот самый вид задумчивости говорил о том, что мужчина собирается сделать выбор между очень большой глупостью и очень опасной глупостью. И судя по всему, я должна была принять участие в его решении.

— Посоветовались? — спросила я, когда со всеми тонкостями этикета было покончено.

— Посоветовался, — невесело ответил мужчина. — Услуга, о которой я собираюсь вас попросить, возможно станет причиной краха моей карьеры.

— И моей? — я поборола в себе желание поставить на стол локоть и опереться на него подбородком.

— Сомневаюсь, — нервно усмехнулся он. — Извините меня, руми Латер, но я не припомню ни одного случая, где посланника Света с позором лишали всех регалий и выгоняли со службы прочь.

Я тоже не сдержала улыбки.

Куда там "скандала". Посланники Света вообще не те люди, коих зовут на светские рауты или о ком пишут статьи. Мы не интересны. Мы не запоминаемся. Нас слишком много, а знаем мы слишком мало, чтобы привлечь чье-то внимание.

— Вы можете отказаться, — куда более серьезней продолжил Страж. — Но сначала, послушайте, от чего вы собираетесь отказаться. В случае удачного исхода я смогу предложить вам свободное посещение Старого города и библиотеки. Без девятидневных ограничений. Без утомительных проверок. Хоть палатку в башне Мага разбивайте или обосновывайтесь в подземных туннелях. Мне неизвестна ваша цель, и что вы ищите на страницах древних талмудов, но что я точно знаю — вам нужно это разрешение. Вы прочесали почти всю библиотеку, но башню так легко осилить не сможете. Каждую седмицу добавляются новые книги, которые надо отслеживать. К запечатанным кладовым вас не подпускают. Мне не важно, чего вы добиваетесь, но полагаю, что время работает против вас.

А вот теперь, совсем другой разговор. Страж Клоу знал меня не первый год. Отслеживал все мои приезды. Пытался выяснить, зачем скромный посланник Света тратит редкие выходные дни на посещение Старого города.

Принесли десерт и чай. Чтобы дать себе передышку и переварить услышанное, я потянулась к фарфоровому чайничку, украшенном розовыми лепестками.

— Это хорошее предложение, — выдавила я. — Но прежде чем я услышу просьбу, ответьте, почему я?

— На территории города вы единственный представитель Света.

Вот оно как. Этого я не знала.

— Отправьте в Орден официальный запрос, — предложила я, мысленно стряхнув пелену паники.

— Не могу. Я вынужден просить об этом неофициально.

— Почему?

Страж рассеял мои сомнения не сразу. Слишком далеко я ушла от политики, чтобы помнить, какие силы нынче сталкиваются за власть в Старом городе.

— Если я правильно понял, ритуал жертвоприношения уже был проведен. И не раз.

Я придушила в себе возглас восхищения. Потому что мирные люди вроде меня не должны проявлять великодушие в отношении невероятной удачливости и сообразительности хитрых представителей темных культов. Провести подобный ритуал на территории Старого города? В средоточии основных сил Обители Солнца (а некогда Инквизиции)? Это что-то на грани безумия и величайшего искусства.

— А следующее произойдет в ближайшее время? — Ответ я знала, тут и думать нечего. — Когда?

— Завтра. Через седмицу. В конце лета. Я не знаю. Единственное, что известно наверняка, преступник находится в Академии. И кто ему помогает, я не имею ни малейшего понятия.

Дальше он мог не продолжать. Академия Стихий и Обитель Солнца стояли по разные стороны еще с самого основания первой. Академия обладала особым статусом, который даровал ей некоторые привилегии. Например, не пускать в свои двери представителей Солнца, и решать свои проблемы самостоятельно.

— Блеск, — прокомментировала я.

Потом Страж пустился в долгие объяснения особенности и специфики их взаимоотношений. Опасности возникшей ситуации. Невозможности задействовать другие ресурсы. За всем этим ворохов слов и нагроможденных конструкций, я четко уловила одну единственную мысль.

— Вы хотите отправить в Академию меня?

Страж кивнул.

Он что, пытается втянуть меня в бесконечную свару между противоборствующими направлениями в магии? И на солнце есть пятна, да?

— Это какой-то розыгрыш? — решила на всякий случай уточнить я. — В честь юбилейного посещения города? Если да, то вы вполне могли обойтись лимонным пирогом и поздравительной открыткой.

На каменном лице рыжеволосого Стража не мелькнуло и тени и улыбки. Карие глаза смотрели с невероятной серьезностью.

— Я не стал бы шутить подобными вещами.

Он прав. Маги Света лучше всего подходят для поиска темных заклятий. Если ниточки ритуала тянутся из Академии, кому как не посланнику Света раскрывать эту тайну?

— Как вы собираетесь обеспечить мое присутствие в Академии? Боюсь, Орден Света наравне с обителью нежеланный гость у стихийников.

— Я все объясню, как только вы дадите окончательный ответ.

У меня есть выбор?

У меня да, у посланника Света — нет.

— У меня есть время все обдумать?

— Нет.

И снова — блеск!

— Я согласна.

И если я надеялась, что на этом встреча закончится, то я очевидно стала слишком оптимистично смотреть на этот мир.

— Я поставлю печать на полгода. — Продолжал объяснять мэтр Сайнг. — Если закончите раньше, я ее сниму. Если позже, то перед зимним балом продлю ее. Вам известны последствия, сопряженные с печатью юного возраста?

Меня прошиб легкий холодок:

— Насколько юного возраста?

— Шестнадцать — восемнадцать лет. Точнее поставить не смогу, да и не требуется.

Я перевела взгляд на Стража Клоу, и понадеялась, что в моих глазах читалось что-то вроде "Помимо пропуска на безлимитное посещение библиотеки и Старого города, вы должны мне как минимум ужин и несколько походов в кафе, где подают первоклассное мороженое".

Печати возраста — это очень тонкая и дорогостоящая работа, которая значительно влияет на разум. Ее использование не обходится без последствий, тем более, на длительный срок. Найти мастера, способного на столь филигранную работу такого уровня, большая редкость. Особенность печати на подростковый возраст заключается в том, что ты не только начинаешь выглядеть, как в восемнадцать лет, но и в том, что ты еще и ведешь себя также. Звучит вроде не сильно страшно, да? А теперь вспомните себя, какими вы были: бесшабашными или наоборот пугливыми, может была какая-то фобия, или вы страдали от безответной любви, были ли вы нелюдимы, чувствовали себя недопонятыми? Да, мир был ярче, чувства острее, все было таким важным. И вот все это вернется обратно. Может, кто-то

был бы и рад вновь окунуться в ту атмосферу, но юность — это определенно не мое.

Как будто поняв о чем я думаю, Страж попытался меня подбодрить:

— С вами останется опыт и навыки.

Это мало утешало, потому что те события, которые произошли после восемнадцати лет будут напоминать сон. Потребуется очень сильный контроль, чтобы помнить о миссии. Такие печати используют не для тайных операций, а для развлечения и разрушения собственной личности.

— Может, еще десерт? — решил зайти рыжий с другой стороны.

Отказаться я не смогла.

Мэтр отрезал у меня локон волос, взял немного крови, образец слюны и забрал браслет с чармами, обещая вернуть его завтра, после ритуала наложения печати. Моего участия в ритуале не требовалось. Все что я должна была сделать — это лечь спать, чтобы магу было удобнее работать с нитями и потоками силы. Или что там они делают? После небольшой лекции о подрастающем поколении магов и последних модных тенденциях, мы с ним попрощались до завтрашнего дня. Если завтра его печать будет качественной, то я готова простить ему начало нашей встречи и проявить немного дружелюбия. Все-таки он будет моим преподавателем и связным со Стражем.

Я очертила комнату знаком Света на случай, если одному из ночных паразитов или лунных тварей удалось пробраться в комнату. Ощущение опасности не прошло. Достав несколько листов бумаги, начала рвать их на маленькие кусочки. Результаты своей деятельности положила на металлический поднос из-под графина, плеснула немного масла и подожгла с помощью лампы. Бумага вспыхнула ярким пламенем. Я прошептала простенькое заклинание на обнаружение посторонних чар.

Ничего. Но чувство опасности не уходило.

Когда последний фрагмент обратился в пепел, я приоткрыла окно, проветривая комнату.

"Может, зря паникую, — подумала я. — Сейчас где-то на другом конце города мэтр Сайнг проводит ритуал для установки печати. Вот мысли и путаются."

Оправдание было хорошим. Слишком хорошим, чтобы я поверила. Поэтому, я достала из-под подушки нож — единственную защиту на эту ночь. Засунула его в ножны, прикрепила к поясу рядом с кошельком и знаком Академии, выданным мэтром.

Вышла из комнаты.

Коридор, освещенный мягким светом тусклых ночников, был пуст. Из номеров соседей не доносилось никаких посторонних звуков. Тихое пугающее спокойствие.

"Проверю первый этаж, — решила я."

Хозяина на месте не оказалось. Очевидно давно уже спал и видел десятый сон.

В такие моменты я отчаянно жалела, что кроме классического набора заклинаний Света и простейших чарм ничего не могла использовать.

"На какой исход можно надеяться, имея в качестве защиты только нож? — подумала я, открывая внутренний засов на двери и выходя на улицу. — Когда я последний раз практиковалась?"

Единственное с чем я могла мастерски обращаться, так это с чармами на браслете. Но

их под рукой не было, а я осматривала палисадник при гостинице на наличие монстров и опасных личностей. Ну не дура ли? Нет, не дура, если действую под воздействием заклинания "Зов" такой силы, что даже знак Света смог лишь слегка ослабить его действие.

Проклятье. Или я старею или молодею. По-другому объяснить такую глупость сложно.

Призвав на помощь еще один знак Света, я попыталась заново оценить ситуацию. Решила, что в гостиницу одна я не вернусь. Неважно: устроил ли кто-то магическое вторжение в мой разум или обостренное чувство мага Света решило себя проявить, уловив темномагическое присутствие, первым делом следует позвать патруль или одного из Стражей.

Размышления прервались женским криком.

"Не дальше квартала, — быстро сообразила я."

И более не раздумывая бросилась на помощь.

Просыпаться не хотелось. Вообще. Но у боли было совершенно иное мнение на этот счет. Она вонзилась колючей хваткой в голову и не желала отпускать, сопровождая свое присутствие противным жужжанием. Я попыталась отмахнуться от надоедливого "насекомого" и продлить легкую негу еще на несколько секунд. Двигаться не хотелось совсем. Свернуться бы в клубочек, да укрыться с головой одеялом — чем не мечта? Но у этой мечты были кое-какие изъяны. Потому что валяться в постели — это непозволительная роскошь. Мне всегда надо куда-то спешить, торопиться, бежать. Я всегда пытаюсь догнать что-то ежедневно ускользающее от меня. И раз за разом терплю поражение. Но не сдаюсь. Так что же сегодня не так?

Разлепляла я глаза медленно. Неохотно. Борясь с собой за каждый промежуток секунды и попутно переругиваясь с тянущим чувством боли, которое захватывало все новые и новые территории моего тела. Вести войну на два фронта я была не готова. Пришлось срочно переходить к крайним мерам. Резко распахнула глаза, одновременно поднимаясь с постели. То есть, попыталась. Потому что ни того, ни другого, не произошло.

Я не могла пошевелиться.

Отгнав в сторону любые намеки на панику, я попыталась расслабиться и заново перепроверить ощущения. Напрашивались очень противоречивые выводы. Во рту привкус горечи и крови. На глазах повязка. Руки привязаны. Не прикованы — значит, живем. Значит, если что, еще повоюем. Пальцами получалось шевелить, но как-то с опозданием. С задержкой на несколько секунд. Ноги... Зафиксированы. На лодыжках инородное уплотнение. Они чем-то перевязаны. С главными частями тела все ясно. Все болит, а значит, все на месте.

Плохо только с магией. Совсем плохо. Я ее не чувствовала. Вообще. Ни вокруг, ни в себе самой. Белая, слепящая тишина. Даже Свет. Тот самый Свет, на который я могла рассчитывать в любой, самой тяжелой и запутанной ситуации — пропал. Ни огонька, ни искорки. Совсем ничего. Я отказывалась в это поверить. Свет шел со мной рука об руку всегда. Он всегда был той рукой помощи, которая могла вытянуть из любой безвыходной ситуации. Мол, нет таланта — не беда. Всегда есть Свет.

И вот он потух.

Невообразимо. Немыслимо. Невозможно...

...и еще много других "не". Но все сводилось к одному — так не бывает. С любой другой магией бывает, а с этой нет! Можно перегореть, можно истратить все резервы, можно сорвать свой талант. Все это можно. А вот со Светом нельзя. На то он и Свет. Он не приходит откуда-то со стороны, его не приносят с жертвенного алтаря и не даруют боги. Он всегда внутри человека. Человек с ним рождается. Что такого надо сделать чтоб он исчез?!

Что я сделала?

Свет и Тьма, что же я такого сделала вчера?

Ну?

А теперь еще раз, только громче и четче!

— Руми Латер, вы пришли в себя? — донеслось со стороны.

Нет. Определенно нет. Внутренний голос на то и внутренний, чтобы внутри головы звучать, а не снаружи.

— Нет-нет, не отвечайте. — Взволнованно прозвучал мужской голос. — Я и так вижу.

А я вот — нет. Немного нечестно.

Теплая рука коснулась кончиков моих пальцев. Только на мгновение, словно случайно и против воли своего владельца.

— С-с-свет, — кое-как продравшись сквозь ватный язык и непослушные губы, прошептала я. А хотелось прокричать.

— Скоро подойдет лекарь и снимет повязку. С вашим зрением все в порядке. То есть, — спохватился неопознанный, — у вас вообще все в порядке. Необратимых изменений не произошло. Мы все можем поправить.

Я мотнула головой и тут же зашипела.

— Тише, руми Латер, — голос пытался быть успокаивающим, но я отчетлива слышала в нем другие нотки. Сочувствия. Сострадания. Жалости. — Вам запрещены резкие движения.

Я была против. Я задержалась.

— Руми! А, проклятье, ну швы же разойдутся! Ладно-ладно, давайте помогу вам сесть.

Его голос ассоциировался с надежностью. С защитой. Такие чувства у меня вызывали только два человека. Первый был очень далеко отсюда. Даже не в этом мире и не в этой жизни. А второй...

Послышалось шевеление и шуршание материи. Что-то щелкнуло, что-то скрипнуло. Тепло чужих рук вернулось к моим запястьям, сместилось к ногам. Настолько легкие и плавные движения, такие незаметные и невесомые, казались нереальными.

Ограничители с рук и ног сняты. Две дополнительных подушки под спину и мне помогли бережно, аккуратно приподняться и облокотиться на мягкую опору. Спина запротестовала против такого насилия, но я оставалась непреклонна.

Если я собиралась вести серьезный разговор, мне требовалась любая иллюзия на равенство.

— Удобно? — он прижал к моему лбу свою руку, сдвигая в сторону несколько прилипших прядей волос. Которых там быть не могло. Потому что моя челка не бывает настолько длинной. Все ее попытки отрасти до нормальной длины пресекались самым жестоким образом.

Я потянулась к голове, чтобы подтвердить очередную жуткую догадку. За простым жестом, направленным на проверку длины отросших волос, я провернула другой. Содрала одним движением повязку-компресс с глаз.

— Руми... — это не был возмущенный возглас. Скорее обреченный, так как мужчина

знал, что я поступлю именно так. Поэтому предварительно и закрыл на окне шторы. Притушил лампу, оставив совсем тусклый огонек, едва подрагивающий от слабого сквозняка. Мужчина просчитал мои действия. Это было плохо. Я становилась предсказуемой. Я подпустила его слишком близко к себе. Позволила быть узнаваемой.

Передо мной сидел Страж Клоу. Живой. Почти невредимый. На левой скуле отблески огня вырисовывали грубый рваный шрам. В последнюю нашу встречу его не было, как и тех других, что сейчас скрывались под рубашкой, и заставляли его сидеть в очень неудобной, но хотя бы не болезненной позе. Я могла только догадываться, что за заклятье поразило моего давнего знакомого.

Что-то неувлочно поменялось в нем. Прошло несколько дней, как мы расстались, но казалось, что пролетела целая вечность. Потому что нельзя внезапно осознать, что скучал по кому-то, не видя его двое суток. Наверное, я слишком сильно ударила голову или в меня влили парочку лишних бутылок с зельями. А может, последствие суточной амнезии. Или...

— С-сколько...?

— Два с половиной месяца.

...или как-то так.

Магическая кома? Возможно. Возможно, я бы это почувствовала сразу, если бы могла что-то чувствовать. "Отсутствие запахов — один из показателей применения заклинания, вводящего человека в лечебную кому." — Это выдержка из научного трактата, рекомендованного к применению... Нет. Что там про кому? Какая разница, кому там что рекомендовали, результаты какие? — "Такая мера практикуется в случае... вероятности возникновения необратимых изменений...? Определенных типов заболеваний?" Что же там было? Это как-то связано с пропавшей магией? Зачем было вводить меня в такое состояние?

Мысли ускользали. Крохи разума, пытались скрыть от меня что-то очень важное, чтобы не травмировать. Чтобы сохранить то, что еще осталось, а осталось, судя по всему, не так уж много.

— Продолжайте, — это слово далось гораздо легче. В мои намерения больше не входило желание сохранить в целостности голосовые связки. После комы все органы чувств активизировались весьма неохотно. Больше всего советовалось поберечь зрение.

Комната была заполнена полумраком и только некоторые предметы интерьера опознавались по их очертаниям. Окно спрятано за плотными, непроницаемыми портьерами, исключая любое попадание света, который на первых этапах выздоровления категорически запрещался. У ограничений были причины, но я их не помнила. Извивающееся пламя свечи — единственная роскошь, которую могли мне позволить. В остальном, оставалось только гадать, что скрывается за призрачным полумраком.

Раньше мне не приходилось просыпаться от магической комы, а вот в больнице Старого города — да. И эта комната не была одной из ее палат.

— Вы сильно пострадали, — начал Страж с обтекаемых фраз. — На всех уровнях.

На всех? Тело, аура, магия и душа? Так что ли? Какая система классификаций в ходу у солнечных? Или он про физический и психический урон?

Эти вопросы я могла задавать только мысленно. Попытки выразить их взглядом были нарочно проигнорированы моим знакомым. Не хотел он идти на контакт, совсем не хотел. Зачем тогда вообще пришел? С меня пользы сейчас, как с новорожденного котенка. Прошло почти три месяца! У меня вопросов больше, чем ответов.

— Остальные...? — не хочет говорить обо мне — ладно. Но информацию можно

получить и другим путем. К примеру, тот же самый парень... как его? Амм... Барс, который. Вот. С ним что? Он пострадал от обвала или та неизвестная болезнь закончила его мучения?

Кажется, Страж все-таки понял, кто меня интересовал и соблаговолил ответить. Все теми же пустыми фразами.

— Все адепты живы.

И здоровы?

Блеск! А не адепты? Преступников-то повязали?

И все.

И внимательный взгляд.

Он пришел со мной помолчать что ли? Ему больше негде посидеть в тишине? Я заняла единственную комнату во всем городе, где может отдохнуть рядовой Страж в свободную минутку? Может я зря проснулась, и лежу теперь мешаю?

Я медленно теряла терпение. Но как только попыталась открыть рот и задать очередной вопрос, уже на повышенных тонах, Страж Клоу меня остановил.

— Вам не стоит беспокоиться. Здесь вы в полной безопасности, руми Латер. К сожалению, я не могу вам больше ничего сказать. Меня здесь быть не должно. По крайней мере, до окончания официального расследования. После допроса...

И снова замолк.

А без меня закончить никак? Я к Солнцу не имею отношения. Со своими интригами и сомнениями, эти ребята должны ограничиться формальным разговором и тысячей извинений. Какой такой допрос?

Страж Клоу поднялся со стула, и чуть сдвинув его в сторону, наконец, решившись на что-то, тихо добавил:

— Приехала проверка от ваших. Теперь это их расследование.

Я не вздрогнула. Ни одним движением не выдала своих чувств. Просто внутри что-то оборвалось. Я бы привела аналогию, что в моих глазах вспыхнула искорка Света, но...

— Набирайтесь сил, руми Латер.

...но во мне ничего не осталось от "руми" и, если Страж сказал правду, очень скоро ничего не останется и от "Латер".

Дверь захлопнулась с тихим щелчком, оставив после себя лишь легкий сквозняк. Единственным лучиком в темном царстве из собственных страхов, стал маленький столик. А именно три вазы с цветами, что стояли на нем. Розы, георгины и орхидеи.

К счастью, запахи я пока не чувствовала.

Пролог

***Он не любил цветы. Но однажды, вернувшись из очередной поездки, привез несколько луковиц. Выменял у восточных торговцев на томик стихов. Я не могла поверить, что такого человека, как мой муж, хватит терпения на выращивание заморских растений. Он был неплохим магом, но зельями и садом всегда занималась я. А тут — такое внезапное увлечение — орхидеи. Когда я рассказала Эрин, она не поверила. Подруга несколько лун подряд приходила к нам в гости, чтобы в очередной раз убедиться в том, что мой супруг тратит столько времени на пять ростков, с переменным успехом пробивавшихся к свету.

— Может они волшебные, — предполагала она, переходя на магическое зрение. — Или с каким-то секретом?

— Обычные, — отвечал он, записывая в книжечку результаты измерения роста стебля. Я продолжала удивляться.

Через полгода две орхидеи погибли. Через месяц завяла третья. А еще через один, оставшиеся распустились. Безупречно-белая орхидея, совершенно не имеющая запаха, и бледно-розовая с сиреневыми пятнышками и яркой гаммой ароматов. Я была восхищена. Они обе были преподнесены мне на нашу годовщину.

Его следующее возвращение из поездки ознаменовалось целым мешком луковиц. Спустя год я могла любоваться целым садом цветов. И все — орхидеи. Чем его привлекли именно они, я ни разу не спросила, поражаясь тому, с какой любовью и нежностью муж их выращивает. Просыпаясь по утрам, я всегда видела перед собой букет орхидей. И каждые семь дней — новый.

Тогда я еще не знала, какую важную роль играли эти цветы для ритуалов Ковена.***

Глава 1

Я рассказала все.

Рассказала раз.

Рассказала два.

Рассказала еще несколько десятков раз и сбилась со счета.

Я понимала, что мне не поверят, поэтому говорила правду.

Чем больше мне задавали вопросов, тем больше я сомневалась в намерениях своих проверяющих. Потому что все меньше меня спрашивали о том, кто я такая и что забыла в Старом городе, и все больше интересовались моими знакомыми адептами. Как познакомилась, о чем говорили, что ели, не замечала ли я чего-то в них странного, как проводили время вместе, знала ли я кого-то из них до этого дня. Я не знала, что от меня хотят услышать, поэтому говорила правду, которая сводилась в к тому, что все мои знакомства ограничивались сроком в одни сутки.

Вопросы переходили на новый виток. Какие заклинания я использовала? Какие использовали на мне? Сколько раз? Почему? Где? В каких частях города? Почему я

оказалась без чарм? Почему не обратилась за помощью к своим? Неужели забыла об Ордене Света? Вообще обо всех? А откуда столько смелости в борьбе с похитителями? Что они говорили? Почему с тобой вообще говорили? Куда делся браслет? Что меня связывает с мэтром Сайнгом?

Я пускалась в очередной круг с ответами.

Я повторяла их раз.

Повторяла два.

Повторяла бесчисленное количество раз. И так круг за кругом. Потом приходил лекарь. Осматривал меня. Выгонял человека, ведущего допрос и давал мне сонное зелье. Утром все повторялось заново. Где-то между делом приносили еду. Разнообразие меню ограничивалось кашами, супами, пюре и другими видами преимущественно жидкой пищи. Лекарь что-то говорил о трудностях восстановления пищеварения, а потом совал очередную порцию настоя горьких трав.

Я находилась в информационной изоляции. Ни проверяющий, ни лекарь, не отвечали на мои вопросы. Обнадеживало лишь то, что я не сидела в старых темницах инквизиции, а не выпускали меня из комнаты под предлогом недавнего выхода из магической комы. Пока мне давали хоть маломальские объяснения, я не теряла надежду выйти отсюда живой. Пока мне не угрожали. Не применяли силы или магического воздействия. Впрочем, последнее, я как раз могла не почувствовать в своем состоянии.

Я переживала не из-за того, что вступила в сговор со Стражем Клоу за спиной у начальства. Я на законном отдыхе и чем там занимаюсь, никого не касается. Страж сам разберется со своими проблемами. Если он умудрился предупредить меня о приезде представителя из Ордена, то опасаться нечего. Я боялась, что за те сутки, пока находилась не совсем в своем уме, могла сделать что-то лишнее. Что-то, что могло заставить Орден направить проверку.

Я боялась за сохранность тайны своего прошлого.

Шел пятый день. Что-то неуловимо поменялось в атмосфере. Словно прошло гнетущее затишье и теперь стоило ждать долгожданной бури.

Я не ошиблась.

Человек, зашедший в комнату, отличался от своего невзрачного собрата по магии, ведущего допрос предыдущие дни. В нем чувствовалась внутренняя сила. Мне не требовалось каких-то особенных способностей, чтобы ощутить мощную ауру. Его одежда тоже не оставляла сомнений, что предо мной появился некто особенный, не рядовой носитель Света.

Канареечного цвета туника с очень широкими рукавами, прикрывающими почти всю ладонь, была подпоясана кожаным поясом, расшитым цветными нитками и бисером, складывающимися в защитные узоры. На груди красовался Знак. Из золота. В другой раз я обязательно попыталась бы прочесть его внутреннюю структуру, чтобы выяснить, какая ступенька иерархии решила справиться о здоровье рядового посланника.

Белая пелерина с капюшоном и чёрный плащ были сняты и аккуратно сложены на спинку стула. Напротив меня сел мужчина лет шестидесяти. Аккуратно подстриженная борода, улыбчивое лицо, темные волосы с сединой по бокам. Весь его вид излучал доброжелательность и умудренность опытом. Даже глаза источали добродушие и величие

разумного человека.

Я сразу поставила себе галочку, что без магии тут не обошлось. Может, я и не могла ничего чувствовать, но от всего этого показушного образа, просто воняло искажающей магией.

— Доброго дня, посланник Латер, — мягко произнес он, перейдя на устаревшее обращение. — Меня зовут мастер Эстеф.

Да-а... Этот не будет читать вопросы по бумажке, — сразу поняла я. — Возможно, все предыдущие вопросы составлялись по его приказу, да и мариновали меня с той же целью.

— Вы знаете, почему здесь оказались? — он откинулся на спинку стула. В отличие от предыдущего проверяющего, он не стал доставать письменные принадлежности, чтобы задокументировать мои слова. Это почему-то успокаивало. Наводило на сравнение с двоюродным дядюшкой, пришедшим проверить любимую племянницу.

— Магическая кома, — ответила я.

Сегодня мне, наконец, разрешили сменить ночную рубашку на домашнее платье и я безмерно этому радовалась. Предстать перед своим собратом по магии в неглиже не считалось зазорным, но свое основное воспитание я получила в той семье, где правила приличия не были подвержены нововведениям Империи.

Подобравшись на постели ближе к стене и скрестив ноги, я куталась в перламутрово-белый, шелковый платок, создавая иллюзию защищенности.

— Верно, — согласился мастер Эстеф. — Но как вы в нее впали?

— Общее физическое, моральное, магическое истощение, усугубленное гениально-мерзопакостным проклятьем.

— Страж Клоу утверждает, что кроме печати на вас больше не было ни одного заклинания.

— Так и есть, иначе печать не сработала бы.

— Ну да, ну да, — закивал мужчина. — А за те сутки, что прошли под печатью?

Эту историю я рассказывала вдоль и поперек, поэтому сразу нашлась с ответом:

— Заклинание частичной потери памяти от руми Парнс, несколько пыточных заклятий от ее же рук, одно атакующие от ее сподвижника, и коронно-заключительное от ирума Флема, — я перечислила их все, совершенно спокойно отмечая, что Прия Парнс не вызывает ничего кроме раздражения, неизвестный маг определенно пугает, а ирум Флем оставил после себя противоречивые чувства. Такой талант в безызвестности пропадает! Бывает же так: сам по себе человек отвратителен — убить бы и сделать одолжение человечеству, но такой талант... Бриллиант в куче навоза...

— Откуда вы узнали, что ирума зовут Флем?

— Неопознанный маг его так назвал.

— Он к нему так обратился?

— Да. То есть — нет, — засомневалась я. — Он позвал кого-то по имени Флем. Больше мужчин я в подвале не видела, поэтому предположила, что это он.

О, как.

— А в какой момент вы слышали его имя?

— Когда начался пожар. Все горело, шумело и искрилось. Я пыталась выбраться.

Мужчина сочувственно покивал. Я отвела взгляд в сторону и уставилась на закрытые шторы. Внутри всколыхнулись эмоции, напоминающие, что я по собственной глупости едва не лишила себя и других жизни.

— Могло ли такое случиться, что вы неправильно услышали имя? Или может, мужчина никого не звал, а прокричал часть вербального заклинания?

— Я...

Мастер понимающе улыбнулся:

— Значит, вы могли ошибиться? Или даже услышать не то имя?

Могла ли? Могла. Я много чего могла: спеть, станцевать, продекламировать стихи, спрыгнуть с библиотечной башни. Но ни того, ни другого, ни третьего, я не сделала. А что тогда? Услышала правильно имя.

— Не путайте, — запротестовала я, вмиг растаптывая ростки доверия, проклюнувшиеся сквозь лавину моей подозрительности. — Мне ничего не помешало. Я потом сама к ируму так обращалась. Его это имя. Очень ему подходит, между прочим. Смотришь ему в лицо и сразу понимаешь — ну, вылитый Флем.

— Хорошо-хорошо, я вам верю, — нисколько не смутившись закивал мужчина. — Вы не на допросе и никто вас ни в чем не подозревает. Тем более, я же из своих, из Света. Я здесь ради вашего же блага. Помочь вам.

— Пять дней взаперти — это все ради меня? — возмутилась я, отбрасывая в сторону наигранное смирение.

Если я собиралась разыгрывать из себя жертву обстоятельств, то сейчас самое время добавить немного истерики. Не может нормальная женщина после таких событий оставаться спокойной и рассудительной. Я должна быть напугана. Я скромный посланник Света, если бы я могла справляться с такими ситуациями, то давно сама бы ходила в мастерах.

— Конечно, — и бровью не повел мастер. — Восстановление после комы...

— Где я? — оборвала его я.

— В приюте Милосердия при Обители Солнца, конечно же.

Конечно же... похоже на правду.

Доброта в глазах сменилась на хитрый прищур:

— Наши дорогие собратья категорически против отпускать вас, пока не закончится курс лечения. — Мужчина развел руки в сторону, имитируя жест побежденного. — Тут даже я бессилен. Ваш солнечный напарник потянул за все возможные ниточки, чтоб вас оставили здесь, и ни в коем случае не отправили восстанавливаться в лоно родного Ордена. Будь это любой другой город, его бы слушать никто не стал, но у Старого города, как и у его Стражей — особое положение в Империи. Поэтому не вы приехали ко мне, а я к вам. Итак, чтобы соблюсти все правила... Ваше имя?

— Китра Латер.

Значит, столь высокопоставленные гости ради меня одной — это только помозолить глаза солнечным? Сама я Свету ни в каком виде не сдалась? Пришли выяснить, зачем я понадобилась Солнцу?

Имир Клоу приложил все силы, чтобы я здесь осталась? В качестве извинений что ли?

— Это ваше настоящее имя?

— Достаточно настоящее.

— Достаточно настоящее для чего?

— Для меня.

— У нас указано, что семнадцать лет назад, вы поменяли имя и фамилию. Это правда?

— Более чем.

— Почему вы их сменили?

— Меня приняли в Орден Света.

Прозвучало вполне гладко.

— Безродные юноши и девушки любят брать эту фамилию, вступая в наши ряды. Она очень распространена среди Света и имеет под собой не одну сотню легенд.

— Я знаю.

— Но у вас был титул, — помедлил он, давая мне возможность прочувствовать свои сомнения на мой счет. — И хорошая семья. Вы променяли обеспеченную жизнь на скромное существование посланника Света в разъездах.

Это не звучало как вопрос, поэтому я сочла возможным промолчать.

— Но зачем вы поменяли такое прекрасное имя как Дел...

Я жестом остановила проверяющего.

— Семья не одобрила мой выбор вступить в Орден. На этой почве мы очень сильно поругались и я отреклась от всего, что меня с ними связывает.

Прозвучала правда. Проверяющий это понял, и не стал этого скрывать, как и источника из которого это выяснил.

— Мы знаем. — Сказал он. — Мы общались с вашей семьей.

Вот же темные твари!

Я напряглась. Этого я не знала. Думала, что дальше проверки по бумагам дело не пойдет.

— Китра — это староимперское имя?

— Скорее доимперское.

— И как вы пришли к такому выбору?

Та-ак...

— Услышала где-то... Или прочитала... Понравилось. Это просто имя.

Мастер хмыкнул и на несколько секунд задумался. Я перевела дух.

— Где вы его слышали?

— Я не помню.

— Хорошо. Не помните, так не помните. Это же обычное, ничего не значащее имя с которым вам ходить до конца жизни. Что толку беспокоиться о таких глупостях? Но может вы догадываетесь, как это имя переводится с доимперского? Или откуда берутся его корни?

Его что-то зацепило. Произошла какая-то несостыковка, но чего с чем, он понять не мог. И я тоже.

— Кажется... это из очень старой сказки о Туманных скалах.

— Можете ее рассказать?

Я помедлила, пытаюсь подобрать верные слова.

— Это сказка про девушку... которая умерла... утонув... Спрыгнула с уступа Туманных скал. И что-то про луну. Легенда без интриги. С открытым финалом, так сказать.

— Я серьезно.

— И я серьезно, только кратко. Вы мужик умный, вроде, — вон, до мастера дослужились, — огрызнулась я. — Суть должны были уловить.

Далась ему эта сказка? Я ее сама почти не помнила. Картинки разве что в книге были красивые. Ее мой настоящий отец иллюстрировал. Он был хорошим художником. Часто путешествовал.

Я перевела взгляд в сторону букета из орхидей. Несмотря на весь мой негатив, направленный в их сторону, они все еще держались в хорошей форме. Ни один лепесток не

опал. Остальные букеты столько волнений не вызывали. Наверное, в приюте Милосердия — это обычная практика, приносить больному цветы для скорейшего выздоровления. Я о таком слышала.

Руки в нервном жесте потянулись к краю платка.

Мужчина заметил направление моей задумчивости и не преминул спросить:

— От кого они?

— Что? — обнаружила я себя, мусолящей платок. Маленьким жемчужным помпонам угрожала опасность замусориванием от моих пальцев. — Не знаю. От сестры милосердия, наверное.

— Все три? — не поверил мастер Эстеф, приподнимаясь со стула. Деревяшки противно скрипнули, освобождаясь от непривычно большого веса. Проверяющий Света не страдал излишней худобой. — Вот же, здесь записки.

Мужчина ловко вытащил из букета с георгинами красивую бумажку, блеснувшую в свете свечи серебристым тиснением. Я затаила дыхание. Мне в голову не приходило проверить букеты. Все что я делала — косо посматривала на орхидеи и обходила их стороной. А ведь в маленьких посланиях мог таиться какой-то шифр от Стража.

Следом, жестом фокусника, была извлечена открытка из букета с розами. Кажется, на ней была изображена картинка, но со своего места разглядеть я ее не могла. Когда дело дошло до орхидей, мое сердце забилось чаще, не смотря на все доводы, приведенные голосом разума.

— Надо же — ничего, — чему-то удивился мастер.

— Ничего? Вы внимательно посмотрели? — я чуть приподнялась с кровати. — Может, за комод упало?

Мужчина сдвинул вазу в сторону, пошевелил стебли цветов, но ничего не обнаружил. Кажется, он сам расстроился, что не нашел никакой подсказки об отправителе.

— Тайный поклонник! — с восхищением предположил он. — Знаете, посланник Латер, я обожаю эти красивые истории о любви. Вы в такой случайно не завязаны? Двое мужчин, борются за сердце дамы...

— Упаси Свет! Нет никаких мужчин и никаких поклонников.

— У меня еще остались два попытки из трех, — продемонстрировал мастер Эстеф две предыдущие записки.

Почему-то их наличие вызывало больше восторга у него, чем у меня. Будто в столице Империи заняться больше нечем, кроме как почитать дамские романы.

— Вы не против? — осведомился мастер Эстеф.

— Ни в чем себе не отказывайте, — сквозь зубы проскрежетала я, подавляя в себе инстинкт броситься ему на перерез и силой вырвать записки.

— "Желаю скорейшего выздоровления. Мне жаль. С уважением, И.К.", — прочитал он ту, что была в букете с георгинами. — А в этой — "Ни о чем не беспокойтесь, я рядом. Ваш И.К.". Как интересно.

— Чем? — у меня был только один знакомый с такими инициалами. Поскольку Страж не в первый раз делал странные жесты в мою сторону, он вполне мог прислать оба букета с разными извинениями. В своей манере.

— Почерк разный. Эти записки от двух разных людей, — он протянул мне обе бумажки. Они отличались. Первая — из дорогой бумаги, оформленная серебристыми нитями. Красивый, строгий почерк, без лишних закорючек или украшений, абсолютное следование

стандарту письма, крайняя стилизованность. В полный противовес первому, вторая открытка содержала в себе неровный, неустойчивый почерк, с закрытыми сверху «аркадами» и "украшениями" в виде различных дополнительных элементов.

— Знаете, — я переводила взгляд с одной строчки на другую. — Я на сегодня устала. Если допрос окончен, я бы хотела остаться одна.

Мастер Эстеф возражать не стал. Забрав свои вещи со спинки стула, он задержался в дверях, для последнего вопроса:

— Пока не забыл. Какие отношения вас связывают со Стражем Клоу?

— Рабочие, — не колеблясь ответила я.

— Ох, посланник Латер..., - он многозначительно кивнул на записки. Конечно, он догадался что к чему.

— Опять не верите? — притворно насупилась я.

Чистую ведь правду говорила! Никогда не позволяла себе в сторону Стража ни одного лишнего взгляда. И он сам никаких признаков такого внимания ко мне не проявлял. Да, всегда встречал по приезду в Старый город, хотя я никогда не оповещала о своих приездах. Да, всегда сопровождал до гостиницы. Да, приглашал каждый вечер на ужин. Но это все было во исполнение его служебных обязанностей. Ему гораздо больше нравилось доставать меня в уютном ресторанчике в центре города, чем в душной комнате Обители.

— Верю-верю, — чему-то рассмеялся мастер. — Вы на протяжении семи лет сюда ездите?

— Да, — тут скрывать было нечего. — Все мои бумаги в порядке. Их не раз проверяли.

— Да-да, — продолжал соглашаться он. — Читал. Ворох проблем ради обычной библиотеки?

— Самой лучшей библиотеки, — поправила я.

— А Страж Клоу, полагаю, до сих пор не женат, верно?

— Верно.

— Пассии у него нет?

— Не знаю. Не слышала, — пожала я плечами. Какое мне дело до чужой личной жизни? — Так им до сорока и нельзя. Жениться, в смысле. А в остальном... Мало, наверное, кто согласится ждать пока суженному сорок исполнится.

— И все же, кто-то ждет, — на прощание улыбнулся мастер. — Да-а, семь лет, это уже кое-что значит.

Осени в Старом городе были теплыми. Светило солнце и погода радовала погожими деньками. Лишь изредка на землю проливались капли дождя, сопровождаемые буйством ветра. Приемлемые погодные условия поддерживались силами адептов Академии старших курсов. Есть положительные стороны в том, чтобы иметь в своих стенах целый отряд стихийников.

Я сидела в беседке, что расположилась во внутреннем дворе приюта Милосердия. Накрапывал дождик. Пахло сыростью. По узеньким дорожкам прогуливались другие недужные гости лечебного заведения: кто следил за танцами опадающих листьев, поднятых легким ветерком; кто наслаждался приятной беседой; кто-то бесцельно бродил по кругу, игнорируя все внешние раздражители. Успокаивающая атмосфера сонного царства, полностью поглотила этот маленький замкнутый мирок, отгороженный от суеты внешнего мира.

Я отложила грифельный карандаш с бумагой в сторону. Текст письма для Леды никак не желал складываться в строчки второй час кряду. Я оставила тесные комнаты приюта, прихватив с собой переносной секретер. Но вдохновение не приходило. Я не знала, стоит ли вообще отправлять Леде записку спустя почти три месяца, которые я пролежала в магической коме.

Что мне написать Леде? Пуститься в объяснения? Черкнуть одну строчку — "мне жаль?". Назначить встречу? А что говорить-то? Как она ко мне относится сейчас, узнав всю правду. Что обо мне думает? В каком виде ей сообщили обо мне? Да и рассказали ли хоть что-то?

Нет, на самом деле все это не важно. Знакомы-то мы были ровно один день. Сестру милосердия, что приносит лечебные отвары, знаю дольше. Стала бы я перед ней распинаться, если бы исчезла этой ночью? Нет. Все просто. Я задолжала девушке один разговор. Между нами осталась какая-то недосказанность. Пара ответов за пару ответов. Я ей про исчезнувших адптов, а она мне — события вечера с ее стороны произошедшего.

Я сильно устала. Вымоталась эмоционально и полностью себя истощила. Успокоительные зелья вгоняли в оупляющую пустоту. Яркие оттенки стирались, оставляя после себя монотонную серость. И все же я продолжала их принимать. Пропусти хоть раз и очередная ночь окрасится изматывающими душу кошмарами. От накатывающих приступов ужаса меня отделяли только двести миллилитров горьких эликсиров.

Допросы закончились. После разговора с мастером Эстефом меня наконец выпустили. Не домой и не в гостиницу, а из комнаты. Категорически запретили покидать территорию приюта, подвергать себя переутомлению и забывать про ежедневные восстановительные процедуры. Физически я была полностью здорова, если не считать постоянную слабость, из-за которой едва выбиралась на свежий воздух. Лекарь обещал, что скоро силы восстановятся, если понемногу увеличивать нагрузку и гулять во внутреннем дворе, где раскинувшийся чудесный сад, позволял насладиться своей красотой и буйством осенних красок. Ссадины, ушибы, порезы и синяки успели сойти за время моего пребывания в коме. С оставшимися на запястьях и голенях шрамами, обезображивающих кожу, умудренный опытом и годами

лекарь ничего поделывать не мог.

"Затянутся со временем, — с сомнением предполагал он, разглядывая красные полосы, после чего напоминал: — Вам повезло выбраться живой и невредимой из такой череды травмоопасных ситуаций. Не иначе как милостью Солнца дарована эта удача". Потом он неловко замолкал, вспоминая о том, что сохранив себе здоровье, я потеряла силы Света, и пускался в витиеватые извинения. Возможно, он чувствовал за собой какую-то вину. Ведь именно он снимал с меня все печати и заклятья, возвращая в мир живых. Может, переживал, что магические силы пропали из-за его действий?

Шелестели листья. Где-то вдалеке играла музыка.

— Вы не возражаете? — рядом внезапно возник тот самый старенький лекарь, присаживаясь рядом на скамейку.

— Нет, конечно, — кивнула я. — Садитесь.

— Это было очень интересное заклинание, — первым заговорил он.

Я сразу поняла, что имеется ввиду.

— Уникальное, — согласилась я. — Полагаю, скопировать и повторить его не получится?

— Увы, — тяжело вздохнул он, накидывая на голову капюшон.

Обвитые лианами резные решетки защищала от дождя по бокам, но ветру удавалось пробираться через открытые участки, холодным сквозняком проскальзывая под одежду. Я куталась в теплый платок.

— Вы же лекарь не только в приюте Милосердия?

— Отчего же? — удивился он. Вас интересует на кого я работаю: на приют или Обитель? Так это не секрет. Правое крыло приюта полностью отведено под лечение воспитанников Солнца, или очень особых гостей — как вы. Лечим своих, лечим чужих.

— Вот как. И часто вы подсаживаетесь к чужим для разговора?

— Только, если они также прекрасны, как и вы.

Его комплемент прозвучал так естественно, что я не смогла не улыбнуться. Лекарю было далеко за восемьдесят. Сухенький, жилистый, невысокого роста и полностью седой. Лишь ясные глаза, что прятались под нависшими бровями, намекали на сохранившуюся молодость души.

— И все же?

— Выдалось несколько свободных минут. Решил развеять ваше одиночество своим обществом. Я люблю поболтать с приезжими. Сам-то за территорию Старого города никогда не выходил. Всегда здесь.

— Может вы тогда в курсе, навещал ли меня кто-нибудь?

— А как же. Это же такая история была. Я Стража Клоу тоже лечил. Он как в сознание пришел — еще бинты не сняли, знаете какие жутки ожоги у него были? — ринулся на ваши поиски. А ему же нельзя. Больше пятидесяти процентов тела повреждена. Чудом выкарабкался! И тут — на тебе, пришел в себя и такое чудит. Сестрам милосердия пришлось подмогу вызывать. Четверо человек уложить только смогли. Вызвали мастера Солнца, разобраться что к чему. Я сам начал думать, мало ли, не заметил, что мой подопечный умом тронулся. Ан-нет. Все куда проще. Он к вам на помощь хотел отправиться, кричал, что вы в серьезной опасности и нельзя терять ни минуты. Мастер его выслушал, посочувствовал, да объяснил, что со своими предупреждениями Страж на десяток дней-то запоздал и лежит его прекрасная руми в палате напротив. Он, конечно, не поверил. Ночью выскользнул через

окно и проверить отправился. Хех.

Я попыталась представить себе, как громоздкий Страж, весь в бинтах и повязках пытается выбраться через среднего размера окошко и карабкается по узкому карнизу.

Выходило не очень.

— Вы сейчас его ни с кем не путаете? — усомнилась я.

Конечно, это объяснило бы, почему Имир Клоу не пришел мне на помощь, когда я оба раза угодила на жертвенник. И почему никто не хватился, когда я сутки гуляла без памяти в теле себя семнадцатилетней давности.

— Как такого достойного мужчину можно с кем-то спутать? Он еще месяц на восстановлении лежал, а после, вас каждый день навещал.

— Пойдите, — всплеснула я руками, неловким жестом скидывая карандаш с лавочки. — А с ним-то что случилось? Как он пострадал? Когда?

Лекарь охотно принялся рассказывать, поражая невероятными подробностями о сражении доблестного Стража, и некоторыми фактами о смерти ирума Сайнга. Новые детали, внесенные осведомленным лекарем, пришлось кстати. Скучающий лекарь — это не просто находка, это дар свыше.

Выходило, что мэтр Сайнг давно подозревал что-то неладное в Академии и поделился своими подозрениями с одной из любимых адепток — руми Ледой, и другом — Стражем Клоу. Тем самым подведя обоих к смертельной опасности. Страж начал независимое расследование и, обнаружил, что в во всех этих странностях замешан кто-то из людей высокого ранга. Кого-то конкретного он не подозревал. Сунувшись чуть дальше, он где-то допустил ошибку и подставился.

Страж Клоу — не рядовой служащий, а профессионал, у него опыт и подготовка. С Ледой ясно, как подставилась и навела на себя след: спросила что-то лишнее, сделала что-то не то, днями и ночами крутилась вокруг мэтра Сайнга, или еще лучше — поделилась какими-то мыслями с руми Парнс. Уверена, именно Прия Парнс вычислила мэтра Сайнга и Леду. А я? Я стала для них сюрпризом или на меня тоже началась охота? Для случайности слишком много совпадений, а для намеренных действий маловато осведомленности.

Оказывается, в ту злополучную ночь, закончившуюся потерей памяти, мне повезло больше остальных заговорщиков. На Стража и мэтра Сайнга напали одновременно. Их давно подозревали в том, что они добрались до чего-то важного. Мэтра Сайнга застали как раз в тот момент, когда он только закончил ритуал на закрепление печати и совсем выбился из сил. Маг стал легкой мишенью для нападавшего. Со Стражем же пришлось повозиться. В ту ночь его мучила бессонница, и когда в его дом проник посторонний, Страж был готов. И тем не менее он проиграл.

— Вот оно что, — пробормотала я. — Значит, не бросил.

Это радовало. Я успела нафантазировать много версий в которых Имир Клоу просто не считал нужным побеспокоиться о своей коллеге и бросил разбираться самостоятельно.

— И другой молодой человек тоже, — продолжил лекарь. — Из-за него тоже нешуточная война развязалась. Академия не хотела отдавать своего адепта, а Обитель не желала делиться ценным свидетелем, учитывая что они подозревали кого-то из мэтров. Тут свою лепту родители мальчика внесли, и его отправили под нашу защиту. Он как очнулся тоже про вас начал спрашивать, а смог ходить, так и навещать принялся. У него ранения полегче ваших, хотя и гадость редкостная. Целый консилиум собирался: думали-решали. На четыре научных статьи насобирали. Я, признаться, за всю свою карьеру такой пакости не

видел. Но, слава Солнцу, справился. Опыт-то не маленький. Так что молодой человек живет и здравствует, только теперь лечение с учебой совмещает. Болячка-то хитрая, за раз не одолеть. И вот он днем — там, а с вечера и до утра у нас. Вот пять часов вечера пробьет, сами с ним повидаться сможете.

— Стойте-стойте, Вы сейчас о ком? — я совсем запуталась. Какой другой молодой человек? Я кроме Стража Клоу никого не знаю. Ни в каких других отношениях ни с кем не состою: ни в рабочих, ни в романтических.

— Как о ком? — подивился мужчина. — Он вот накануне цветы вам приносил.

— Орхидеи? — ахнула я.

— Вот чего не знаю — того не знаю. Сами его спросите, он этажом выше лежит. И имя у него еще такое... забавное. Сам по себе — огневик огневином, а имя... Кто так ребенка называет?

Винтики в моей голове заворочались, закрутились, заскрипели, защелкали и заглохли. Я сама себе не поверила, когда решила спросить:

— Снежный барс?

— Точно! Вот помнил же, что какая-то кошка. У него еще глаза такие, светлые, пронзительно голубые.

Живой. Все-таки живой.

— А я? Меня можно вылечить? Я говорю о своих способностях. О магии Света.

Я все-таки решила поднять болезненную для меня тему. От одного осознания, что любой человек в мире, кроме меня, может использовать Свет, болезненно сжималось сердце. Я никогда с такой хворью не сталкивалась. Видела перегоревших магов Стихий, подорвавших свои силы солнечных, разочаровавшихся лунных Жриц, представителей других магических направлений, загубивших свой талант. Но никогда я не слышала о маге Света, потерявшем свой дар. Даже в теории я не могла представить, что может довести до такой крайности. И практики, и теоретики сводились в своих мнениях к одному: от магии может избавить себя только сам адепт. Никакие внешние факторы не могут на это повлиять. Да, тебе могут заблокировать магию на время, опустошить резерв сил, сам себе этот резерв можешь сломать. Но так чтобы навсегда... Не бывает такого.

— Ох, милочка, тут я вам не помощник. Приехал же ваш мастер, так к нему надо. Такого рода проблемы со своими решайте. Может, ритуал провести. Может в храм сходить и жертву какую Свету принести. А может, все дело в нервном расстройстве. И такое бывает.

Нет уж. Хватит с меня жертвоприношений и ритуалов. Задержалась я в Старом городе. Много внимания к себе привлекла. Знакомствами обзавелась. Цветами... К темным тварям все! Не нужна мне эта библиотека. Успокоится все, уляжется — вернусь. У меня и другие зацепки есть по поискам Эрин.

— Тут есть посыльные или курьеры? Я хотела бы отправить письмо. — Я помахала пустым листком бумаги. — Которое так и не написала.

— Ах, конечно, — мужчина приподнялся со скамьи и указал на здание напротив. — Если обойти кустарники по той дорожке — сможете увидеть бордовую дверь. Она приведет в общую гостиную. Любая сестра милосердия с радостью поможет в этом вопросе. Или дождитесь вечера. А мне, пора делать обход. Я и так злоупотребил вашим обществом.

Мы попрощались, и я, проводив взглядом удаляющуюся фигуру лекаря, вернулась к письму.

"Надо встретиться", — гласила строчка, начерканная неровным почерком. Моя рука

мелко дрожала, не желая выводить красивые, ровные буквы с вензелями. — "Буду ждать в приюте Милосердия при Обители Солнца." — На этом порыв вдохновения закончился. Ниже, жалкими каракулями, красовалась мои инициалы и подпись.

Письмо я решила передать через сестер милосердия. Проще было отправить с Ирбисом, раз он ежедневно совершал путешествия от приюта в Академию и обратно, но я ему не доверяла. В случае чего, я конечно брошусь ему на помощь или окажу какую-нибудь услугу, но это не будет иметь ничего общего с доверием. Тем более, после того, как я узнала, что он меня навещал. Какое-то подозрительное внимание. Ну, побродили вместе по заброшенным катакомбам, с кем не бывает? Хорошо, что выжил. На этой веселой ноте встречи можно и прекратить. Передать письмо через Стража? А когда он теперь придет? Имир Клоу удостоверился, что я в порядке. Принес письменные и устные извинения. Предупредил о допросе. Все правила приличия с его стороны были соблюдены настолько, что мастер Эстеф сам себя ввел в заблуждение, придумав любовную историю.

Я сложила письмо. Запечатала конверт. Тяжко вздохнула, вспоминая, что не могу использовать заклинание для его защиты или от вскрытия посторонним человеком. Вздохнула еще раз, когда грифельный карандаш замер, дописав имя Леды. Кажется, та печать от мэтра Сайнга вогнала меня не только в семнадцатилетний возраст. Не могла я быть настолько глупа, что бы не спросить полное имя своей соседки. Тут явно замешено какое-то темное проклятье. Руми Леда, второй курс, специальный поток, — и это все, что мне известно. Блеск, Китра! Аплодисменты стоя, пожалуйста. Выходи на бис. У Ирбиса ты тоже фамилию не спросила, и ничего о нем не выяснила. Ох, зря ты не позволила себя в жертву принести, зря. Глядишь, в следующей жизни поумней была бы. Растяпа.

Я собрала письменные принадлежности и сложила их в переносной секретер. Дождик закончился, но пронизывающий до костей ветер, свои позиции не сдавал. Мне вернули те вещи, что хранилась у Стража и те, что остались в гостинице. Только почти все они были рассчитаны на жаркий зной лета, а не на пасмурную осень. Откуда взяться теплым вещам? Я никогда не брала с собой в поездку лишнее. Теперь мне оставалось выбрать денек потеплее и отправиться на рынок. А лучше, вызвать портного сюда. Хватит, за вещами я уже находилась. Второго такого раза могу и не пережить. Тем более в таком состоянии.

В общей гостиной царил переполох. Кто-то куда-то спешил. Что-то падало. Рядом несколько мужчин спорили с неизвестных мне лекарем. Плакал ребенок. Тут и там мелькали разноцветные плащи и белые фартуки, снующих между посетителями сестер. Если здесь всегда такая суматоха, то внутренний парк весьма стоящая идея. У меня пошла голова кругом после пяти секунд нахождения здесь. Сутки напролет такого темпа я бы не выдержала.

— Простите, — я попыталась обратиться к одной из сестер милосердия, но она ловко подхватила металлический поднос со склянками и бинтами, и унеслась прочь по коридору.

— Я только хотела... — вторая попытка провалилась не менее грандиозно. Третья потонула в громком шуме. Я замерла на месте, чувствуя, как утопаю в общем хаосе. Прошло минут двадцать, прежде чем я смогла вынырнуть из вязких мыслей и вернуться к реальности. В этом мне помогла выскочившая из задней двери растрепанная сестричка. Неуклюже поправляя платок на голове она с удивительной ловкостью проскочила между стойкой и полноватой женщиной, пытающейся раскурить сигару, виртуозно подхватила падающую со шкафа вазу и сделав пируэт, поставила ее на стол передо мной.

— Сестра! — ухватила я ее за рукав, не позволяя вырваться. — Мне нужна всего одна минута вашего времени.

Девушка растерянно похлопала ресницами, переводя взгляд с моей руки на лицо и обратно.

— О! — воскликнула она. — Вы — леди Латер?

— Руми Латер, — поправила я.

Да, нынче я без магических сил, но пока присланный мастер не объявил, что я лишена статуса посланника Света, от своего титула не откажусь.

— Ой, простите. Я думала... — девушка слегка замялась, пытаюсь найти выход из ситуации. — То есть я совсем не подумала. Но я вас узнала. Вам цветы постоянно приносят. А я для них вот, — она указала на фарфоровую вазочку в горошек, — тару подыскиваю.

— А от кого цветы?

— Ну так... Знамо от кого, — пошла красными пятнами девица. — От ухажеров ваших. Только не подумайте, — заволновалась она, покраснев до самых ушей, — я же не осуждаю. И не разбалтывала никому ничего. А вашему мастеру пришлось рассказать. Не отказывать же столь светлому и достойному человеку?

— Мастер Эстеф? — жизнь продолжала радовать событиями. — Когда он приходил?

— Сегодня днем. Расспрашивал, кто вас навещает и от кого цветы, — девушка потупила глаза, пытаюсь унять глупую улыбку.

Вот ведь жук!

— Цветы — это не всегда знак любви или ухаживаний. Это так же знак уважения, благодарности и дань хорошим манерам, — пожурела я девушку. Кого она во мне разглядела, роковую женщину? — А еще некоторые цветы могут означать опасность или угрозу. Вот скажи мне, от кого были орхидеи?

— Их всегда курьер доставляет, — пискнула нисколько не пристыженная девица.

— Всегда?

— Всегда, — подтвердила она. — Каждый седьмой день приносит. С того дня, как вас сюда положили. Они всегда без записки. И всегда белые.

— В следующий раз, когда должен будет прийти курьер — позови меня. Хочу с ним встретиться. Деньгами не обижу. И вот, — я сунула ей конверт с именем Леды, — передай в Академию. Настолько быстро, насколько это возможно.

Девушка кивнула, радуясь, что я ее отпустила, и тут же скрылась из виду.

— И как тут не нервничать и не волноваться? — задалась я вопросом, направляясь обратно в свои покои. — Если на каждом шагу караулит стресс?

Дождавшись пяти часов, я направилась в гостиную на втором этаже. Выловив одну из сестер милосердия, я велела ей передать Ирбису, что жду его. В зале, который я выбрала для встречи, никого не было и я смогла спокойно разместиться возле камина, в кресле из красного бархата и резными ножками. Огонь тихо потрескивал на недавно подброшенных поленьях. За окном щебетала птица, пристроившись на ветви дерева, как раз упирающегося в окно. Часы на камине в виде улыбающегося солнца, показывали пять минут шестого.

Я сменила свой наряд на темно-бордовое платье с длинными рукавами, уходящим в пол подолом и наглухо закрытым на шее воротом. Несколько грубых украшений дополняли мой образ серьезно настроенной руми. Не хотелось мне, чтобы по приюту прошел слух, что я позволяю себе что-то большее, чем официальная встреча с адептом Стихии.

А разговор был важным. Для начала, не просто справиться о его здоровье, а своими глазами увидеть, что он в порядке. В голове так и засела та картина, где он бледный, еле дышащий, борется за каждый вдох. А еще объяснить юному гению, почему следует завязывать игры. Мое внимание можно привлечь и другим способом. Я вполне лояльна и могу войти в его ситуацию. Можно подумать, я не догадываюсь, что господин Чабер — непосредственный начальник (Наставник?) Ирбиса, требует от него полного отчета обо мне и моих действиях.

Из глубин коридора послышались шаги.

Я закинула ногу за ногу. Откинулась на спинку кресла и приготовилась вести диалог.

Он выглядел абсолютно обычно. На бледной коже проступал румянец. В глазах светилась ясность без какого-либо намека на то, что парень дополнительно употребляет дурманные зелья. Привычная шляпа отсутствовала и я могла любоваться его неудачной попыткой собрать пряди волос в хвост. Темные концы то тут, то там, выбивались из-под алой ленты. Такая неразбериха с волосами наводила на мысли, что кто-то сверх меры увлекался тренировками с магией Огня.

Я отчетливо помнила на какой ноте мы расстались с Ирбисом. Он умирал у меня на руках. Я изображала из себя дурочку. Все катилось к темным тварям в Нижний мир. Теперь он относительно здоров. Нет видимых признаков того, что страшное заклятье ирума Флема сильно подпортило парню жизнь. Наоборот, шляпу вот снял. А я... А я вернулась в своей привычный возраст, из семнадцати в тридцать четыре — спасибо доброму лекарю! Чуть выше рост, чуть длиннее волосы, чуть больше ума, немного морщинок и все те же уставшие, синие глаза. За спиной статус посланника Света, и один день в качестве адепки Академии, наполненный очередной порцией лжи.

Неплохие данные для начала непринужденной беседы, неправда ли?

На правах старшего, как в плане возраста, так и статуса, я не стала дожидаться пока Ирбис сможет должным образом оценить мою новую внешность. Если я правильно поняла, господин Чабер разъяснил парню всю соль ситуации со мной.

— Наверное, твой плащ так и остался в Академии, — вместо приветствия произнесла я, после чего спохватилась. — Кстати, рада видеть тебя в живых, Ирбис.

Он слабо улыбнулся, присаживаясь в кресло напротив.

— Теряюсь в догадках, как к вам теперь обращаться.

Это прозвучало без какой-либо ненависти или обиды. Хотя парень имел право на меня злиться. В каком-то роде я была шпионом Солнца в Академии.

— Мое имя осталось при мне. А в Академии, как я помню, всегда была проблема с хорошими манерами. Так что, не возражаю против доли фамильярности.

— Значит, Китра Латер, — задумчиво протянул он, чуть усмехаясь. Я невольно присоединилась к его улыбке. — Это настолько банальное для Света имя, что удивительно, как никто не догадался! Каждый второй с такой фамилией является прислужником Света... То есть адептом, извини. Я просто потрясен. Господин Чабер тоже высказал свое удивление.

Мы помолчали. Огонь в камине потрескивал, и разнежившись в удобном кресле после тяжелого дня, я потеряла бдительность.

— Знаешь, я хотел тебе многое сказать, — заговорил он. — Особенно, поблагодарить за то что ты сделала для адептов, несмотря на то, что ты не одна из нас. Я очень сильно тебе благодарен. Ты проявила себя, как очень сильный духом человек, способный отринуть межмагические противоречия и прийти на помощь к нуждающимся. Мне бы хотелось, чтобы ты поняла меня правильно. Более того... я... — он стал запинаться, и я решила его перебить:

— Зачем ты мне это говоришь?

— Как зачем? — искреннее изумление парня выбивало из калии. — Ты спасла мне жизнь.

— Скорее отсрочила смерть, — поправила я.

Собственное фиаско до сих пор тяготило. На тот момент, когда я сражалась с ирумом Флемом, память ко мне уже вернулась. Я не была семнадцатилетней адепткой. Пусть мой облик на тот момент оставался юным, воспоминания вернулись. Я должна была суметь хоть что-нибудь сделать. Да, дезориентирована и едва ли могла правильно оценивать ситуацию, но глупых ошибок это не умоляло. Мы оба: я и Ирбис спаслись чудом. А я ненавижу, когда моя жизнь зависит от счастливой случайности.

— Видишь ли, — решила пояснить я, раз господин Чабер почему-то умолчал такой важный аспект. — Я нас скорее покалечила, чем спасла. Когда ты был без сознания, появился ирум Флем — тот мужчина с заковыристым проклятьем. Я с позором ему проиграла. Попалась в одну из тех ловушек, которые курсе на первом проходят. Заклинание "двойного шума" — из-за него ирум Флем застал меня врасплох. Понимаешь, о чем я? Я использовала твою чарму на удачу. Разгромила потолок, заперев нас в каменной ловушке. Сама не знаю, как мы спаслись. Все благодарности направляй тем людям, что нашли и вытащили из-под завалов.

Бывший Шляпник попытался возразить, но я пошла на опережение, протянув ему две открытки, которые мастер Эстеф нашел в цветах:

— Кстати, одна из них от тебя?

Неожиданно растеряв свой благодушный настрой, парень нахмурил брови, забрал у меня ту открытку, что была с золотым теснением. Вся легкость с которой шла беседа в одно мгновение покрылась изморозью. Я даже проверила не потухли ли дрова в камине — уж слишком резко повеяло холодом.

Расслабленная поза Ирбиса сменилась напряженностью. Взгляд парня впился в несколько коротких строчек.

— Желаю скорейшего выздоровления. Мне жаль. С уважением, И.К. - медленно прочитал он, четко проговаривая каждое слово. После чего перевел на меня взгляд. — И.К.? Что означают эти "И. К."?

— Иди к Свету, — попыталась пошутить я. Слишком серьезно адепт Стихий среагировал на то, что у кого-то еще такие же инициалы, как у него.

Парень моей шутки не оценил. И поскольку он принимал то ли гораздо меньше успокоительных зелий, то ли нахватался у господина Чабера премудростей, но тайну инициалов разгадал за несколько секунд:

— Имир Клоу? — с недоверием произнес он, продолжая смотреть на открытку, как на злейшего врага.

Я почувствовала себя неудобно. Как будто совершила очень серьезный проступок за который надо стыдиться. Но на ум, как назло, не шло ни одной ясной мысли, кроме той, что мне действительно стоит завязывать с лекарствами. Ко мне вернулись родные тридцать четыре, а я все равно не понимаю, что вокруг происходит.

— Страж Имир Клоу, — поправила я.

Это мои привилегии теперь под сомнением, а вот Страж еще при своих, и к нему стоило проявлять почтение. Их братия серьезно относилась к таким вещам. Еще услышит кто нашу беседу, да воспримет, как неуважение к Обители, хлопот потом не оберешься.

— Да хоть бы и так, — огрызнулся он, продолжая сжимать открытку. — Ты же не веришь вот этому всему?

— Ты о чем? — Я решительно не успевала за ходом его мыслей.

— Об извинениях, — он наклонился вперед, и прядь зачесанных в хвост волос

соскользнула ему на глаза. Парень сначала попытался ее сдуть, но потерпев неудачу нервно откинул вылезшую челку назад. — Обитель воспользовалась тобой. Обитель, тот же Орден Света, понимаешь? А теперь что? Присылает жалкие извинения! Тебя это ни капельки не злит?

— Погоди, — подняла я руку, желая эмоционально отгородиться от Ирбиса. — Никто меня не использовал. Произошла взаимовыгодная сделка. Они получили своего человека в стенах Академии, я — возможность находится на территории Старого города столько сколько пожелаю. Честный обмен. Никто не мог предполагать, что все сложится именно так. — Я говорила чистую правду. Никаких обид в сторону Стража или его начальства я не чувствовала. Произошедшее — следствие лишь моих собственных решений. — Все случилось слишком быстро.

— Это они тебя в этом убедили, — он помахал у меня перед глазами открыткой Стража. — Сама подумай. Почему вместо сильного, опытного Стража, отправили слабого посланника Света. Неужели никого получше не нашлось?

Магия Света — очень древнее искусство. Возникшее до основания Империи, до разделения Стихий на четыре составляющие, и конечно, до распада Света на Солнечный и Лунный. Магия Света была в расцвете своих сил, когда остальные только начинали зарождаться. Изначально она предназначалась для борьбы с тварями из Нижнего мира. Эту магию могли осилить все люди. Поэтому каждый человек считался ее потенциальным носителем. Конечно, самые мощные заклинания доступны лишь хорошо обученным адептам, прошедшим жестокий отбор и не менее жестокие тренировки.

Со временем темные твари покинули нас, а мир, наполненный жуткими монстрами и опасными магическими существами, стал гораздо дружелюбнее к людям. Именно тогда Магия Света начала сдавать свои позиции. К настоящему времени, Свет едва ли может похвастаться сильными представителями. Он почти полностью ушел в просветительскую работу. Посланники Света из доблестных героев превратились в послушников и проповедников, скитающихся по городам и богам забытым деревушкам, рассказывая старые сказки о добре и справедливости, восхваляя очередного монарха, и ведя рекрутерскую работу.

Именно все эти пункты делали для меня эту работу идеальной для собственных целей. И оскорблять мой выбор не стоило никому!

— Ты это сам придумал или тебе господин Чабер подсказал? — разозлилась я. В чем-то он действительно был прав, но я не в первый раз слышала в адрес Света подобные претензии. — Я не дурочка из соседней деревни. Я почти двадцать лет путешествовала по просторам Империи и видела такое, о чем ни ты, ни большая половина Обители даже никогда не слышали. И сам Страж Клоу, между прочем, прекрасно это осознавал. Поэтому и обратился ко мне за помощью. Он смог понять и принять то, что какой-то посланник Света может в чем-то превосходить его самого.

— Столько слов в защиту чести Стража, которой даже не смог обеспечить защиту одного единственного человека, которого взял под свою опеку? — казалось Ирбис услышал совсем не то, что я пыталась до него донести. — Только не говори, что поддалась мнимому обаянию Стража, которого к тебе подослали, — он произнес это с таким презрением, словно без личной вендетты не обошлось. Не иначе как в детстве грозный Страж отобрал у него конфетку. — Ты была хоть раз в самой Обители? Знаешь, что их женщинам запрещено занимать высшие посты? Я имею ввиду, что если у тебя есть талант к магии Солнца и ты

женщина, то дальше сестры милосердия тебе не продвинуться. Уверен, в Свете дела обстоят так же. Поэтому тебя и выбрали в качестве приманки. Подослали в Академию, чтобы сделать следующей жертвой. Ты для него... для них не более чем цифра в документах, за личность тебя никто не воспринимает. Разменная фигура на игровой доске. А я видел тебя в деле. Видел на что ты способна. Ты достойна большего.

Тирана была сильной. Эмоциональной. С ударениями в нужных местах. Будь я подростком — расплакалась бы в ту же секунду и бросилась спасителю на шею, проклиная Обитель со всеми ее Стражами. Но в этой жизни мне перевалило за тридцать, а гормональные всплески сгинули прочь вместе с печатью.

— Ирбис, — я устало опустила голову, подперев рукой подбородок. — Я не знаю, кто писал тебе речь, но подготовил ты ее очень-очень плохо. Или просто выучить не успел?

Ирбису было около двадцати пяти лет и учился он на последних курсах, а значит должен был пройти все пороги идеализма и истребить в себе эту заразу. Не зря же увивается вокруг господина Чабера. Для глубоких философских раздумий о месте женщины в Свете — познания парня слишком поверхностны, но вот злость весьма настоящая. Словно ему перед выходом прочли вдохновенную речь с примесью фрагментов из модных пропагандистских статей, а он теперь пытался повторить мне то, что запомнил. Из чего выходило, что через парня ко мне обращался кто-то совершенно другой.

— Никто мне ничего не писал, — парень аж вскочил, едва не опрокинув кресло. — Ты что, не видишь, что с тобой сделали? Все то время, пока тебя здесь якобы лечили, тебе изменяли сознание. — Он продолжал смотреть на меня, с силой сжимая кулаки. Послание Стража безжалостно смялось в его руке. — Почему ты совершенно меня не слышишь? — Он с опаской глянул на дверь и чуть тише добавил: — Очнись же ты. Вспомни, какой была.

— Три месяца назад у меня были магические силы, — жестко отрезала я. — Именно их потеря и угроза для жизни меняет человека, а не какое-то мифическое изменение сознания. О, и давай не забывать о том, что я была лишена памяти. Так что посмотри на меня сейчас очень внимательно и постарайся запомнить. На самом деле, я вот такая. Так что не выдумывай никаких тайн или заговоров. Жизнь куда проще, чем кажется.

Вот я и произнесла все вслух. Во мне нет магии. Я никто. Пустое место. Черная точка на карте магического потенциала Империи.

— Ты потеряла свои способности? — Ирбис выглядел обеспокоенно. — Разве Свет можно потерять?

Он не верил.

Это звучало слишком дико.

— Да, — пожала я плечами. Вновь воссозданный образ спокойствия трещал по швам.

— И ты так легко об этом говоришь?

— Это не великая тайна, чтоб ее скрывать, — я притворилась, что не поняла о чем он спрашивал. Кто сказал, что я не люблю поиграть в жестокость?

— Это на долго?

— Это навсегда.

— То есть ты теперь...

Что я теперь? Без магических сил? Да. Без возможности заработать себе на жизнь? Да. От родового титула я отказалась лет семнадцать назад, а статуса посланника лишусь в скором времени. Зато, если Страж сдержит свое обещание, смогу стать горожанкой — а это уже что-то. Это почти право голоса есть. Только замуж идти придется, иначе либо в ночные

бабочки запишут, либо... в ночные бабочки. Выбор-то небольшой. Назад к семье вернуться не смогу, отреклась я от них и они от меня. Без компаньонки по другим городам не поездишь теперь, а денег на такую роскошь просто не найти. Есть у меня, конечно, сбережения, но до них бы еще добраться.

Похожие рассуждения должны пронесли у Ирбиса в голове, потому что его выводы пересекались с моими.

— ...должна будешь выйти замуж? — парень аж скривился от этого слова. — Зачем ему это надо?

Не знаю, что его так шокировало. Не первый год живет, вроде. Не приди мне в семнадцать лет великое спасение в виде старинного Дневника, я бы уже праздновала юбилей прекрасного несчастливого брака с человеком старше меня вдвое. А сейчас-то я и выбирать могу. Между вдовцом с пятью детьми и каким-нибудь трижды разведенным прожигателем жизни.

— Как только лишат статуса, — задумчиво протянула я, внимательно следя за реакцией адепта. Какая-то часть наслаждалась тем вселенским непониманием, что отражалось в глазах Ирбиса наполоам с ужасом и злостью. — Но жизнь на этом не кончается. Если совсем грустно станет, в сестры Крови подамся. Вот уж у кого магия точно течет в жилах. Ее только с жизнью потерять можно... Да шучу, я Ирбис, шучу, — пришлось срочно сворачивать спектакль. Парень-то тоже на лечении. Ему лишние переживания не больше моего нужны.

— Шутишь? — разозлился парень. — Рад, что повеселил тебя!

— А я то как рад, — произнес кто-то совершенно посторонний.

Я вздрогнула. Ирбис схватился за чарму, поворачиваясь в сторону говорившего, и готовясь в случае чего атаковать. В проходе мелькнула золотистая мантия, и мне потребовалось несколько секунд, чтобы признать в незваном госте мастера Эстефа. Он находился на расстоянии вытянутой руки от Ирбиса, но ни я, ни адепт Стихий не заметили появления мужчины в ярких одеждах. А он мог там находится чуть ли не с самого начала разговора! В вихре бурлящих страстей ни один из нас не мог поручиться, когда же появился мастер.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Чему рады? — приглушенно поинтересовался Ирбис, мигом растеряв свой пыл. Он прожигал мастера Света взглядом, но дурного слова сказать не смел.

— Как чему? — наигранно удивился мужчина, проходя мимо нас к камину. — Конечно же тому, что посланник Латер не лишилась чувства юмора в столь тяжелый для нее жизненный период. — Наклонившись, он подобрал полешко, и подмигнув мне, закинул к догорающим бревнам в камине. — Я приношу свои извинения, что стал невольным свидетелем вашего разговора, но я находился здесь неподалеку и слышал какой-то странный шум. Мне ничего не оставалось, как пойти и проверить, все ли в порядке.

— Мастер Эстеф, — спохватилась я. — Позвольте представить вам ирума Ирбиса — адепта Академии. Это он пришел на помощь, когда меня и руми Леду похитили.

Произнеся все это, я слегка смутилась. Парень мне нехило помог, а я над ним подшутить решила. Для него все происходящее воспринималось гораздо серьезней, чем мной.

— Ирум Ирбис, — обратилась я к адепту, мигом переходя на официальное обращение. — Позвольте представить вам мастера Света Эстефа, прибывшего из столицы,

чтобы помочь мне разобраться с пропавшими силами и посодействовать Обителю Солнца в расследовании.

Я проглотила ту фразу про допросы с пристрастием, и представление вышло вполне приемлемым. Не на уровне столичного театра, но для Старого города сгодится.

— Очень рад с вами познакомиться, адепт Огня, — добродушно кивнул мастер. — Я многое о вас читал в отчетах и рад, наконец, встретиться лично.

Парень напрягся и я его прекрасно понимала. Лишний раз попадаться под внимание мастера не захотелось бы ни одному нормальному человеку.

— В отчетах? — переспросил Ирбис.

Мастер не стал присаживаться на предложенное ему кресло. Взяв кочергу, принялся поправлять огонь.

— У меня сегодня состоялся интересный разговор с господином Чабером, — теперь и я заволновалась не на шутку. — Он был настолько любезен, что позволил ознакомиться с теми материалами, что собрала Академия.

Мы с парнем синхронно переглянулись, но найти подсказку друг в друге не смогли.

Мастер меж делом продолжал:

— Вы, молодой человек, были среди тех людей, что начали расследовать подозрительные совпадения о пропаже юных адептов. Ваши выводы меня впечатлили. Приятно видеть, что новое поколение ничуть не уступает нам — старикам.

У Ирбиса было на этот счет совсем другое мнение:

— При всем моем уважение, с какой стати господин Чабер показывал вам отчеты? Академия — это независимое учреждение, — парень пытался себя сдерживать, подбирая правильные слова, но получалось у него плохо. — Обитель не имеет права вмешиваться в ее дела. Вам не обязаны были предоставлять никакие документы. Вы...

— Тише-тише, адепт Огня, — убирая в сторону кочергу, мастер примирительно поднял руки. — Вы слишком спешите, впрочем, — он кинул быстрый взгляд в мою сторону, — юности это простительно, не так ли посланник Латер?

Во время разговора я успела не только вжаться в спинку кресла, но и провести быстрые расчеты вероятности незаметного побега. Рассматривались такие варианты как, через заднюю дверь и в окно. Дверь была надежней, но окно ближе. Завывающий на улице ветер раскачивал кроны деревьев, и огромная ветка непрерывно постукивала по стеклу. С того места, где я сидела, не было понятно насколько она большая и способна ли выдержать вес взрослого человека, но я готова рискнуть. Поэтому, когда мастер обратился ко мне, я настолько потонула расчетах, что смогла только невнятно согласиться.

— Мы, так же как и Академия, абсолютно независимы от Обители, — продолжил мастер. — А господина Чабера я знаю давно — вместе практику проходили. Я потому и вызвался посетить Старый город, чтобы проверить старого приятеля, — мужчина мечтательно улыбнулся, словно вспоминая какое-то приятное событие. — И климат здесь хороший, — он повернулся в сторону окна, указав на покачивающиеся деревья. — Жаль, погода нынче подводит. Раньше здесь осени были гораздо теплее. Впрочем, я отвлекся. Академия и Обитель зашли в тупик в своих собственных расследованиях. Тише юноша, — шикнул мастер Эстеф на Ирбиса, когда заметил, что тот собирается перебить его своими возражениями. — Место отведенное под ритуал расчистили, но все следы уничтожены магическим огнем. То, что удалось раскопать, не поддается расшифровке. У нас закончились зацепки.

— Никого не удалось поймать? — искренне удивилась я.

— Прии Парнс сбежала из города, — ответил вместо мастера Эстефа Ирбис. — Против нее были косвенные улики, но взять под стражу на их основании не вышло. А к тому моменту, как я пришел в себя и смог дать показания, ее уже и след простыл.

— А остальные двое? — чуть ли не жалобно простонала я, прикрывая глаза. По коже пробежал мерзкий холодок, заставляя сердце забиться быстрее. Я вспомнила свою беспомощность перед человеком, способным без малейших колебаний лишить жизни другого. То спокойствие и уверенность, с какой ирум Флем прижимал к моему горлу нож, готовый в любой момент пустить мне кровь. Как мое тело дрожало, не в силах справиться с паникой. Как ужас волнами накатывал на сознание, лишая способности сопротивляться. И опустошенный взгляд Леды, полностью подчинившейся чужой воле.

Я крепко обхватила себя руками, подавляя мелкую дрожь. Часы над камином показывали пятнадцать минут седьмого. Я пропустила прием лекарства, за что теперь и расплачивалась яркими воспоминаниями.

— Среди жителей города нет человека с таким именем или фамилией, как ирум Флем, — пояснил Ирбис. — Стражи прочесывают Новый город, ориентируясь не только на его имя, но и на составленный словесный портрет. А второй... о нем ничего не известно.

— Почему мне об этом никто ничего не сказал? Почему никто не сказал, что трое убийц, покушавшихся на мою жизнь до сих пор ходят на свободе?! — я перешла на повышенные ноты. Меня всю трясло. Они скрыли то, что должны были сказать в первую очередь после моего пробуждения. Я сегодня полдня спокойно расхаживала по внутреннему дворику, совершенно не подозревая об угрозе! Прия Парнс сбежала, Флем где-то затаился, но вот тот третий до сих пор спокойно ходит по улицам города, не боясь быть пойманным. Тот самый человек, который вполне мог являться инициатором всех жертвоприношений.

— Китра, — заметив что меня трясет, Ирбис поднялся и направился ко мне. Теплая ладонь легла мне на плечо, но я продолжала находиться во власти своих кошмаров. — Здесь ты находишься под защитой. Тут — в крыле для солнечных — стоят такие охранные заклинания, что муха незамеченной не проскользнет.

— Наверное, посланник Латер переутомилась и забыла принять свои лекарства, — вмешался мастер Эстеф, протягивая мне руку, чтобы помочь подняться. — Пойдемте, я провожу вас. А вы — адепт Огня, тоже здесь не засиживайтесь, — он окинул взглядом Ирбиса, после чего задержал внимание на смятой открытке, валяющуюся подле ног парня. — Завтра вам предстоит очень насыщенный событиями день. Господин Чабер все объяснит. А за посланника Латер не переживайте. У вас обоих будет еще уйма времени.

Когда мастер Эстеф уводил меня прочь, я оглянулась назад. Ирбис растерянно стоял посреди гостиной, теребя в руках поднятую с пола открытку. В последний момент он посмотрел на меня и неуверенно помахал рукой. Я кивнула в ответ. Продолжая вертеть в голове мысль о том, что я упускаю что-то очень важное.

На шелковом платке, расстеленном на бюро, лежали пять чарм, выбранных моей более молодой версией: эдельвейс, ромашка, перо, змея и лампа. Отдельно в сторонке примостилась рубиновая запонка, по ошибке отданная не своему настоящему владельцу. Ее нашли зажатой у меня в руке, как пояснил лекарь.

Купленные чармы не радовали. Не потому, что теперь я имела возможность их использовать только с помощью "слов-ключей", а из-за их абсолютной дисгармонии. Такую коллекцию бестолковых чарм мог собрать только слепоглухонемой в состоянии очень сильного алкогольного отравления. Чармы друг другу не соответствовали: ни по возрасту, ни по принадлежности мастеру, ни по своей внутренней сути. Собранная "звездочка", конечно, отвечала обычным стандартам: активное нападение, пассивная защита, аптечка, свет и особое состояние. Цепочка, которая шла вместе с чармами представляла из себя пассивный накопитель энергии. Очень слабенький. Но лучше иметь такого паразита, чем оставаться совсем без подстраховки. В остальном же, собранные амулеты проигрывали по всем статьям. Они как будто принадлежали пяти разным людям.

"Ромашка" напоминала мне о Леде. Красивая, изящная, содержащая в себе одновременную легкость и негибачый стержень. В ней присутствовал домашний уют и спокойствие, и, в то же время, вежливая отстраненность, скрывающая пласты глубинных эмоций. Конечно, как только появится возможность сменить чармы, я избавлюсь от "ромашки". Зарождающаяся связь с Ледой не имела шансов на существование. Дело даже не в возрасте или статусе, — дружба порой принимает и не такие виды. Я не могла позволить себе друга. Это не закончилось бы ни чем иным, кроме как очередной порцией разочарований и потерь. Для нас обеих.

Я открыла "ромашку" строго соблюдая инструкцию. Запечатала "слово-ключ" и перешла к следующей чарме. Потеряв доступ к магии, мне пришлось обратиться к вербальным активаторам. Буду честной — это самый убогий способ использовать магию. Для бытовых манипуляций это еще хоть как-то работало, но я то собиралась в случае чего сражаться!

Эдельвейс, в качестве оружия, нравился мне еще меньше, чем детская ромашка в качестве набора лечебных заклинаний. Такие чармы подходили только определенным группам людей, осваивающим определенные виды боевых искусств. Использовать такую чарму без предварительных тренировок — сумасшествие. Пока я натренируюсь, ее подзаряжать раз пять придется. А на седьмой она и вовсе сломается! С этим же работать невозможно! Куда мои глаза смотрели?

Маленький амулет в виде продолговатой лампы, нацепила на браслет следующим. Но прежде, чарма, вызывающая свет, была тщательно исследована и принята, как нечто годное с возможностью дальнейшего использования. Ее главные характеристики полностью устраивали и не вызывали нареканий.

Оценить оставшиеся чармы я не успела.

В дверь постучали.

— Войдите, — крикнула я, когда стук повторился.

Повернувшись лицом к двери, потянула за уголок платка, прикрывая набор чарм.

— Руми Латер? — в открывшийся проем проскользнула давешняя сестра милосердия,

все с той же взлохмаченной прической и сияющими глазами.

— Курьер пришел? — вскочила я с места, готовая тут же бежать вниз.

— Нет-нет! Тут другое. — Девушка протянула мне запечатанный конверт. — Я уже закрывала кабинет, как обнаружила его в ячейке с вашим именем.

Я поблагодарила девушку парой мелких монет за проявленную сообразительность и посулила вдвое больше, если сообщение о курьере придет столь же быстро.

Оставшись в одиночестве, принялась разглядывать присланную находку. Полностью белый конверт без каких-либо опознавательных знаков. Открыла переносной секретер. Посомневавшись, достала ножек для бумаги, и в одно движение вскрыла конверт.

"Сегодня. После отбоя. Зеленая беседка" — гласил белоснежный лист бумаги.

Я воспроизвела в уме почерк Стража, потом Ирбиса. Недоумение сменилось радостной улыбкой, когда я вспомнила, что в обед отправила записку Леде.

"Может, все будет не так сложно? — снова пустилась я в сомнения, разглядывая витиеватые строчки. — Позволить себе одну маленькую прихоть и нормально поговорить с Ледой. Звучит не очень страшно."

Один простой женский разговор по душам. Что может быть проще? Я скучала по подобным беседам. Кроме давно пропавшей Эрин у меня подруг не было. Никогда. А так хотелось поболтать о глупостях жизни или хотя бы обсудить те странности, что стали происходить вокруг, после моего пробуждения. Услышать мнение со стороны, не обремененное недомолвками представителей Света, Солнца, Стихий и других темных тварей. Не играло роли, что Леда гораздо младше. Насколько я теперь понимала, именно она запустила ту цепочку, что позволила раскрыть незаконный ритуал. Адептка первая догадалась о том, что происходит.

Все эти мысли я прокручивала у себя в голове, пока выбирала подходящий плащ для назначенной встречи.

Поев и приняв лекарства, я ненадолго замешкалась глядя на последнюю бутылочку с синей жидкостью. Зелье на основе аронии действовало не только как укрепляющее, но и вызывало некоторую сонливость, впрочем, прогоняя все кошмары во время сна. В нем присутствовали некоторые незнакомые компоненты, которые, как мне казалось, очень сильно влияли на мою психику. Слишком спокойно я воспринимала некоторые вещи. Да та же потеря сил не должна была оставить меня настолько равнодушной. Но смотри-ка, я до сих пор не сорвалась на истерику. А стоило бы, честное слово, стоило бы. Лучше сейчас, под присмотром врачей, чем через полгода в дремучей деревушке.

Я поболтала пузырек. Откупорила крышку. Вдохнула горьковатый запах и поставила обратно на поднос. Из ящичка бюро извлекла граненный стакан и перелила в него содержимое флакона. Стакан с зельем спрятала в выдвижную секцию секретера, а пузырек возвратила на поднос, на случай если позже заглянет сестра милосердия, забрать лекарства. Так я могла точно знать, что не получу нагоняй от лекаря за не вовремя выпитое зелье. Потому что зелье может подождать часок-другой, а Леда заслуживала меня в относительно здоровом уме.

Дождавшись завершения обхода, я взяла чармы, на которые успела поставить "слова-ключи", и направилась во внутренний сад. В традициях лучших бульварных детективов нацепила черную, как вороново крыло мантию, и накинула на голову капюшон. Браслет с тремя чармами приятно холодил руку и я почти чувствовала себя полноценной. Мой тайный поход под покровом ночи больше напоминал игру, чем реальную попытку совершить что-то

непозволительное. Встреча с Ледой не носила в себе никакого злого умысла, чтобы скрывать ее от лекаря или от кого-то еще. Мне не грозила опасность от возможности быть замеченной с адепткой Стихии. Я же здесь не в заточении, верно?

Коридоры я миновала без каких-то проблем. Не охранялись они стражей. Защитные заклинания стояли только на внешних стенах. В конце концов — это здание не самый важный стратегический объект. Его магическая ценность состояла только в том, что Приют построили еще в те времена, когда часть элементов, используемых для его создания, сдабривалась легкой паутинкой заклинаний, прицепленных к истоку.

Задержка произошла у самого выхода в сад.

Дверь, ведущая во внутренний парк, была заперта на хлипкий замок и понадобилось несколько минут, чтобы бросить гиблую идею взломать его и пойти поискать подходящее окно. Оглядевшись вокруг, я двинулась по коридору, ведущему вдоль выстроенных анфиладой пустых залов.

Мне повезло не сразу. Одно окно заклинило, на другом была очень тугая защелка, третье выходило на терновые кусты. Когда четвертое окно оказалось именно таким, как нужно, послышался шум шагов. Не успев выбрать достойное убежище, я нырнула за портьеры, забираясь на широкий подоконник. Задернув штору, длина которой была рассчитана таким образом, что сборки как раз доставали до пола, я притихла. Поскольку шелковый шнур, продетый через петлю, обхватывал плотную ткань поперек, пришлось вжаться в стену, стараясь слиться с темной драпировкой, и затаить дыхание, ожидая когда неизвестные пройдут мимо.

Наверное, со стороны я производила очень весело впечатление: черная мантия, капюшон, натянутый на пол-лица, в руках пара черных туфель, снятых перед выходом из комнаты, чтобы каблуки и мраморный пол не выдали ночной побег. И вся эта груда антрацитового материала, пытается слиться со стенкой.

Выждав пока легкие женские шажки и пара мужских затихнут в глубинах коридора, я потянулась к щеколде. Перепачканная краской, она глухо щелкнула под моим напором. В зал ворвался легкий ветерок, взметнув тяжелые полы вельветовых штор. Несколько золотистых листьев скользнули в окно, запутавшись в кружевных оборках. Я обула туфли, и чуть помедлив, спрыгнула на землю. Приземление вышло мягким и спустя секунду, я стояла на ногах, готовая пробираться сквозь дебри садовых излишеств, превратившихся под покровом ночи в хитросплетения опасного лабиринта из скамеек, бордюров, пергол и декоративных кустарников.

Посреди внутреннего парка горел одинокий фонарь, разгоняя по углам густые тени. Шестигранная беседка располагалась в самой живописной части сада, где открывался один из лучших видов на окружающие красоты, а главное, отсюда просматривались все выходы и входы во внутренний двор. К беседке вел небольшой ажурный коридор из дуговых элементов, окутанных поблескивающими в свете луны, серебристыми конструкциями и редкими лозами зеленого плюща.

Скоро полнолуние, — отметила я, продвигаясь сквозь зеленый коридор из металла и растений. Звезды яркой россыпью заволокли небо до самого горизонта. Я с сожалением вспомнила, что из-за своей комы пропустила сезон звездопада, который любила наблюдать, находясь в западной части Империи.

— Леда, — шепотом позвала я. Никто не отозвался. Я обошла беседку. Полубовалась звездами. Пнула мелкий камешек. И начала беспокоиться.

Кто сказал, что выбраться во внутренний сад также легко, как сбежать из Академии, пересечь полгорода, и пробраться на территорию Приюта Милосердия? На любом из перечисленных этапах, девушку ждали неприятности. Зря она вообще решилась на такой шаг. Подождала бы до завтра. Мне такая срочность не нужна. Я, конечно, хотела ее увидеть, но мое собственное здоровье едва дотягивало до ночных приключений. Теперь оставалось сидеть и гадать, все ли с Ледой в порядке, и не влипла ли она в очередную кровавую историю.

От последней мысли внутри все как-то мерзко сжалось. Будто тугой комочек нервов решил потянуть за разбросанные по телу нити, натягивая их до предела. По внутренней стене самоконтроля поползли трещины. Я чувствовала как ко мне подбирается очередной приступ беспричинной паники, сдобренный хорошей порцией неприятных эмоций. Ощущение фатальной безнадежности растекалось жгучим ядом по всему телу, заставляя дрожать. К счастью, это продлилось не долго.

Послышался шорох. Кусты рядом задрожали и из них стала выползать человеческая фигура. Я зажала себе ладонью рот, чтобы случайно не вскрикнуть. Когда скрытый под плащом человек сдернул с головы капюшон, позволяя луне осветить свое лицо, я едва подавила желание громко воскликнуть.

— Малыг? — зашептала я, разглядывая юное лицо светловолосого парня. Он совсем не изменился с последней встречи: задорные глаза, достаточно простое лицо и неизменная улыбка. Адепт кутался в такой же черный плащ, что и я. — Ты здесь откуда?

— Воу, — вместо приветствия сказал он, вглядываясь в мое лицо. — А ты нехило так постарела.

— Я повзрослела. — Беззлобно огрызнулась я, скидывая с себя оковы страха. — Что тебе в ближайшее время точно не светит. Ты чего здесь забыл?

— Я про ребят хотел узнать. Мне ничего не говорят. Так, выдали официальную версию и все. А я-то понимаю, что вокруг что-то не то творится. Вот, твое письмо для Леды перехватил, думал там что интересного написано. — Он протянул мой конверт, вскрытый самым безобразным образом.

— Про каких еще ребят? Как тебе в голову пришло читать чужие письма, мелкий паразит?! — закипела я от возмущения.

— Тсс! — шикнул он. — Я подумал, это шифр какой-то. Зачем тебе еще писать человеку, который вот уже три месяца, как отчислился из Академии? Ну точно, шифр! Только я его не до конца понял. Хотя на все виды магии проверил. Наверное, ты какие-то хитрости из Света использовала для кодировки?

— Я ни слово не поняла из того, что ты сказал. На кой мне тебе записки слать? Где Леда?

— Я же сказал — отчислилась. Вместе с Райтом. А еще я сказал — тише ты перебудешь всех.

Я проигнорировала последнюю фразу, пытаюсь осознать первую:

— Как? Когда?

Леда не могла отчислиться, — уверенно напомнила я самой себе. — Ей некуда возвращаться. Она же рассказывала, что заключила с дедом своего жених договор, по которому ей нет дороги обратно, пока не закончит Академию. Что с Райтом, я не знаю. Но он тоже не просто так в Академии сидел все лето. Точно не для того чтобы под конец каникул собрать вещички и уехать домой. Неужели те сектанты до них добрались? Вот точно

так же, как описывала когда-то Леда. Исчез себе человек и все.

— Уехали через пару дней после грандиозного скандала, — пояснил Мальт. — Тут такое творилось. На уши всех поставили. Комиссия какая-то собралась. В городе от количества разноцветных плащей не протолкнуться. Все ходят — Знаками адептов высших рангов блещут. Стражи повсюду суетятся. Ночной патруль в два раза усилили. Мне на целый месяц пришлось затаиться, пока они его не сняли! Искали все время кого-то. А место проведения ритуала оцепили и дюжину дней никого не подпускали. Камушек на камушке не оставили. Слышал, что на одном из подземных этажей обнаружили трупы якобы отчислившихся студентов.

— Сколько? — я бессильно уронила голову на дрожащие руки. В памяти всплывали те моменты, когда я пыталась отказаться от дела предложенного Стражем. Предлагала ему замять ситуацию с фонарем и не копать дальше.

Почему-то от осознания всей ситуации становилось безумно стыдно. Словно я каким-то образом повинна в случившемся. Будто бы могла предотвратить все. Спасти несчастных детей.

— Слухи разные ходят, — пожал он плечами. — Точную цифру не раскрывают. Но газетчики твердят, что десять человек точно есть.

— О, Свет, — вздохнула я, сжимая руками виски. У меня начиналась мигрень. — Погоди. Райти и Леда до Академии-то добрались? Их кто-нибудь видел в те два дня, когда они еще не отчислились?

— Да откуда мне знать? Нет их нигде. В ректорате молчат, мол не твое дело. Но и в газетах ничего нет. О пропаже двух адептов никто не заявлял. Господин Чабер от меня отмахивается. Я пытался выяснить что-нибудь у соседей по комнате, но куда там? В комнате Леды только она и ты были. Остальные девчонки еще не приехали. Ну, я замок, конечно, взломал. Осмотрелся. Вещей ни твоих, ни ее нет. Я целый месяц пытался выяснить, что происходит. Думал, вы трое среди погибших. Потом меня ирум Ирбис выловил. Отчитал за взломанную дверь и рассказал, что ты была каким-то агентом под прикрытием и сейчас в Приюте Милосердия отлеживаешься. А про Леду и Райта запретил расспрашивать и приказал помалкивать. Вот потому я и здесь.

— Потому что тебе запретили?

— Примерно так.

— Ты меня с ума свести пытаешься? — на всякий случай уточнила я. Не мог же Страж соврать мне. Он сказал, что с адептами все в порядке. Все живы. А тут... Знать бы наверняка, добрались они до Академии или нет? — Кто первый прибыл на место проведения ритуала?

— Ваши.

— Из Света? — удивилась я.

— Из Обители. При чем тут Свет? А... ааа... Ну я тугодум! Ты из Света. Тогда я пошел, — пожал плечами парнишка.

— Куда собрался-то? — такая реакция парня меня очень резко вывела из нервного состояния, переводя на уровень оскорбленного в лучших чувствах посланника Света.

— Я у тебя хотел узнать, где наши. Стоял перед тобой, как идиот, распинался. А ты еще более бесполезна чем я, оказывается.

Тааак...

Я медленно поднялась со скамьи.

— А ну-ка стой, — зашипела я, хватая парня за руку. — Мы еще не закончили. Ты сейчас этой бесполезной поможешь выбраться за территорию парка. И только вздумай сказать еще хоть одно такое слово в мой адрес, я тебе Нижний мир прямо здесь устрою.

Мальт неуверенно усмехнулся, надеясь, что я пошутила, и явно жалея о сказанных словах. Но его мужское эго, просто так сдаваться не собиралось.:

— Да ни за что! Мне тогда придется раскрыть свой великий секрет о том, как я оказался на территории Обителю. А это мой личный талант, тонкости которого я разъяснять кому попало не собираюсь.

— Вот только не ёрничай. Сдались мне твои тонкости и секреты. Мне выбраться отсюда надо.

— Так дождитесь утра и вперед, — парнишка попытался аккуратно высвободить руку, но я вцепилась, как клещ, и отпускать свой шанс не собиралась.

— Я вот смотрю, ты ждать утра не стал.

— Да меня бы сюда днем никто не пустил.

— А меня не выпустят. И вообще, я не хочу, чтобы об этом кто-то знал. Мне нужно подтвердить кое-какие свои догадки. Прекращай ломать комедию и выводите меня уже. Время только тратим.

— Да не буду я ничего делать! — продолжал возмущаться Мальт, явно успевший пожалеть тридцать три раза, что перехватил чужое послание. А так ему и надо! Урок на будущее — не лезть туда, куда не просят.

— Тогда я закричу. Со Стражами будешь разбираться, откуда ты здесь и как сюда попал. Вот веселье-то будет. А еще тут ваш огневик в палате лежит. Ставленник господина Чабера, я полагаю. Думаю ему тоже будут интересны подробности твоих походов.

— Это шантаж, — простонал белобрысый, признавая свое поражение.

— В чистом виде, — не стала отрицать я. — Давай, герой, показывай где здесь тайный выход.

Оборона была сломлена. Тяжело вздохнув, Мальт повел меня в сторону общего зала. Оказывается нет никаких секретных проходов в Приюте Милосердия. Нигде не проломлена стена, не вырыт подкоп, не найдена лазейка в старом плетении охранного заклинания. Зато есть знакомая сестра милосердия, которая осталась на ночное дежурство и всегда может открыть дверь своему возлюбленному.

Переговоры шли минут десять, сопровождаясь тихим смехом и воркованием. Мое присутствие, кажется, смущало только одну меня, так что закончив гипнотизировать стенку напротив, я решила на крайние меры в отношении голубков.

— А тебя не здесь ли поймали в прошлый раз? — Я припомнила нашу первую встречу с Мальтом, по-новому оценивая девицу, принесшую мне вечером письмо.

Сильно раскрасневшись девушка кинула на Мальта вопросительный взгляд, после чего жестом позвала нас к дальнему коридору. Там за подсобкой находился черный ход, через который доставлялись продукты и лекарства.

— Не здесь, — зардевшись, ответил Мальт, поравнявшись со мной. — Но рядом. И поймали-то всего один раз.

— И тебя это ничему не научило? — сбившись на менторский тон, поинтересовалась я.

— Почему? — возмутился он. — Научило. Больше не попадаюсь.

Сестра милосердия глупо хихикнула, услышав последнюю фразу, и оглянувшись по сторонам, указала на неприметную дверцу. Звякнул замок. Убрав ключ в карман передника,

девушка отступила в сторону, пропуская нас.

— Вернитесь до обхода, — прошептала она мне, одновременно посылая парню воздушный поцелуйчик.

Когда огни Приюта Милосердия скрылись за поворотом, я снова ухватилась за Мальта.

— Не спеши так. Я за тобой не успеваю.

— А тебе и не надо, — удивился он, словно только осознал, что я все еще иду рядом, а не скрылась в очередной подворотне. — Я — всё. Я в Академию возвращаюсь, а ты, куда хотела иди.

— Я в этой части города никогда не была. Далеко отсюда до того места, где сорвался ритуал?

Я не сомневалась, что парень точно знает, где находится то место. Такая новость должна была до сих пор обсасываться за стенами Академии. Мальт наверняка лично обследовал оставшиеся развалины, как и десятки его любопытных сокурсников.

— В другой части города, — парень махнул куда-то вправо.

— Тогда иди, лови экипаж. Я столько пешком не пройду.

— Я не твой провожатый, — возмутился он, стряхивая мою руку.

— Ты же не отпустишь руми в таком состоянии гулять по ночному городу после всех тех ужасов, которые произошли?

Парень выпучил на меня глаза, отступая в сторону. Скрестив руки на груди я выжидательно смотрела прямо на него.

— Ты меня недооцениваешь, еще как отпущу. Если здоровье не позволяет, да сердечко от возраста пошаливает, нечего в авантюры пускаться.

— Ты мне тут не хами. Я женщина нервная. А теперь пошел — нашел экипаж, и отправляемся к месту ритуала. Я там немного поброжу, и ты точно также вернешь меня обратно в Приют, а дальше, гуляй куда хочешь. Я, между прочим, твоих сокурсников найти хочу.

Лед дал трещину. На суровый тон мальчишка не велся, но намек на раскрытие тайны его зацепил.

— В этих развалинах только ленивый не покопался. Что ты собираешься там найти?

— То что все упустили.

— Например?

— Да откуда мне знать? Жертвоприношения у себя перед носом они же как-то прохлопали! — разозлилась я. — Заварили кашу, а теперь плюетесь и нормально ничего объяснить не можете. Тоже мне маги. Великие, мать вашу, adeпты Стихий, Солнца, Света и прочей ерунды.

— Что можешь сделать ты, чего еще не сделали все остальные? — задал резонный вопрос, Мальт.

— Будешь меньше болтать и больше слушать старших, сам увидишь.

— Слушал бы я больше старших — видел бы сейчас третий сон, — для порядка огрызнулся Мальт, после чего буркнул: — Ладно. Но не долго. И моему везению есть предел. Здесь жди. — После чего развернулся и направился в один из проулков.

Ждать пришлось не долго. Я не успела толком продрогнуть под порывами осеннего ветра, как рядом остановился экипаж. Словно член запретного культа, я вынырнула из-под покрова каменного навеса и шмыгнула в открывшуюся дверь коляски с откидным верхом.

Кучер промычал что-то невнятное о двойных ценах в ночное время, и скомандовав "но", хлестнул поводьями лошадь.

Камден Геригон

*** Он не любил зиму. Сколько себя помнил, белый цвет всегда вгонял его в уныние и тоску. В свое время он специально перебрался в теплые края, чтобы не слышать как зимой за окнами поднимается вьюга вместе с завывающим ветром и сквозняком, задувавшими из щелей. Не спасал даже хорошо протопленный камин, как и десяток согревающих заклинаний. Поэтому, как только у него появилась возможность выбирать, он оставил северную провинцию и отправился в столицу, где бледная красавица-зима не более чем на две седмицы стирала краски большого города.

В Старом городе он оказался гораздо позже, когда юность сменилась зрелостью и осмысленными поступками. В его руки попал черновик одного старого демонолога. На одном из закрытых аукционов, по совету друга, он приобрел антикварную книгу доимперских времен. Поначалу покупка показалась бессмысленной. "Пустая трата денег", — думал он вглядываясь в пожелтевшие страницы, испещренные мелкими, едва читаемыми строчками. Написанное казалось бредом сумасшедшего. Наверняка, старик делал эти записи, когда последняя искорка разума уже покинула его одряхлевшее тело.

— Записки чокнутого старикашки, — так он отозвался о черновике, впервые ознакомившись с содержимым. — Даром, что истинный маг.

— Ты просто не видишь того, что не было написано, — не согласился с ним друг.

Мужчина спорить не стал, но потребовал объяснений. То, что он услышал дальше, показалось ему еще большим абсурдом и нелепицей, чем написанное на страницах новоприобретенной собственности. Сознание отказывалось раздвигать границы и подстраиваться под новые производные, свалившиеся на него. Сначала он хотел отмахнуться от услышанного, но бремя полученных знаний не давало покоя живому уму. Магическая Школа и несколько наставников, в свое время, сформировали его образ мышления так, что теперь он не мог просто все оставить.

Тогда-то и началась охота за Дневниками.

"Калеб Геллиофрей — так звали автора черновика — утверждал, что система заточения демонов в сдерживающие артефакты, могла быть использована, как основа для создания магического "якоря". За тысячу лет до основания Империи мир был наполнен разными жуткими тварями, в число которых входили и демоны. В те времена практически каждый имел достаточное количество сил, чтобы призвать демона, и достаточное количество знаний, чтобы призвать лунную тварь. Гораздо хуже обстояли дела, когда от этих самых сущностей требовалось избавиться. В то время жил Калеб Геллиофрей, и прославился он тем, что исследовал разные ритуалы призвания и заточения демонов. Под его руководством более сотни обитателей Нижних миров были заточены в артефакты, позже прозванные Дневниками. Но ирум Геллиофрей не желал на этом останавливаться. По своей природе он был больше исследователем, чем воином, и когда охота на демонов закончилась, а Дневники были запрятаны в надежных местах, маг занялся экспериментами. Он задался целью найти способ увеличения магических сил по тому же принципу, что и демоны: поглощая чужие

души.

Община магов отнеслась к подобным экспериментам весьма прохладно, и прославившемуся демонологу пришлось набирать группу добровольцев. Первый опыт прошел неудачно, как и второй. Следующие десять тоже не принесли результата. Добровольцы закончились еще на третьей попытке. Из соседних населенных пунктов начали пропадать люди. Иногда они пропадали целыми деревнями. Потому что "добровольцев" и так было мало, а требовался еще и материал для сопутствующего ущерба. Все это длилось несколько десятков лет, пока Кaleb не создал идеальную схему, обреченную, как ему казалось, на успех. И вот, двадцать третий эксперимент был возглавлен им лично" — закончил свой рассказ давний друг.

— И каков результат? — спросил новый владелец черновика демонолога.

— На этом история обрывается. Говорят, Кaleb Геллиофрей погиб вместе с остальными четырьмя подопытными.

— В чем тогда наш интерес? — сильно удивился маг. Подобных легенд и нераскрытых тайн древности ходило по миру много. И среди них были те, что имели менее туманные обещания силы и знаний.

— В этом черновике, — друг перевернул книгу, открыв последнюю страницу, — стоит дата, которая не совпадает с периодами жизни мага. Разница между предпоследней и последней записью составляет примерно пятьдесят лет.

— Ошибка, — предположил мужчина. — Почерк этого гения древних времен паршивый донельзя. Сразу понятно, почему черновик не зашифрован. Без всяких заклятий-ловушек, хочется вырвать себе глаза и выбросить.

— Я провел анализы. Дата стоит правильная. А последняя запись гласит — "Я ошибался. Все это время я находился во мраке невежества и трясине лживых учений. Теперь я узрел мир в истинном свете и он оказался куда более мрачным и жестоким, чем я предполагал. Но теперь у меня есть надежда. Надежда, что я все могу исправить. Потому что я не один".

Этого хватило, чтобы начать расследование. Кусочки разрозненной информации, недомолвок и завуалированных отсылок сводились к одному. Кaleb Геллиофрей нашел способ забирать силы у собратьев-магов себе. А возможно, он разгадал и более страшный секрет. Запись оставленная пятьдесят лет спустя подтверждала, что эксперимент прошел не просто удачно, но и позволил магу протянуть на полсотни лет дольше, чем ему было отведено. А может, и больше.

Друг занялся разработкой схем, оставленных в черновике. Сам по себе он был алхимиком, и поэтому пентаграммы и расчеты давались ему куда легче, чем собрату. Владелец же черновика отправился на поиски хотя бы одного из Дневников, чтобы выяснить, как должна выглядеть основа дальнейших плетений. Он поднял все свои связи. Потратил огромные деньги на подкупы и шантаж. Стал завсегдатаем темномагических рынков и подпольных заведений. Конечно же, его активность не могла оставаться незамеченной. Однажды, задержавшись в одной захудалой деревушке восточных земель, он получил приглашение. ***

Мужчина зажмурился от слабых лучей солнца, пробивающихся сквозь узкую щелочку ночных штор. Голова раскалывалась, а к горлу подкатывал приступ тошноты. Он мог бы использовать заклинание, чтобы снять болезненные ощущения или взять зелье с

прикроватной тумбочки, но делать этого не стал. Ему требовалось помнить, почему вчера он выпил сверх меры. Зачем опрокидывал в себя очередную рюмку отравляющей тело и разум жгучей выпивки. Эта агония должна была хоть какое-то время удержать его мысли в нужном направлении. Потому что иначе он просто сойдет с ума.

В последнее время, он не понимал, что с ним происходило. Каждое утро он чувствовал, что вместо него просыпался кто-то совершенно другой. Чей-то совершенно чужой взгляд оценивал этот мир, нашептывая безусловно дикие желания. С тех пор, как тринадцатый ритуал провалился, все словно перевернулось с ног на голову. Нет, он не боялся, что его могут раскрыть или какие-то зацепки приведут в ставший родным дом Стражей Солнца или магов Стихий. Его положение в обществе, как наследника древнего рода и приближенного к престолу, как и статус перспективного истинного мага, избавлял от любой попытки властей призвать его к ответственности. Единственное, что с ним могло произойти — это короткий разговор с кем-нибудь из верхушки Обители, и то, если он сам того захочет.

Гораздо больше его пугало то, во что он постепенно превращался. Мужчину не оставляло ощущение, что внутри него что-то подменили. Нечто крохотное и незаметное, но настолько ценное и важное, что отображало всю его суть. Он предполагал, что все те ритуалы, через которые он прошел за минувший год, должны были оставить на нем определенный отпечаток. Дать силы и знания, как было рассчитано изначально. И он их чувствовал. Чувствовал, как с каждым днем его резерв увеличивается, заклинания требуют гораздо меньше усилий, а манускрипты, казавшиеся раньше непонятной белибердой, постепенно раскрывали свою суть. И все же... Вмести со всеми этим дарами демонического мира к нему пришло что-то еще.

В его доме всегда были свежие цветы. Эту привычку в нем развила двоюродная бабушка, ушедшая по стезе Стихии Земли. Она утверждала, что это показатель особых традиций их рода. Поэтому новые букеты сменялись во всем доме каждое утро. Вот только среди них никогда не было белоснежных, как первый снег орхидей, с нежным морозным запахом зимы. Да, возможно про запах он преувеличивал, но ненависть к холоду настолько въелась в подкорку головного мозга, что белый цвет вызывал в нем только такие ассоциации. Когда он вызвал прислугу и яростно отчитал за подобную вольность, к нему подошел старший дворецкий и попросив личной аудиенции, напомнил, что новые цветы — это обычный знак вежливости из ботанического сада. Они постоянно присылали особые подарочки, поскольку лорд являлся их постоянным клиентом. И это его, хозяина, распоряжение, ставить цветы-комплементы из сада в кабинет и личные покои.

Тогда-то маг и понял, что изменения происходят еще на одном, незримом уровне.

Сегодняшняя головная боль была для того, чтобы встать пораньше и отправиться в библиотеку города. Он сам был поражен, когда понял, что его собственные книжные собрания не содержат в себе тех изданий, что требовались. Видимо, старшая сестра перевезла к себе какую-то часть книг о ботанике и флористике. Посылать за книгами прислугу он не хотел. Они, конечно, были достаточно вышколены, чтобы не шептаться у него за спиной, но это не означало, что теперь он может позволить себе сколь угодно безрассудные поступки.

В библиотеке он объявился к самому ее открытию. На часах только доходило шесть утра, а он уже стоял на пороге городского здания. Когда маг открыл дверь, его взгляду предстала очень странная, почти сюрреалистичная картина. До этого дня мужчина даже не подозревал, что библиотека по утрам пользуется такой популярностью.

В главном холе, около стойки архивариуса стояли двое посетителей. Парень, очевидно адепт Огня. Без особых способностей. Средний уровень магических сил — не выше, но и не ниже. Простоватые черты лица и манера поведения, выдавали в нем корни простолюдина. Если у паренька и было какое-то образование до поступления в Академию, то заметить это было крайне сложно. Хотя, некоторые повадки намекали, что адепт вполне мог быть байстрюком младшего сына какого-нибудь барона с самых дальних земель Империи. Мальчишке было лет двадцать, но вел он себя, как ребенок из подворотни бедных кварталов. Завалившись корпусом на стойку он вяло переругивался со стоящей рядом женщиной — второй посетительницей.

Сначала он не обратил на нее особого внимания. По привычки скользнул взглядом по фигуре, плотно закутанной в черный плащ, и мимоходом отмечая отсутствие магической активности, вежливо кивнул сонному парню, проигнорировав женщину. К чему здороваться с прислугой?

— Отпустите меня домой, — прорычал парень, одной своей фразой позоря всех магов-огневикум. — Я спать хочу. Шесть утра — это уже не шутки, а похищение.

— Подумаешь шесть утра, — раздраженно раздалось из-под капюшона. — Еще даже не рассвело. Ты — адепт магии или так — погулять вышел? Вот сказал бы, что скоро занятия начнутся и ты боишься на них опоздать, я бы еще подумала.

— Я бы и сказал, — законючил белобрысый, опустив голову на согнутую в локте руку. — Но на улице еще слишком рано для такой наглой лжи.

— Тогда помалкивай. Сказала же — возьму нужные книги, проводишь меня обратно до приюта Милосердия и гуляй куда захочешь.

— Вы — зло, — констатировал адепт.

— А еще семь часов назад, мы были на "ты" и я была просто бесполезным посланником Света.

— Вы выросли в моих глазах, — пробубнил в ответ парень, глубоко зевая. — После того как всю ночь таскали меня по развалинам, заставляли перетаскивать камни и записывать всякую ерунду.

Женщина рыкнула на огневика, и в этот момент с ее головы спал капюшон. Но еще до того, как маг успел разглядеть лицо "прислуги", он понял, кого сейчас увидит.

Это была она. Старше лет на пятнадцать, но все же она. Черные, вызывающе короткие волосы, бледная, почти мраморная кожа, острые черты лица, уставшие-озлобленные глаза и мягкая аура, полностью лишенная магии. И весь этот образ пронизывало что-то привычное, но абсолютно неправильное.

Видимо он слегка потерялся во времени, разглядывая дважды сбежавшую жертву ритуала, потому что женщина обратила на него внимание:

— О, простите, я что и вас оскорбляю своим присутствием? — ее пронзительно-синие глаза, окутанные сеткой красных капилляров бессонницы, уставились на него с вызовом.

Ответить он не успел. Вмешался архивариус, разглядевший в новом посетителе аристократа. Подскочив со стула, он возмущенно воскликнул:

— Руми Латер, неужели вы не видите, кто перед вами? — и уже обращаясь к магу, поклонившись, пролепетал: — Простите ирум Геригон, я вас не заметил. И девушку простите, руми еще не оправилась от затяжной хвори и не соображает, что говорит. И вообще, она не местная.

— Не местная?! — вздернув брови, воскликнула нахалка. Кажется, разрастающийся

конфликт придал ей сил. Из полудохлого зомби она постепенно преобразалась во взбешенного упыря. — Да я тут уже столько крови пролила, что мы с этим городом, можно сказать, побратались. Я почти его часть. Внебрачная дочь.

Если бы он был мнительным, решил бы, что руми Латер его узнала и теперь пытается прощупать почву, напоминая о кровавых событиях, в которых они оба поучаствовали. Но женщина точно не видела его лица. И вряд ли могла считать отпечатки его ауры, особенно сейчас, в таком печальном состоянии.

Воскресив в голове тот момент, когда он увидел ее в первый раз, мужчина невольно сравнил ее образ с тем, что видел перед собой сейчас. Женщина почти не изменилась, если не считать возраста. Тогда перед ним была жалкая руми, ослабевшая после нападения, испуганная, но все же пытающаяся уколоть противника хотя бы словом. То что он видел перед собой сейчас, почти совпадало с виденным ранее. Эта руми была такой же уставшей, едва стоящей на ногах, не выпавшейся и полностью лишенной возможности себя защитить. Он бы посмеялся, что тайный агент Обители, после трех месяцев лечения, находится в куда более плачевном состоянии, чем когда на ней лежало заклятье печати. Но жесткий блеск стали в глазах этой Китры Латер оставлял после себя обжигающий, ядовитый след. Взгляд более взрослой версии руми нес в себе только одно послание — "Попробуй сказать мне слово поперек и я вырву твоё жалкое, гнилое сердце голыми руками".

— Я сам виноват, — ирум Камден, изобразил вежливую улыбку. У женщины не должно было остаться ни одной ассоциативной связи о мужчине напавшем на нее несколько месяцев назад, с аристократом, позволившим себе несколько более долгий взгляд, чем позволяли хорошие манеры. — Приношу свои извинения, руми. Я был непозволительно невежлив. Позвольте представиться, Камден Геригон. Предпочитаю быть известным за свои магические заслуги, чем за статус полученный от рождения.

Он ждал, что она удивится. Попробует извиниться перед ним сама. Может даже вспомнит о своем женском начале, оставив грубость прислужницы Света, и попробует с ним кокетничать. Или испугается, что навлекла на себя гнев представителя высшего общества. Но нет. Конкретно эта женщина предпочитала портить все к чему прикасается, начиная от жертвоприношений и заканчивая знакомством с очень влиятельным человеком и, между прочим, знатным холостяком.

Именно поэтому ему больше нравились девушки, которые никогда не пятнали себя магическими искусствами и знали свое место.

— Китра Латер, — отчеканила женщина, мигом теряя весь интерес к его персоне. — Посланник Света. Не желаю быть известной вообще. Так что извинения приняты.

Задремавший, во время короткого разговора, парень вздрогнул, проснувшись от криков, и полусонным взглядом уставился на неожиданного гостя. Разглядев стоящего перед ним человека, он сначала еще попытался приложить над собой усилие и высказать уважение вышестоящему магу, но сдался уже через пару секунд.

— Разбудите, когда закончите, — пробормотал он.

— Я могу вам чем-то помочь? — решил зайти маг с другой стороны, проигнорировав беспечного адепта. — Какую книгу вы ищите?

Не то чтобы он хотел продолжать разговор с этой выскочкой, тем более после такого поведения, но его разрывало любопытство. Шесть дней назад руми Латер проснулась от магической комы (конечно же он вызнал все подробности!). После нанесенных повреждений она еще месяц должна была находиться под тщательным присмотром врачей и Стражей, а

потом полгода отходить от постмагического депрессии. А что делает эта идиотка? Если он правильно понял, то она, с единственным провожатым, выбралась из приюта Милосердия, половину ночи провела на месте жертвоприношения, а теперь завалилась в библиотеку! Да в таком состоянии ее могли убить уже сотню раз, если бы ируму Камдену это было угодно. Проклятье! Да вот прямо сейчас он мог воспользоваться каким-нибудь убийственным заклятием, работающим с задержкой. И навсегда остаться вне подозрений.

Не то чтобы он хотел ее убить (теперь-то какой смысл?). Она была для него не опасна. Но человек, сорвавший ритуал, на создание которого ушло столько ресурсов, мог бы вести себя чуть более осторожней!

— Вы не можете мне помочь, — отозвалась руми Латер, приглаживая несколько черных прядей. Огонек в ее глазах полыхнул в последний раз и погас, оставив после себя тлеющие угольки вселенской усталости.

— Может, вызвать экипаж? — он уже знал, что она откажется, но все же хотел до конца прочувствовать ту ауру неправильности, что окружала неудавшуюся жертву ритуала. — Вы выглядите утомленной.

— Утомленной? — переспросила она. — Скорее умершей. — После чего беззлобно добавила: — Благодарю, но нет. Я никуда отсюда не уйду, пока господин архивариус не согласится выдать мне книги!

Господин архивариус вздрогнул, поняв, что вся раздраженность взбалмошного посланника опять перекинулась на него.

— Я уже согласился. — Суматошно отозвался он, роясь в бумагах. — Я оформляю. Только теперь Камден заметил, что часть стойки занята стопкой документов, а чуть в сторонке лежит парочка книг в кожаных переплетах. Ему не требовалось читать их названия, чтобы узнать в старых талмудах "Биографии демонологов древности" и "Белые орхидеи: тайный язык Сестер Крови".

Почему-то это открытие его совсем не удивило.

Глаза слипались от усталости. Головная боль сводила с ума. Слабость расплзалась по всему телу, лишая последних сил. Если бы у меня осталось хоть немного крупиц Света, я непременно воспользовалась бы каким-нибудь стимулирующим заклятьем. В какой-то момент появилось искушение попросить об услуге адепта Огня. Но, судя по его совершенно разбитому состоянию, он либо о таких возможностях магии не знал, либо это не первая ночь, которую он вынужден бодрствовать. А значит, возможности этого направления магии за последние дни парень исчерпал.

Склонив голову набок Мальт тихонько посапывал под убаюкивающий звук постукивающих о мостовую колес экипаж. Я бы с радостью последовала его примеру и забылась бы в сладкой дреме. Но в мерно покачивающейся из стороны в сторону карете присутствовали не только мы одни. Нашу милую компанию разбавлял еще один человек, который и предоставил нам самую возможность добраться из библиотеки до приюта Милосердия в комфортных условиях.

Ирум Камден — маг двух Стихий, урожденный лорд Геригон. Высокий рост, светлые, платиновые волосы, совсем не похожие переливающимся оттенком на отдающие грязной желтизной лохмы Мальта. Среди своих сокурсников-раздолбаев, адепт Огня выгодно отличался ухоженностью и достаточно приятной внешностью для половозрелого подростка. Но сейчас, находясь рядом с представителем высшего общества, он безбожно проигрывал по всем статьям.

На вид ируму Камдену было не больше тридцати лет, но внутреннее чутьё подсказывало, что мужчина давно успел разменять четвертый десяток. Внешний вид — заслуга не только хорошей наследственности, сильной связи со Стихией, но и отличного набора высококачественных зелий. Без талантливого алхимика тут не обошлось.

Холодные глаза почти не выражали эмоций. Плотно сжатые губы также намекали на то, что мой новый спутник не из разговорчивых ребят. Он пытался казаться приветливым, но какое-то внутренне противоречие, лишало его легкости и естественности. Кажется, он сам удивлялся тому, что решил оказать мне помощь и теперь не знал, что с этим делать. События, развивающиеся не по плану — не в его стиле. Вроде предлагал помочь найти экипаж, а в итоге, везет в своем.

Не каждый день выпадает возможность взяться за обеспечение безопасности руми, которая перед этим вам грубо нахамила. Тем более, если она не знатная красавица, а замученная жизнью посланница Света.

— Извините за грубость, — добавив в голос уверенности произнесла я, когда молчание в карете стало невыносимым.

Мужчина перевел на меня бесстрастный взгляд серых глаз. В них читалось искреннее удивление. Как будто он уже забыл, что в карете находится кто-то кроме него и теперь мужчине приходилось силиться, чтобы вспомнить, откуда взялись нежданные попутчики.

— Я же сказал, что сам виноват, — отчеканил он, делая ударение на каждом слове.

"Я сказала что-то не то, — догадалась я, и уже мгновение спустя, осознала свою ошибку".

Вряд ли человеку такого уровня часто приходилось извиняться перед кем-то вроде меня.

Не самое приятно ощущение, особенно если ни в чем не виноват, а просто решил проявить вежливость. А я тут еще изгаляюсь повторно наступая на мозоль.

Следовало согласиться на экипаж до приюта еще в тот момент, когда мужчина в первый раз озвучил предложение, а не после того, как роняя чудом полученные книги, я начала терять сознание. Слава потерянному Свету, Ирум Камден среагировал мгновенно, ловко подхватив меня на руки. Тут же рядом возник архивариус со стаканом воды, а Мальт потрудился открыть глаза, чтобы оценить нелепость ситуации. После произошедшего я уже никак не могла позволить себе отказываться от повторного предложения аристократа, на этот раз, проводить меня лично, в собственной карете, до приюта Милосердия.

Всю поездку я раздумывала о том, как бы продержаться в здравом уме и твердой памяти, попутно размышляя о том, что обнаружила на развалинах, где проводился ритуал.

Перспективы складывались мрачнее, чем мое прошлое. Ритуал, проведенный три месяца назад был не первым. По моим подсчетам, произошло двенадцать удачных жертвоприношений. Всё сорвалось на тринадцатом — на мне. К сожалению, без выкладок по которым проводился ритуал, я не могла точно вычислить, какую гадость решили призвать местные дарования. А вот в том, что жертвоприношения были направлены на вызов какого-то монстра, сомневаться не приходилось. Знать бы только, на какого? Тех кровавых подношений, что были принесены, вполне хватило бы на опасного чудака с Нижних миров. Но никаких возмущений на астральном плане не происходило. Это мне несколько раз подтвердил Мальт. Его присутствие обеспечило мне магическую поддержку в ночной разведке. Всю работу не доступную мне, я без зазрения совести поручила пареньку, не испытывая совершенно никакой вины за то что Мальт теперь выжат до суха и скорее всего опоздал на первые учебные пары. За те часы, что он потратил на обработку магических данных, адепт получил такой опыт, что никакая Академия не заменит.

Все двенадцать ритуалов не могли уйти в "молоко". Сам призыв был довольно грязен с технической точки зрения, и закручен в такую спираль лишних составляющих, что до самой сути я добралась только под утро. Большая часть магических следов была потеряна Стражами и стихийниками. Только потрясающий опыт, накопившийся за бесконечно долгие годы среди магической братии, помог мне сразу вычленить ключевые элементы. Вот я и задавалась вопросами: какую тварь вытащили из Нижнего мира?; куда она делась?; зачем использовать золотое плетение Геллиофрея там, где оно не нужно, а только потребляет лишние силы?

Демона что ли призывали? Зачем еще нужны тринадцать жертвоприношений в тринадцать полнолуний? Я должна была убедиться. О демонах я помнила очень мало.

Если часть вопросов я вполне могла оставить на совесть охраны порядка, то последний не давал мне покоя. Золотым плетением Геллиофрея прозвали такой способ создания магических связок, который позволял спрятать основную суть заклинания, по своим задачам разительно отличающимся от внешнего проявления. Он вплетался между другими нитями. Таким образом, на поверку заклинание казалось совершенно безопасным, и лишь при более тщательном осмотре можно было заметить несколько лишних болтающихся нитей, которые по неопытности или невнимательности часто оставляли маги. На самом же деле, внедренцы несли невероятную опасность и отследить их было почти невозможно. Не зря же его изобретатель — Калёб Геллиофрей, так долго умудрялся проворачивать темномагические обряды под носом магического общества, состоящего на тот момент из исключительно из истинных.

У меня глаз наострен на все работы сумасшедшего демонолога. Как никак, а в свое время мне пришлось очень близко познакомиться с плодами его трудов. И меня ни сколько не сбивали с толку его трактаты, написанные под другими псевдонимами или вовсе оказавшиеся безымянными. Тоже мне, анонимный автор, чей стиль изложения практически не менялся за последние полторы тысячи лет. Да половина его книг начиналась примерно одинаково — "В отличии от большинства идиотов...", "Несмотря на упертость престарелых рогоносцев...", "Как бы не старались чахлые маразматика избегать плоды трудов моего живого ума...", и все прочее в подобном духе. И все бы это могло казаться смешным, если бы его выкладки в действительности не были гениальными. Пугающими, жуткими и чудовищными, но все-таки гениальными.

— Демонологи и орхидеи — это нынче модный повод для побега из приюта Милосердия? — внезапно вывел меня из раздумий мягкий, но совершенно пустой голос аристократа.

На мгновение меня бросило в дрожь. Подсознание отреагировало настороженно, доносясь отголоском пугающей ночи, где остались мои магические силы. Наверное, я очень сильно себя переоценила, когда решила устроить вылазку. Нервы совсем на пределе.

— С чего вы решили, что я сбежала? — я подобрала самый вежливый тон, на который была способна после бессонной ночи.

— Руми Латер, после инцидента произошедшего в конце лета, только слепо-глухонемой не знает о том, что вы сделали, и как это на вас отразилось, — его голос звучал спокойно, без издевки. В то время, как губы произносили поистине пугающие слова, отдающиеся у меня в голове эхом приговора.

— Что? Все знают? — я бросила короткий взгляд на Мальта. Он ведь совсем не удивился, что я стала старше. Знал, что я помогала солнечному Стражу. Имел излишнюю осведомленность о многих аспектах моего пребывания в приюте, за что, кстати, был почти вписан мной в список подозрительных личностей.

— Ваша история больше месяца освещалась во всех газетах. Кое-что и до столицы дошло. Еще бы — скандал! На территории города орудует банда темных магов, — холодно усмехнулся он. — История в лучших традициях Инквизиции.

Мне стало неуютно.

— Звучит так, будто вы хотите сказать, что Обитель имеет какое-то отношение к той трагедии.

Мне не нравилось думать, что Страж Клоу мог быть как-то причастен к произошедшему.

— Я бы не рискнул произносить столь опасные слова в присутствии верной хранительницы Света. Впрочем, учитывая минувшие события, к вам эти эпитеты более не относятся. Так что да, именно это я и хочу сказать.

Я уже собиралась что-то возразить, но за окном мелькнула знакомая дубовая дверь приюта Милосердия. Самым разумным решением было признано глубокомысленное молчание. Мол, я вас услышала, но не пошли бы вы в Нижние миры со своим мнением.

— Мальт, просыпайся, — толкнула я парня.

Раздался щелчок. Кучер, соскочив с козлов, потянул ручку, открывая мне дверь. Не успела я выйти из экипажа, как на встречу выбежала сестра милосердия:

— Руми Латер! — воскликнула девушка, чуть ли не бросаясь на меня. — Карета! — она ткнула в сторону улицы, по которой удалялась коляска, запряженная одной кобылой.

— Карета? — переспросила я, замерев на спущенной ступеньке.

— Карета с курьером! — мне понадобилось еще несколько секунд, чтобы понять в чем дело. Девушка тем временем успела пояснить: — Который орхидеи привез.

— Проклятье! Что за день-то? — разозлилась я, оборачиваясь на оставшихся в салоне мужчин. Все-таки вовремя проглоченные ругательства сыграли мне на пользу. Терпение — вот высшая добродетель. — Ирум Камден, вы не против, если я еще немного злоупотреблю вашим предложением?

Ответа я ждать не стала, боясь, что мужчина исчерпал лимит терпения к моей персоне.

— Следуйте за тем экипажем, — крикнула я кучеру, залезая обратно в карету.

Дверь мне закрыть не позволили.

От неожиданности я плюхнулась назад на сиденье, узрев в открытом проеме грозную фигуру Стража Клоу.

— Вы что тут устроили, руми Латер? — строго спросил он, разглядывая мой помятый вид.

Экипаж с курьером уносился прочь, и разделяющие нас секунды грозили перерасти в очередную седмицу моего неведенья. Решение следовало принимать быстро.

— С вами, Страж Клоу, у меня еще состоится серьезный разговор, — угрожающе зыркнула я на мужчину, вставшего между мной и раскрытием тайны загадочных орхидей. — А теперь, либо залазьте к нам, либо отойдите в сторонку и не мешайте.

— К нам? — переспросил он, забираясь вслед за мной. Оглядев остальных присутствующих Страж мгновенно переменялся в лице. — Камден?

Блондин хмыкнул, очевидно, выразив тем самым приветствие.

Экипаж двинулся вперед. Отодвинув в сторону шторку, защищающую уставшие глаза от утренних лучей солнца, я успокоилась. Запряженные в карету скакуны с поразительной легкостью догоняли впереди идущую коляску. Впрочем, здесь нечему было удивляться. Лошади, как и сама карета, внутреннее убранство которой утопало в роскоши, принадлежали роду Геригонов, а значит, нам досталось лучшее средство передвижения.

— Ирум Камден, — обратилась я к мужчине, рядом с которым, на том максимально возможном отдалении, что позволяло пространство кареты, сидел мой Страж. — Позвольте представить, это...

— Мы знакомы, — неожиданно перебил меня Имир Клоу.

Его голос стальным лезвием проскользнул по моей коже. Волосы на руках встали дыбом. Язык как будто занемел, а губы утратили чувствительность. Я не могла произнести ни слова. Дезориентированная собственным состоянием, я уставилась на своего давнего знакомого. Он чуть виновато отвел глаза в сторону, но объяснять свой поступок не спешил.

Раньше Страж никогда не использовал на мне столь грубую магию без предупреждения. Кажется, только теперь я начала осознавать какова жизнь, лишенная даже того суррогата магии, что я имела.

Он воспользовался заклинанием, чтобы я замолчала?

Конечно же волшебба не осталась незамеченной.

— Не слишком ли грубо? — если до этого в голосе ирума Камдена звучало вежливое безразличие с едва заметной долей обоснованного превосходства, то теперь явственно прорезалась ядовитая злоба. — Знать, что руми не имеет ни малейшей возможности освободиться от заклинания молчания и тем не менее использовать его?

Самое паршивое было то, что снять молчания чары, я могла с помощью чармы

"Аптечка", но активировать ее без собственной магии, можно только произнеся вслух слово-ключ. Вот такой вот паршивый замкнутый круг. Под стать начавшемуся дню.

— Наши отношения с руми Латер касаются только нас двоих, — с нажимом произнес Страж, встречаясь взглядом с аристократом. — А вот что ты забыл рядом с ней — вопрос другого рода.

— Она буквально упала в мои объятия, — не сдерживая ухмылку, пояснил ирум Камден.

На этих словах мне стало как-то совсем не хорошо. Не в физическом плане — там я уже давно перешла черту разумного состояния. Какая бы кошка не пробежала между этими двумя, впутывать в свои конфликты уставшую руми — непозволительно для мужчины. Тем более, что эта самая руми может и не способна постоять за себя магически, но навык метания холодного оружия еще при ней. Да и кое-какие аспекты тайных убийств магов тоже были ей как-то изучены.

Повисло молчание. Началась игра в гляделки. Я бы могла выйти победителем, но на меня никто не смотрел. Расстроенная из-за необоснованной дисквалификации, я всерьез забеспокоилась, что молчаливая битва закончится чей-то смертью.

Становилось скучно. Разыгрывается такая драма, а мне не дали слов. Закатив глаза и скрестив на груди руки, я пнула Стража. Он не ойкнул от удивления, но заговорил. Не со мной.

— Как это произошло и когда?

Со своего места я могла видеть, как мужчина несколько раз сжал и разжал кулак левой руки, скрытой от взгляда ирума Камдена.

— Есть некоторые вещи, о которых настоящий дворянин не станет распространяться, — на мгновения лорд Геригон посмотрел в мою сторону, очевидно желая насладиться той реакцией, которую могла выдать я. Если он ожидал возмущения или испуга, то просчитался. Ничего интересней, чем "вам обоим почти за сорок, что за дешевый балаган?" в моих глазах он прочитать не смог. Не теряя надежды на продолжение спектакля, ирум Камден подмигнул мне, мимоходом отслеживая поведение Стража.

"Тоже мне, коварный разбавитель сердец, — мысленно прокомментировала я ситуацию. — Абсолютно бездарное исполнение".

Я пнула Стража еще раз. Мол, хватит заниматься ерундой, лучше отменяй заклинание. По-хорошему прошу!

Мужчина повернулся ко мне чтобы что-то возразить, но кучер скомандовал "тпррруу, стоять" и карета спустя секунды остановилась. Я глянула в окно.

Покинув дальний уголок Старого города, карета проехала по центральной улице, свернув перед самым въездом на мост, ведущий в Академию. Дальше путь пролегал вдоль русла реки, поднимаясь вверх по течению. В конце концов, мы оказались неподалеку от вишневых садов. Здесь, в центре живописного парка, некогда принадлежавшего одному из членов императорской семьи, а позже переданного древней элите Старого города (а именно, пожилым ее представителям, давно отошедшим от мирских дел), располагался ботанический сад, широко известный общественности своими смелыми экспериментами.

"Ботанический сад, — раздраженно подумала я. — Более семидесяти процентов цветов в Старый и Новый город доставляются именно отсюда. Могла бы догадаться сама, что орхидеи доставили отсюда, и не портить себе утро тремя невменяемыми мужчинами".

Тремя?

Укутавшись в плащ с головой, Мальт ни слова не произнес за всю поездку, ни единым

движением не выдал свое присутствие. Даже Страж не обратил на него внимание, занятый зубоскальством со своим давним приятелем. Решив, что разборки с Имиром Клоу Мальту вряд ли нужны, я не стала будить паренька, и, как только, дверь кареты распахнулась, вынырнула на божий свет.

Солнце поприветствовало меня жгучими лучами, больно бьющими по утомленным, слипающимся глазам. Легкое покалывание во рту дало знать, что заклинание молчания снято. Страж и аристократ вышли вслед за мной.

— Я благодарна вам за своевременно оказанную помощь Свету, ирум Камден. Оба раза. Более не смею вас задерживать.

Я думала, что после всех разговоров в карете, аристократ на меня разозлится и ошпарит какой-нибудь едкой фразочкой, но мужчина решил удивить меня на прощание еще разок.

— Ну уж нет, — возразил он, оглядывая место нашего прибытия. — Я теперь хочу знать, чем все закончится. Зачем мы здесь?

"Действовать мне на нервы? — предположила я."

— Мы следим, — я указала на остановившуюся неподалеку коляску. Выбравшийся из нее курьер, сверившись со списком, двинулся в глубь вишневого сада.

Повернувшись к Стражу, внимательно изучающему окружающую обстановку, я жестом подозвала его ближе. Все равно он теперь не отвяжется.

— Пойдемте за ним.

Ухватив Имира Клоу за руку, я потащила его на дорожку аллеи, по которой только что прошел курьер. Только сильное плечо мужчины удерживало меня на ногах. Даже активированная чарма для поддержания внутреннего состояния лишь слегка уняла головную боль. Такими темпами я могла еще раз окунуться в ласковые объятия магической комы. На этот раз, навсегда.

— И какую мерзость совершил это несчастный против Света? — не отставая от нас, поинтересовался светловолосый аристократ.

— Самую банальную, — я крепче вцепилась в руку своего провожатого, всеми силами стараясь не споткнуться и не распластаться на каменной дорожке. Поблескивающие мелкими карминовыми вкраплениями, камушки сливались в кроваво-красные пятна. Во рту ощущался медный вкус. — Полагаю, этот мужчина — курьер из ботанического сада.

— И что же он сделал? — продолжал допытываться аристократ.

— А что делают курьеры из ботанических садов? — я повернулась в его сторону. В голове промелькнул очень смутный образ, молнией пробежавший по позвоночнику и кольнувший острой болью в районе лба. Я подавила вскрик, тесно сомкнув зубы, и сделав глубокий вдох носом. Но кажется, ирум Камден, все же заметил, что со мной что-то не так. Не давая возможности ему ненароком поведать Стражу о моем болезненном состоянии, я принялась разяснять ситуацию дальше. — Он доставляет в мои палаты белые орхидеи.

— Это нынче преступление? — искренне удивился лорд. Страж рядом хмыкнул.

— Самое опасное, — подтвердила я. — Если знать истинную историю цветов. Вам известно о кланах Ковена? Они до сих пор полностью состоят из особ женского пола, посвятивших свои жизни изучению магии Крови. Но их заслуги не только в исследовании ритуалов, кровопускании и изучении заклинаний Нижних миров. Они — дочери крови и стали, пришедшие к нам с далеких островов на востоке. Их лучшие бойцы — Сестры Крови из одноименного клана. Одни из опаснейших убийц магов в нашем мире. Они наделенные невероятными способностями, главной из которых является блокировка чужой магии. Одна

такая Сестра средней руки запросто могла бы разобраться с несколькими магами, не прибегая к заклинаниям.

— Я знаю о Сестрах Крови, — вмешался аристократ. — Мой дядя курирует специальный отряд Императора, направленный на решение этой проблемы. Находясь у него в поместье, мне доводилось изучать материалы об этих подлунных девицах. Но при чем здесь белые орхидеи?

— Очень просто. Еще до основания Империи, и до того, как города начали объединяться под началом магических кланов, у Ковена был свой собственный герб. Догадаетесь какой? Стальной клинок на раскрывшемся бутоне орхидеи. Белая орхидея — непорочная любовь. Клинок — беспристрастный судья. Эти цветы клан Крови присылал своим оппонентам, как предупреждение, что маг подозревается в том, что опозорил себя связью с темной магией. Таким образом, отправляя будущей жертве цветы, Сестры Крови давали возможность заинтересовавшему их заклинателю подготовить доказательства своей невиновности.

— Каким образом?

Перед глазами всколыхнулась кровавая рябь. В ушах усиливался колокольный перезвон. Я продолжала говорить:

— Два способа. Первый — выжить. Второй — очистить себя кровью. — Я с трудом подбирала слова, когда-то вычитанные в Алом Кодексе. — Клинок всех рассудит честно, как и смерть.

Белые лепестки — невиновность? Невинность? Что еще?

Чистота.

Любовь.

Голова кружилась. Я почти не чувствовала собственного тела. Голос ирума Камдена доносился как сквозь вату.

— Это интересная версия, — задумчиво произнес он. — Вы считаете, что клан, давно запрещенный самим Ковеном устроил на вас охоту? Что же такого ужасного вы могли сделать, чтобы не угодить им?

Ответ пронзил сердце ледяно ясностью:

— Не умерла.

И это последнее, что я успела произнести.

Когда-то очень давно мой бывший муж завел свой личный цветник из орхидей. А я еще не умела искренне лгать. И очень, очень редко понимала, что происходит вокруг.

— У тебя кто-то есть? — почему-то тогда я задала именно этот глупый вопрос, вместо сотен других правильных, постоянно крутившихся в голове.

Он стоял ко мне спиной, поливая одну из своих белоснежных любимцев, которой было позволено стоять в пестром горшочке на подоконнике.

— Конечно. Ты, — его голос был мягким, ласкающим, нежным, затрагивающим каждую струнку потаенных уголков души. К сожалению, в этих самых потаенных уголках люди предпочитали прятать самые темные свои части. И я была не исключением.

— А кроме меня? — Сегодня я была настойчивей, чем обычно. Луна подходила к завершению второй четверти, а к полнолунию со мной всегда происходили странные метаморфозы. Луна вступала в свои права

— Только эта прекрасная малышка, — он бережно коснулся лепестка, легонько погладив его подушечками пальцев. Мой взгляд скользнул по лезвию ножа, оставленному на разделочной доске. — Но тебе не стоит к ней ревновать.

Я подошла ближе. В глазах заплясали алые всполохи, а руку внезапно обжег холод стали.

— Где ты пропадал целую луну? — я не была уверена, прокричала ли эти слова или едва разомкнула губы.

— Я никуда не уходил, — он не мог не чувствовать ту угрозу, которая от меня исходила. И все же, он так и продолжал стоять ко мне спиной.

Он доверял мне? Не верил, что я могу причинить ему вред?

Блеск холодного металла. Красные капли на белых, как снег лепестках.

Сталь рассудит всех.

Я терялась в звуках. В чувствах. В пространстве.

Я исчезла. Я вернулась.

— Это ты все время пытаешься меня покинуть, — он крепко прижимал кухонное полотенце к моей руке. Сквозь белую ткань проступали багряные краски.

— Тебя давно не было дома, — потерянно отозвалась я, оглядывая беспорядок на кухне. Черепицы разбитого горшка, укоризненно лежали на полу. Острые края поблескивали от солнечного света. Или от крови.. — Ты на долго вернулся?

— На столько, сколько тебе потребуется.

Разделенные на кланы, сестры Ковена всегда имели дурную славу. Но именно линия, основанная на кровной магии, несла в себе самую страшную тайну. Профессиональные убийцы магов — эта сила текла по их венам, передаваемая из поколения в поколения. Вращиваемые на трупах своих врагов. Воспитанные болью и ненавистью. Это они возвели смерть в ранг искусства, почитая и превознося обряды наравне с темными богами. Алый кодекс чести, если будет так угодно. Остальные законы для них не писаны. Что можно предъявить человеку, способному за раз уложить пяток обученных магов?

В Алом кодексе четко прописан ритуал подготовки к предстоящему убийству (дуэли, вам разрешено защищаться, помните?). Первое — предупреждение. Это особый сорт белых орхидей, высылаемых жертве. Второе — контакт. Личная встреча. Не важно в каком виде: в толпе или лично, за долгими посиделками в трактире или мимолетный взгляд, брошенный через ограду. Это может оказаться случайная незнакомка, толкнувшая вас на базаре или приветливая старушка, присматривающая за вашим палисадником. Третье — сигнал действия. Иногда все заканчивалось на первых двух этапах. Сестра Крови могла отказаться от выполнения задания, если подозрения в отношении жертвы не оправдывались. Но, если дело доходило до третьего пункта, тогда все. Можно идти копать себе могилку. Красные орхидеи — окончательный звоночек смерти. Последняя милость клана убийц, означающая, что в течении следующих двадцати четырех часов, ты можешь больше ничего не бояться. Потому что по истечении отмеренных суток, тебе не быть среди живых.

Взгляд клана Крови обращен на тех людей, кто осквернил свою душу черной мессой. Обязанный всем своим существованием темным богам, клан Крови испытывал лютую неприязнь к демонопоклонникам, считая, что своими обрядами они порочат саму суть людской магии. Клан Крови держался от остальных кланов несколько обособленно. Имея свою внутреннюю, сложную структуру, он не подчинялся главе Ковена. Ковен, в свою очередь, отрицал его существование. Львиную долю времени, Сестры Крови устраняли тех, кого считали истинными врагами Ковена. В остальные дни, они предоставляли свои услуги на черном рынке.

Все это я вспоминала, постепенно возвращаясь в Привычный мир.

Мне помогли присесть на софу и протянули стакан воды. Я обхватила его двумя руками, опасаясь, что в любой момент он выскользнет на пол. Сделав несколько глотков, сразу почувствовав себя в разы лучше. Когда сознание окончательно прояснилось, я поняла сразу несколько пугающих вещей. Первое: человек, помогший прийти мне в чувства — не Страж Клоу. Второе: Стража Клоу вообще нет поблизости.

Вместо рыжеволосой шевелюры, моему зрению предстал совершенно иной экземпляр мужского пола. Он наклонился ко мне. Возможно, желая проверить пульс или потрогать, горячий ли лоб, но воспоминания мстительно подкинули образ грязной подворотни и человека в дорогих одеждах, отвесившего мне пощечину.

Я резко дернулась в сторону, отталкивая от себя руку.

— Где Страж?

— Руми Латер... — попытался образумить меня ирум Камден.

— Где Имир Клоу? — повторила я, скользя напряженным взглядом по напольным подставкам с цветами.

Мы находились в настолько огромном помещении, что я могла слышать свое собственное эхо. Нас окружал купол, построенный из стекла и железного каркаса, защищающий от дождя, за которым можно было разглядеть уже отцветшие кустарники жасмина. По стенкам извивались молодые стебли плюща, стремящиеся вырваться на свободу. Яркие цветы благоухали разнообразными запахами, создавая богатое пиршество для обоняния.

Это был не просто сад, а комплекс ботанических садов и оранжерей. Занимаемая им площадь составляла около двух десятков тысяч квадратных метров. Она включала значительный оранжерейный комплекс, в котором мы и находились. В тематической секции с орхидеями, привезенными со всех уголков мира.

— Что произошло?

— Мы в оранжерее ботанического сада, — пояснил аристократ, присаживаясь рядом на софу. Пошарив за спинкой диванчика, он извлек несколько бархатных подушек и протянул мне. — Вы потеряли сознание. Имир отнес вас сюда, а сам отправился за врачом.

Я вслушивалась в мягкую интонацию, пытаюсь сопоставить ее с той, что слышала несколько месяцев назад. Сумбур мыслей отказывался выстраиваться в четкую линию, и больше напоминал кашу.

— Успокойтесь, руми Латер. Вам никто не собирается причинять вреда, — тембр голоса звучал ровно, не выдавая никаких признаков лжи, и я позволила себе слегка расслабиться. Все-таки, пока я беспомощно лежала на софе, он мог остановить мне сердце сотней разных способов.

В знак примирения, взяла предложенные подушки, подложив их под спину и, наконец, смогла удобно устроиться, облокотившись о подлокотник.

Ирум Камден тем временем продолжал:

— Вам никто не говорил, что использовать лечебные чармы после магической комы очень опасно?

— Никто, — все еще недоверчиво поглядывая на новоявленного благодетеля, отозвалась я. — Я сама знаю все лечебные предписания. Конкретно это, распространяется на первые шесть дней. Которые на сегодняшнюю дату уже истекли.

— Или должны были истечь, — как бы между прочим подметил он, — при строгом соблюдении постельного режима, я полагаю.

Если он собирался меня смутить подобным образом, то сильно просчитался. У меня еще будет время бледнеть, краснеть и блеять оправдания, когда вернусь в приют Милосердия и встречусь со своим врачом. Лекарь... ох, только бы он не нашел зелье которое я припрятала в стакане. Вот это действительно будет катастрофа.

— Почему вы обращаетесь к Стражу по имени? — вспомнила я режущее ухо "ты".

— У нас с Имиром слишком долгая и увлекательная история знакомства, чтобы поддерживать иллюзию бессмысленного официоза.

Я ощутила острый укол ревности:

— У нас с ним тоже слишком долгая и увлекательная история знакомства, и все же, он еще ни разу не пересек эту черту.

— Хммм... — глубокомысленно протянул лорд Геригон, постукивая пальцами по спинке софы. — Сколько вы с ним знакомы?

— Семь лет.

— И я о вас ни разу не слышал, — внезапно повеселел аристократ. — Что неудивительно. Имир у меня скрытный парень.

— Он не у вас. — Вступилась я за честь Стража. Каком солнечному, скажите на милость, понравится, что его пытаются прибрать нечистые руки стихийников? — А скорее, у нас.

— Сейчас, да, — вкрадчивый голос.

Его слова осели на душе сгустками колючей ненависти, всколыхнувшей патриотические чувства. Я безумно не любила, когда кто-либо делал грязные намеки в отношении Стражей Солнца. По мне, так это были единственные люди во всей прогнившей насквозь Империи, чья репутация не могла поддаваться сомнению.

— Что вы имеете ввиду? — гневно спросила я, чувствуя как в негодовании раздуваются крылья моего носа.

Когда его тонкие губы стали медленно расползаться в змеиной улыбке, меня словно молнией поразило.

Ааа... — догадалась я. — Теперь, значит, на провокацию повелась я. Ловко. Ничего не скажешь. Но такие трюки надо проворачивать с равными себе, а не испытывать на полуобморочных руми со слабеньким здоровьем.

— Только то, что говорю, — вынужденный следить за моей персоной, белобрысый аристократ, кажется, решил сыграть в какую-то игру. Закинув ногу на ногу, он расслабленно вытянул руку вдоль резной спинки софы, продолжая радовать меня видом своей сомнительной улыбки. Его настроение покинуло отметку "я ненавижу это утро и всех остальных, кто посмел попасться мне на глаза" и каким-то образом перетекло в "этот день еще можно спасти, если свести с ума своим непредсказуемым поведением хотя бы одного посланника Света".

Я вовремя прикусила язык, чтобы не сморозить какую-нибудь глупость. Иногда молчание приносит гораздо больший успех в развязывании языков, чем самые каверзные вопросы. Особенно, если вы женщина.

Я ожидала продолжения, и ирум Камден не посмел меня разочаровать.

— Имир родился в семье потомственных магов, — сказал он. — Потомственных магов Стихий, если быть точным. Следуя традициям, юного рыжеволосого мальчика по достижению десяти лет отдали на обучение к Наставнику, где он позже познакомился с другими дарованиями из высокородных семей. Излишне уточнять, где в этой схеме присутствовал я. По окончании восьми долгих лет, Имир успел приобрести полезные знакомства, изучить классическую Школу Стихий, и обзавестись друзьями, неприятелями и, конечно, первой любовью — куда ж без этого? По статистике, из десяти учеников трое девушки. Но наш общий приятель, умудрился отличиться именно на этом поприще. — Тут маг решил сделать многозначительную паузу, дабы позволить мне самой нафантазировать несколько вариантов. Выждав несколько мгновений, он перевел дух, и продолжил. — Выбор в качестве первой, самой искренней, кристально чистой любви, пал на магию Солнца. И к сожалению, оказался взаимным. Именно так, примерно двадцать лет назад, был утерян потенциально великий адепт Земли и найден совершенно невзрачный, я бы даже сказал — посредственный, маг Солнца.

Настала моя очередь радовать ожидания блондинчика. Как порядочная руми и истинная представительница женского рода, я не могла позволить себе предсказуемость. Мое

негодование, о темном прошлом давно знакомого Стража, выразилось в сухом кашле вперемешку со смехом.

— Адепт Земли? Кха-ха... Его Стихия... Земля? Кха-ха-ха... — я утерла набежавшие слезы, прорывающиеся вместе с хохотом.

Воображение пасовало перед попыткой представить старого доброго Стража в амплуа грозного мага Земли. Стереотипы присутствуют во всех сферах жизни и магия тому не исключение. Взять хотя бы мой образ посланника Света. Но вот представители Земли более всех остальных соответствовали сложившимся со временем наборам клише.

— Спасибо, — ответила я благодарностью, когда сумела отсмеяться. — Смех — это действительно лучшее лекарство, за неимением настоящих.

Улыбка с мужчины спала совершенно внезапно, словно, мышцы лица устали поддерживать бесполезную гримасу и вернули аристократу его привычное состояние. Куда-то исчезло и его хорошее расположение духа.

— Что в вас не так? — прямо спросил он.

— Простите? — искренне удивилась я. — Я вас не понимаю.

— Понимаете. Я читал официальные отчеты расследований. Ваше поведение, описанное в них, хаотично и бессмысленно.

Я не стала спрашивать, зачем ему понадобилось читать эти отчеты или откуда он их взял. Я еще не была готова слышать ответы, которые знала.

— Я была под действием печати на которую сверху наложили несколько заклятий забвения. Естественно, мои поступки не блистали гениальностью и здравым смыслом.

Как же я устала оправдываться за то, что выжила. Может, это было фатальной ошибкой не позволить принести себя в жертву?

— Тем не менее, они достигли результата. Вы — живы. А тщательно планируемый и разрабатываемый план неизвестных — сорван. Место его проведения — в руинах. Одна из участниц, опознанная, как Прия Парнс в бегах. По двум другим, до сих пор ведется тщательное расследование. И здесь, вроде бы все понятно. Так почему же вы настаиваете на том, что за вами могли послать Сестер Крови? Простой вопрос, руми Латер. Что же с вами настолько сильно не так, что выжив после жертвоприношения, вы опасаетесь наемных убийц за темными магами? Может это стоит делать тем людям, что стоят за кровавым обрядом?

Он выставлял мое спасение в неприглядном свете. В правдивом.

— Может, — согласилась я. — Может вы правы.

Будь проклят этот день! Подобный разговор со мной уже происходил.

Ирум Камден говорил правильные вещи. Я — не самая интересная мишень, если не знать правду о моей истинной сущности. Почему же я решила, что Ковен устроил на меня охоту? Если подумать, то Сестры Крови должны точить зуб на других людей. На ирума Флема, например. Нельзя же на меня устраивать охоту только за то, что я поучаствовала в ритуале, направленном на призыв какого-то демона. Я же была жертвой!

— Наверное, мне стоит снизить дозировку лекарств, — я выдавила из себя жалкое подобие улыбки. — Весь этот стресс пробуждает во мне параноидальную истерию.

При свете дня все тяжелые мысли, что скопились внутри, казались глупыми и надуманными. Может, кровожадный монстр не более чем игра теней?

Ага, как же.

— Вы были когда-нибудь раньше в ботаническом саду? — притворная улыбка, не более.

Я только что приняла неизбежное. — В них всегда поют птицы. Кроме этого, да?

— О чем вы? — он попытался найти скрытый смысл в моих словах, но думал явно не в том направлении. — Какие еще птицы? — мужчина скосил глаза в сторону цветника. Великолепие из всех цветов радуги. Божественное торжество орхидей. — Я успел переговорить с курьером, на которого вы устроили охоту, и с управляющим. Заказ этого букета поступил из одного северного города. В документах в качестве отправителя значится ваш собственный Орден. Вся сложившаяся ситуация — не более чем досадное недоразумение. Тем более, что сегодня курьер доставил не белые, а красные орхидеи.

— Красные? — переспросила я.

— Абсолютно, — подтвердил мужчина. Расстегнув сюртук, он жестом фокусника вытащил из внутреннего кармана примятый бутон алого безумия и протянул мне. — Вот такой. Юная руми на входе преподнесла мне его в качестве примера.

Я нахмурила брови и устало потерла глаза. Ирум Камден казался приятным человеком. С той силой и властью, что он имел, аристократ вполне мог позволить себе более грубое отношение к таким, как я. Более того, он совсем не казался избалованным или высокомерным. Избегал уничижительных высказываний в мой адрес. Хотя, учитывая все обстоятельства, я была очень легкой мишенью для насмешек. Самое обидное, что он мог быть интересным.

Я вздохнула, чувствуя наступающую бурю.

Чтобы вы сделали, если бы точно знали, что вам осталось жить меньше суток? Рассказали бы об это близким? А если это знание способно убить их? Какое последнее действие вы хотели бы совершить перед тем, как вуаль смерти упадет к вашим ногам? Вариантов много. Вероятностей еще больше. Но лично я собиралась разрушить одну из своих иллюзий отрицания происходящего.

— Ирум Камден, скажите, какой Стихии принадлежите вы?

— Стихии Воздуха, — ответил он, не чувствуя как вокруг серебристым дождем осыпаются осколки хрупкой реальности.

— Воздуха, — эхом откликнулась я, чувствуя, как по коже мелкой рябью разбегаются волны магии. — Может, у нас еще есть шанс?

Мужчина еще не понял, что должно произойти в следующую секунду. Он просто среагировал на изменение в моем голосе, выставив "щит".

Раздался хруст. Одновременно. Со всех сторон.

Я уже не успевала предупредить ирума Камдена, но он на то и был магом высшей категории, чтобы сразу распознавать любые возмущения магии вокруг. Он вскочил на ноги, собираясь метнуть в сторону арочной двери атакующее заклинание. Дальше произошло сразу несколько вещей одновременно.

Стеклянный купол разлетелся мириадами осколков, осыпая блестящим фейерверком весь зал. Я накинула на голову капюшон и закрыла лицо руками, подтянув колени к груди. Маг прикрывать лицо не стал. А зря. Его защита сработала идеально, предотвратив попадание стекла, но не спасла от последующей вспышки света. Не собираясь становится легкой мишенью, маг отскочил в сторону, метнув заготовленное заклинание наугад. В том месте, где мгновение назад он стоял, вонзилось сразу несколько ножей. Потом, конечно, Сестра Крови обязательно их заберет. Красавцы-близнецы, наверняка, зачарованы для своей хозяйки.

— Не дайте себя поранить, — тихо прошептала я магу, надеясь, что он не сочтет их за

бессмыслицу, а вспомнит, что клан убийц не просто так носит название Сестер Крови. Заноза, царапина, порез, — любая кровоточащая рана мгновенно обрекала на гибель. С помощью всего одной пролитой капли, Сестра могла на несколько часов заблокировать магию.

Последние слова я произносила уже из-за спинки софы. Сил на пробег на дальнюю дистанцию у меня не было. Если бы не плотные кусты жасмина, окружающие летнюю террасу, я бы, возможно, попыталась бежать. Но место было слишком идеальным для маневров убийцы.

Несколько опасных для жизни вспышек сверкнули над разбитым потолком, представляющим из себя теперь только металлический каркас. Грохот. Свист. Опять грохот. Треск. Волосы на руках встали по стойке смирно от разыгравшейся бури магии. Я поблагодарила Свет за то, что он милостиво меня покинул, иначе, из-за творившегося водоворота магии, меня бы вывернуло наизнанку. Хватало того, что я физически ощущала летящие во все стороны клочья заклинаний. По всей видимости, убийца взялась за меч и теперь аристократ сдавал позиции. Все световые и шумовые заклинания, принадлежали только ему. Сестры предпочитают заговоренное оружие и защитные амулеты.

Повисла мертвая тишина. Я прижалась к полу, пытаюсь разглядеть, что сейчас происходит в зале: ничего, кроме слоя стеклянного крошева. Никаких признаков чужого присутствия. Тогда я осмелела и высунулась из укрытия полностью. Оглядела террасу. Ее площадь превосходила по своей величине внутренний парк приюта Милосердия и при желании, среди стендов с цветами, вьюнками и декоративными кустами можно было заблудиться или спрятаться.

Опять Страж Клоу пропускает все самое интересное, — оценила я обстановку и грядущие перспективы.

Сестра Крови отвлеклась на мага, сделав ставку на него, как на более сильного противника, и теперь у меня появилось несколько минут на передышку. План на спасение пока отказывался вырисовываться, но покорно поднимать лапки и сдаваться я не собиралась. Воткнутые в обивку софы ножи не давали особых шансов на спасение, но факт — согревали душу своим наличием. Цельнометаллические красавцы были покрыты специальной черной краской, чтобы не выдать бликами своего хозяина в темноте. У данных экземпляров вместо блеска на лезвии едва заметно просматривались зеленые маслянистые следы яда.

Рукоятка легла в ладонь как родная. Чтобы размять запястья, я на пробу несколько раз подкинула ножи, принаравливаясь к весу. Они были прекрасны. Не способные, конечно, заменить моего пропавшего малыша, но все равно имеющие право претендовать на мою любовь.

Только бы не попасть под рикошет заклинаний аристократа.

Лишиться магии — это как лишиться одного из органов чувств. Сначала ты напряжен, остро реагируя на любой раздражитель. Потом беспомощен, постоянно чувствуя свою неполноценность. Спустя время начинаешь выискивать какие-то плюсы, чтобы заставлять себя вставать по утрам. Когда же встречаешь себе подобных, спокойно уживающихся со своим недугом и более того, научившихся извлекать из этого выгоду, что-то внутри ломается. А потом собирается обратно, в более прочный и стойкий стержень.

Я не хотела сказать, что прошла все стадии за минувшие дни. По мне, так я еще не дошла до самой первой, продолжая верить, что исчезнувший Свет чудесным образом вернется. Но моя рациональная сторона уже прорабатывала план дальнейшей жизни без

магии. И главными ее аргументами были Сестры Крови, которые спокойно обходились без полноценного дара. А если они научились составлять конкуренцию магам одним лишь холодным оружием, то чем хуже я? Тем более с моим-то опытом.

— Веллади! — Обращение к представительницам Ковена, всплыло в голове само собой.

Пробираясь к месту, отмеченному печатью недавней битвы, я полностью обратилась в слух. Среди такого количество битого стекла, пройти тихо почти невозможно. Погром царил потрясающий. Перекинувшееся через декоративную каменную горку деревце, щепки, обломки, опустевший искусственный водоем без водяных лилий и речной гальки. Лепестки цветов все еще кружили в воздухе, так и не сумев найти покой среди всеобщего бардака.

Ладно, — решила я, делая шаг в том направлении, откуда последний раз слышался звук. — Три убийцы под одной крышей — это и так звучит как анекдот. Что-то вроде: сидят как-то в таверне Сестра Крови и демонопоклонник. И тут к ним подсаживается утопленница и говорит....

— Эй! — крикнула я на весь зал, привлекая к себе внимание. — Возьмите меня к себе поиграть. У меня и игрушки есть.

По щеке ирума Камдена стекала струйка крови. На лбу скопились бисеринки пота, щеки покраснелись, как от лихорадки. Он тяжело дышал, опираясь на остатки металлической конструкции стены. Было видно, что маг едва держится на ногах. Все-таки веллади сумела ранить мужчину, а значит, на некоторое время его доступ к магии был ограничен. Без магического взгляда, я не могла понять, какой урон ему нанесен. Других видимых повреждений, кроме неглубоких порезов на лице не было, и я надеялась, что все дело в магическом истощении.

Заметив мое присутствие, ирум попытался выпрямиться. Но вместо этого обессилено сполз на поблескивающую от осколков траву, обильно усыпанную алыми каплями. Повинуясь импульсу, я хотела броситься на помощь, но в последнее мгновение мужчина сумел кое-как сфокусировать на мне взгляд, и отрицательно мотнул головой.

Вот тогда-то я ее и заметила.

Среди свисающих листьев лиан и спелых ягод лимонника, стояла девушка. Облегающе-черный костюм обхватывал точеную фигурку Сестры Крови, делая веллади похожей на тень. Казалось, она почти не дышала, замерев рядом с кустарником гибискуса. У веллади были длинные темно-русые волосы, собранные в конский хвост. Кожаные черные шнуры с узелочками на концах вплетались в прическу, образуя подобие символа "свободы" на корважском языке. Отросшая до середины лица челка выкрашена в красный цвет и зачесана на правый бок. Десяток мелких заколочек с драгоценными камушками плотно обхватывали паучьими лапками прядку волос, не давая ей сползти на лицо.

"Что еще за маскарад, — нахмурилась я."

Девчонка не старше Леды. Лет шестнадцать? Явно не тот возраст, чтобы заслужить все те знаки отличия, что я смогла распознать. В таком возрасте она должна быть еще Тенью или Отражением, но никак не полноценной Сестрой Крови. Или веллади была далеко не так проста, или с момента основания Империи, в Ковене очень сильно пострадали вековые традиции.

Ее вид мне совершенно не нравился. Язык не поворачивался назвать ее Сестрой Крови. Не убийца, а насмешка над всем кланами. Если ты Мать, то можешь позволить себе одеваться как угодно. Потому что любой сведущий знает, что все эти висюльки — на одежде, на руках, в волосах — обозначают какое-то достижение на пройденном пути: хорошее или плохое, не важно. Эти мелкие детали рассказывают всю судьбу человека, стоящего перед тобой. Их можно считать рекомендательными письмами, личным делом Сестры Крови, с которым она приходит к своей жертве. Закаленные в поединках, представительницы опасного клана, могли позволить себе подобное, потому что были готовы клинком и кровью ответить за каждый из штрихов на теле и одежде.

Она заметила меня не сразу. Хотя нельзя сказать, что я ступала достаточно тихо, чтоб остаться скрытой. Но маг-то заметил! Стекло под ногами хрустело от каждого шага, ведь я не владела чудесами акробатики и техникой "легкой поступи".

— Китра Латер, — в хрустальной тишине сада ее голос прозвучал приглушенно. Черная платяная маска скрывала нижнюю часть лица, оставляя видимым только жгучий янтарь ее глаз. Она стояла ко мне боком и не спешила поворачиваться, чтобы не выпустить из поля

зрения мага. Даже в таком состоянии он представлялся ей большей опасностью, чем я. — Ты приговорена кланом Крови к смерти.

Диалога как-то сазу не задался.

Она не стала поворачиваться, решив не растрачивать лишние силы. Просто резко взмахнула рукой в мою сторону. Свист жгута, и кольцевидная змейка метнулись вперед, целясь в шею. Я успела выставить перед собой руку в последнее мгновение, не давая эластичной черноте обвиться в удушающем захвате. Я сделала рывок вперед, действуя на опережение, мешая девчонке воспользоваться своим преимуществом. Но веллади была быстрее, проворнее, и что уж греха таить, моложе раза в два. От сильного рывка я полетела вперед. Запинаясь о поросшую мхом горку, повалилась наземь, не успев достаточно сгруппироваться, но сумев в одно движение разрезать спутывающую удавку.

Действовать предстояло быстро. Часики пошли. У меня минуты три, чтобы решить возникшую проблему. Больше в своем болезненном состоянии я продержаться не в силах. Цветастые пятна перед глазами и поразительная легкость в голове, грозили очередным обмороком.

Крошево стекла вонзилось в ладони. Крохотные порезов, кровавой сеточкой расползлись по рукам, обещая стать достаточно болезненной неприятностью в будущем.

— Ключ-звездочка! — успела я отдать команду чарме, как раз в тот момент, как девчонка ударила меня в бок, опрокидывая на спину. Два лезвия, материализовавшиеся из активированной чармы, в беспорядочном маневре взлетели вверх. Веллади без труда отмахнулась от шестиконечных звезд древком кинжала, посылая их в полет куда-то за пределы сада.

Кинжал в левой руке и хлыст с металлическим набалдашником в правой? Она — Отражение. Только чье?

У клана Крови довольно простая иерархия. Обучение начинается лет с пяти-семи. И если до этого времени у тебя еще было имя, то после, ты — никто. Эта самая первая ступень, когда ты обезличен. На этом этапе Сестры стирают твою судьбу. Дают новое предназначение. На втором этапе ты — Тень. Разные мастера берут тебя на легкие задания, ты учишься быть незаметной, неузнанной. Наблюдаешь со стороны. Третий этап — Отражение. Тебя замечает одна из Старших Сестер и приглашает к себе в ученики. Если ты соглашаешься — ты полностью в ее власти. Учишься ее повадкам, ее движениям, ее манерам. Учишься быть ею. Под ее началом становишься Младшей Сестрой. Ее Младшей Сестрой. И с того момента вы повязаны кровью.

Судя по атрибутам, передо мной Отражение. Так кого она отражает? Где же старшенькая? Почему отправила свое протеже на вынесение приговора сразу двум магам? Мне казалось мы с ирумом Камденем заслуживаем куда большей чести, чем пасть от рук неопытного Отражения. А то, что оно неопытное, можно заключить из того, что мы еще живы.

Все эти мысли пролетали в голове, пока я с переменным успехом уворачивалась от атак. Применять ножи, вытащенные из обивки софы, я не спешила. У меня их всего два. Негоже разбрасываться таким дорогим подарком судьбы. Очередной удар я отразила ценой браслета с чармами. Цепочка разлетелась мелкими звеньями, оставив на коже паутинку царапин.

Пока в этой борьбе страдало только мое чувство прекрасного. Потому что я знала, как должно происходить подобное убийство. Видела, скольких трудов стоило искусство смерти. Обучалась ему. В том, что творилось сейчас, не было чести, только грязь. Где величие

битвы? Где танец клинков? Буйство красок? Где торжество смерти над жизнью, а изящества над смертью? Меня обманули, подсунув дешевую подделку!

Меня посчитали недостойной?

Это не дуэль чести, а какая-то драка облезлых кошек, — прокомментировал мой внутренний голос прошлого. И я была с ним полностью согласна. Красоты убийства здесь было разве что чуть.

— Попалась, — радостно воскликнула она. На ее пальце сияла рубиновая капля моей крови. Абсолютно бесполезной. Веллади мазнула рукой по цепочке с амулетом, и тихо зашептала строчки проклятья.

И вот теперь я окончательно разозлилась. Не заметить, что твой оппонент и без того лишен силы? Да это же основа! Швырять меня из стороны в сторону только потому, что в правилах сказано, что сначала нужно получить кровь мага, лишить его сил, и только потом переходить к основной битве? А где импровизация? Где мастерство подстраиваться под любую ситуацию? Игра вероятностей. Формулы переменных?

Злость придавала силы.

— Достала, — я рванула мешающий плащ, откидывая его в сторону. Всего на мгновение черная птица материи перекрыла веллади обзор, заставляя ее потерять бдительность. Именно столько мне требовалось, чтобы воспользоваться ее метательным ножом. Будь у меня обычное оружие или зачарованное другим мастером, — ничего бы не вышло, веллади среагировала бы быстрее, чем я успела поднять руку. Но метательный нож принадлежал ей. Родство энергий решало все.

Нож скользнул сквозь черные складки взлетевшего плаща, и вонзился в плечо девчонки, пробивая обе защиты зачарованного костюма. Будь у меня магический взгляд, я бы увидела, как разбегаются в стороны дорожки-трещины, расколотого заклинания. И оружие и костюм веллади имели одинаковую магическую основу, повязанную на крови самой девушки. Поэтому в нужный момент "щит" не сработал, а наоборот с радостью принял одну из своих частей, как родную. Правильное сочетание магических элементов — вот залог успеха.

Нож вошел гладко. Как в подтаявшее масло.

Девчонка сделал шаг назад, поддаваясь движению удара и удивленно скосила глаза на скелетную рукоять, торчащую из плеча. И в этот момент я повалила ее на землю, придавливая локтем горло.

Ей следовало носить специальный ободок вокруг шеи, чтобы иметь защиту от удушения. Вещица кошмарно неудобная и многие Сестры по молодости предпочитали ей пренебрегать. А зря. Сейчас бы веллади не была в таком плачевном положении.

Пришлось повозиться, чтобы выбить у нее из рук кинжал и хлыст. Я избавила ее от маски, чтобы окончательно убедиться в ее юном возрасте. В моем же случае пострадало платье. Чтобы удерживать девчонку на земле, пришлось навалиться на нее корпусом, удерживая ее руки коленями. Захват вышел не самым удачным, но боль решала всё.

Когда я чуть провернула находившийся в ее плече нож по часовой стрелке, девчонка вскрикнула и тут же упрямо сжала зубы. Она часто и глубоко задышала, прожигая меня убийственным взглядом.

И это было потрясающе.

Запал драки прошел. Я победила. Но обида вгрызалась в душу похуже хищного зверя: я не должна была выжить. Какая темная тварь сдохла, что больная полуживая недо-руми с легкостью укладывает на лопатки молодую, полную сил Сестру Крови?

Ладно, не с легкостью. И да, я играла не честно. Но, что с того?

Не выдержав, я отвесила девчонке хлесткую пощечину, после чего наклонилась к ее уху, и прошептала на грани слышимости:

— Чувствуешь боль? — когда я отстранилась, меня одарили злым взглядом янтарных глаз. Слишком эмоциональным для опытного убийцы. — Яд на этом ноже должен парализовывать жертву. Так почему же ты так кричала? — Я поднесла к ее лицу второй нож, продолжая коленями удерживать ее руки. Девчонка попыталась сфокусироваться на абсидианово-черном лезвии. — Видишь этот маслянистый след? — Кончиком ногтя я мазнула по острой кромке. — Потрясающе халтурная работа. Стыдно смотреть. — Зеленоватый неровный слой яда поблескивал золотом. Мне стало противно. Глаза нестерпимо жгло от обилия света, переливающегося на осколках стекла, и, от едкого пота, появившегося так не вовремя. Опустив руку, я вытерла испачканный палец о кожаный жилет несостоявшейся убийцы, вызвав у нее протестующий взглас.

— Понятно, почему ты не смогла правильно нанести яд?

Яд лепестков серебряного подлунника — вот основа этого смертельно опасного зелья. Даже в доимперские времена Сестры Крови почти не использовали его. Он невероятно сложен в приготовлении. Чрезмерно жесток для использования. Слишком много личного, я бы даже сказала, интимного, чтобы применять его на незнакомом человеке. Яд действует на всех уровнях тонкого тела. Почти безболезненно. Незаметно. Только Старшие Сестры достаточно опытны, чтобы взяться за приготовление подобного зелья. Чтобы вообще получить посвящение для получения проклятого рецепта. Уровень мастера. А тут... Тут мастерством и не пахло.

— Почему? — не заглушаемый маской, ее голос напоминал перезвон маленьких восточных колокольчиков. Губы дрожали от обиды. Она не умела проигрывать. В ней было еще слишком много жизни, чтобы осознанно лишать ее других. Слишком много собственных желаний, и разнообразие других ярких оттенков. А должны были быть только: белый, красный, черный. Кто же отпустил ее такую несформировавшуюся на задание? Сырую. Неопытную.

— Приготовлен неверно.

— Невозможно, — Сестра Крови произнесла это безмолвно, одними губами. Она боялась звука собственного голоса, способного выдать обуявший ее ужас. Если яд приготовлен неправильно, то запрятанное в голенище левого сапога противоядие могло не сработать. Тогда до ее смерти оставалось не более часа.

— Лунные и солнечные циклы, — ошибку я распознала сразу. — Свет всегда имеет значение, даже если проигрывает другим видам магии.

— Чушь. — Лицо девчонки исказилось в презрительной усмешке. Находясь в вечной тьме, кровь не признавала света. Проиграв, велледи отказывалась признать поражение. Она не принимала победу над собой.

— Где твоя Старшая? — я пыталась вести нормальную беседу, насколько позволяли обстоятельства.

Девчонка зло сверкнула глазами.

— Кто за тобой присматривает? — попробовала я зайти с другой стороны.

Результат тот же.

Несокрушимость духа? О, нет-нет. Это грубое нарушение Алого кодекса, за который она должна сражаться и отдать жизнь, если это потребовалось. Видит Свет, я оставила свою

бытность Сестры Крови в другой жизни. Строки кодекса больше не определяли мою судьбу. Но, видимо были вещи, которые не так просто забыть и, тем более, вытравить из памяти. И я решилась. Позволила далекому воспоминанию вернуться ко мне. Стать мной.

Я могла сделать это по-другому. Но тогда цель не была бы достигнута. Потому что я делала это на показ. Я хотела видеть в глазах юной веллады не злость, а ужас. Чтобы она поняла: в этом проигрыше только ее вина, и ни капли моей заслуги. К такому результату привела цепь катастрофических ошибок, созданных ею самой.

Нельзя рассчитывать на то, что лишенный магии человек будет беспомощен. Нельзя недооценивать противника, даже если весь его вид кричит о беспомощности. И тем более нельзя верить, что какие-то побрякушки вроде артефактов смогут защитить от более опытного оппонента. Все эти блестяшки — хлам! На себя нужно надеяться. Только на себя!

Развернув лезвие плашмя я медленно провела по нему языком, слизывая следы зеленоватого зелья. Неотрывно наблюдая за моим действием, глаза веллады медленно расширялись от ужаса. Я, тем временем, закончив, снизошла до объяснений:

— Этот яд — особый вид зелья, которое теряет все свои качества, если изготавливается при свете дня. Наиболее сильный эффект можно получить, только если варить его в полнолуние. Лучше, конечно, зимой. Когда ночь в своем праве.

В ее зрачке я видела отражение собственного безумия, цвета расплавленного серебра. Скрытой стороны луны. Темной. Сейчас я была кем-то другим. Кем была очень-очень давно.

— Ты сошла с ума, — тихо выдохнула она. — Ты больна? Одержима?

— Всего понемножку.

Когда первый шок прошел, ее дыхание начало выравниваться. Она, наконец, справилась со своим страхом, и теперь была готова дать отпор.

— Ты только что сама себя убила, — девчонка попыталась вложить уверенность в свой дрожащий голос, но воткнувший в плечо нож, определенно этому мешал. — Твои слова — пережиток прошлого. Уже лет как пятьсот доказали ошибочность подобной теории.

Я даже знаю кто. Я даже помню как. И это почему-то веселило.

— Вам дали все. И вы разучились думать. Для этого Империи просто потребовалось захватить территорию корважских гор, — протянула я, отмечая на периферии скользнувшую тень. Неужели Старшенькая? — С каких пор детям дают рецепт Последнего сна?

— Я — не ребенок, — она прожигала меня злым, обиженным взглядом.

Она думала, что я не воспринимаю ее всерьез из-за возраста? Вот уж нет. Он тут как раз не при чем.

Ты — еще хуже, — хотела было ответить я, но прижатая к полу девица дернулась, толкая меня коленями в спину, чтобы потом обхватить меня бедрами и откинуть назад. И все эти обманные маневры, только для того, чтобы освободить руку и выхватить один из амулетов, пристегнутых к металлическому каскаду крючков на голени сапога.

— Тебе следовало их сорвать, как только получила преимущество, — скалясь ответила веллады, выдергивая нить из маленького кусочка материи, скомканного в горошину.

— А тебе следовало меня добить, когда была возможность, — а вот это был уже не мой голос. Выросшая над нами с веллады тень, приобрела очертания мага.

Как он...?

— Или хотя бы попытаться. — Одной рукой Камден сжимал кулак девчонки, не позволяя ей закончить активацию чармы, другой держал ее кинжал. Фантазия живо нарисовала момент, как маг перерезает горло веллди, а потом берется за меня. И живет

долго и счастливо. Потому что он останется здесь один, и следствие поверит тому, что скажет он.

От мужчины шел такой лютый холод, что меня пробрало до самых костей. Как будто он использовал магию. Я невольно обхватила себя руками, пытаюсь унять дрожь. Единственное, что радовало, причина его злости — не я. Веллади задела его гордость. А я только была свидетелем.

Проклятье, так даже хуже!

Девчонка попыталась извернуться, но вот тут силы были точно не равны. Он вывернул ее руку в болевом захвате, заставляя согнуться. Его движение было настолько легким и естественным, что я невольно позавидовала его физической силе. Но на обездвиживании дело не закончилось. Мелкие частицы стекла затрепыхались на полу, и медленно, скорее ради устрашения, чем из-за нехватки сил, поползли вверх. По неровным краям осколков скользил свет. Разноцветное мерцание завораживало, гипнотизировало и до жути пугало.

— Как ты это сделал? — прошептала веллади, невольно отодвигаясь назад к Камдену.

С этим вопросом я была полностью солидарна. Почему он может пользоваться магией?

Разрастающийся стеклянный вихрь извивался перед самым лицом девушки. Несколько мелких частиц мазнули по ее одежде, оставляя гладкие порезы. Это было только предупреждение.

— Может, повезло? — пожал он плечами, глядя на меня сквозь извивающиеся язычки смертельно-опасных потоков. — Как, наверное, и посланнику Света, когда она умудрилась дать отпор Сестре Крови. А ведь еще пять минут назад вы лежали на софе без сознания. Какая неожиданная метаморфоза, руми Латер.

Предвиденье будущего — не моя специальность. Скажем так, если бы мне пришлось сдавать экзамены по всем направлениям магии, именно этот я бы провалила с треском. Но вот внутреннее чутье мне подсказывало, что если сейчас я не уберегу веллади от ирума Камдена, на ее смерти он не остановится. Его намерение очевидно.

— Не убивайте ее, — попросила я, кое-как приподнимаясь с колен.

— У нас есть причина оставлять ее в живых? — Он не то что бы удивился или вправду интересовался моим мнением, он играл по шаблону. Точь в точь повторял ситуацию в подворотне. Только тогда на месте юной веллади стояла Леда. — Она проиграла и тебе и мне. Разве это не снимает с нас обоих печать Крови?

Ага. А о печати он значит знает.

— Нет. — Осколки разлетелись в стороны, продолжая маячить где-то на границе видимости. — Ее может снять только Старшая Сестра. До тех пор мы оба, как ходячие мишени.

— Оба, — повторил лорд Геригон, чуть склонив голову в сторону. Он испытывал меня. — И вы не спросите, руми Латер, почему на меня охотится Сестра Крови?

— Не велика интрига, — я не стала лгать. Это только разозлило бы его. Сейчас был очень удачный момент, чтобы избавиться от меня, позже свалив все на веллади. Но он почему-то медлил. И сдается мне, что сам не мог разобраться почему.

— Думается, нет тут никакой Старшей. Перед нами обычный Осколок, — он уклонился от темы, предпочитая дать мне еще немного времени, чтобы понервничать, переживая за собственную участь. Ему определенно нравилось чувствовать себя хозяином положения.

— Много обычного ты видел в Осколках? — я совершенно не стесняясь перешла на "ты". По мне так совместно пережитое жертвоприношение достаточно сближает людей,

чтобы держаться на таком уровне фамильярности. — Перед нами Отражение, не более.

Свет, молю тебя, пусть она не будет Осколком. Со мной достаточно случилось проблем, чтобы разбираться еще и с этим.

— Отражение? — мужчина легонько встряхнул веллади. Она опустила голову вниз, стараясь скрыть скопившиеся в уголках глаз слезы. — А где же тогда ее Старшая? Ну, малышка, — уже обращаясь к девчонке, — правила кодекса надо соблюдать, верно? Или милая руми ошибается, и ты у нас все же Осколок?

Последний вопрос возымел действие. Девчонка вскинулась, глядя на меня огромными соломненно-кариими глазами, полными соленой влаги.

— Ну же, олененок, — попросила я, смягчая голос и надеясь, что блеск безумия уже испарился с моей радужки. — Ты не должна отвечать за чужие ошибки.

— Я... я не могу.

— Послушай, если ты пытаешься ее защитить, то не стоит нас бояться. Мы можем тебе помочь. Или ей. С ней что-то случилось и поэтому тебе пришлось идти одной? — девчонка кивнула. Я продолжила: — Она каким-то образом нарушила Алый кодекс? — предположила я. — Или... она не может выйти сама на охоту. О чем Ковену знать не стоит. Поэтому ты здесь одна? Действуешь от ее имени?

Я была наугад. Но не то чтобы мне повезло, просто вариантов, на самом деле, не так уж и много.

— Нам надо с ней поговорить. Мы одержали победу и теперь имеем право на прощение. Если ты позволишь нам с ней встретиться, обещаем, мы не станем распространяться о случившемся никому. Честь Старшей не пострадает. А для Ковена, отрицательный результат — это тоже результат.

Камден не встревал в беседу, позволяя мне вести переговоры. И делал выводы. Правильные выводы. Когда же веллади кивнула в знак согласия, взгляд мужчины мне и вовсе не понравился. Он позволил себе заново оценить меня в качестве противника, и кажется прибавил в мою пользу парочку опасных пунктов.

— Что же нам теперь делать? — если он ожидал от меня каких-то зверств, то очень зря.

— Вытащить из плеча веллади нож и залечить, раз кое-кто обзавелся дополнительным источником силы. — Я намекаю на то, что благодаря жертвоприношениям, ирум Камдем сумел получить силу, чтобы противостоять магии Крови? О да, именно это я и делаю. — И придумать, как все объяснить стражу, когда он вернется.

— В третий раз на совпадение уже не спишешь? — он пропустил мою шпильку мимо ушей, воспользовавшись своей. Выпустив веллади из болевого захвата, он перехватил ее за талию прижимая к себе. Девчонка возмущенно пискнула, за что Камден получил мой осуждающий взгляд. Он притворно закатил глаза, после чего сместил руку, плотно зажав веллади рот. Резко выдернул из плеча девчонки нож, и откинув его в сторону, прижал к месту раны ладонь, начитывая заклинание. Все это он проделывал с таким спокойствием, что мне не составляло труда представить, как с таким же выражением лица он вонзал юным адептам кинжал в сердце.

— Совпадение? — переспросила та моя часть, что отвечала за образ посланника Света. — А я разве что-то сделала? Путалась под ногами, да отвлекала внимание, чтобы дать время доблестному магу Воздуха вовремя меня спасти.

Я глупо похлопала глазками и состроила милую улыбочку. Ни дать, ни взять, классическая руми в беде. Когда я выбирала между посланником Света и артисткой

бродячего театра, мне стоило остановиться на последнем. Там бы меня ждал успех и звонкие овации. Тут же, великий и могущественный лорд Геригон, не спешил одаривать меня ни аплодисментами ни букетами роз.

Веллади всхлипнула. И как только Камден ее отпустил бросилась ко мне. Этот рывок был настолько неожиданным, что если бы она сейчас попыталась меня убить, я ничего бы не смогла сделать. Но вместо удара девчонка обняла меня за талию, прижимаясь к моей груди. Рефлекторно я обняла ее в ответ, чувствуя, как ее слезы впитываются в ткань моего безнадежно испорченного платья. Только сейчас я поняла, что янтарноокая малышка ниже меня на голову.

— Бедный ребенок, — произнесла я, одной рукой поглаживая ее по головке. — Что же нам с тобой делать?

— Давай удочерим, — неожиданно весело предложил маг. И почему-то именно этот момент Страж Клоу выбрал, чтобы появиться из-за стеллажа с цветами.

Я достаточно четко помнила тот день, когда впервые повстречалась с послушницей клана Крови. Часть тех событий была занесена в Дневник, дабы навсегда остаться в числе неприкосновенных воспоминаний. День, когда я решилась на отчаянный поступок что-то изменить в своей жизни. Когда осознанно запустила цепь трагических событий, целью которых была смерть человека, вносившего в мое существование хоть какой-то смысл. Я так сильно его любила, что практически довела себя до безумия, чтобы осмелиться сделать этот судьбоносный шаг.

В тот день было очень пасмурно. Грозовые тучи огромными глыбами нависали над горами, угрожая вот-вот пролиться холодным дождем. Дождь мог длиться несколько дней кряду, а то и седмицу, плавно переходящую в луну, а то и все две. Оказаться здесь в самый сезон дождей не рисковали даже самые заядлые охотники за куропатками и горностаями. Избегали этих мест и травники. Не заходили так далеко в лес по осени. Даже зная, что именно сейчас самое удачное время для сбора редких лекарственных трав, очень ценных для использования в сильнодействующих зельях. Недюжинной выдержки искатель добирался до тех участков, где зеленые массивы леса сталкивались в неравной битве с цепью вздымающихся к небу вершинами Ристлепских гор. Высотные пики тянулись к застланному тучами небосводу, как подсолнухи к живительному свету яркого солнца. Покрытые белоснежными шапками вершины, образовывали странные исполинские фигуры. С самого дня осеннего равноденствия они укутывались белым снегом, который сходил лишь к концу весны.

Если открыть карту и внимательно взглядеться в неровные наброски смельчака, рискнувшего исследовать хотя бы малую часть тех легенд, что не хуже густого тумана, окутывали тайнами Ристлепские горы, то можно заметить, что в основном многие участки бесконечных серых гряд изрезаны небольшими речушками, стекающими в маленькие долины. Бисерный почерк исследователя подмечал, что все найденные им горные озера обладали кристальной чистой водой и невероятно низкой температурой, лишь на несколько градусов не дотягивающей до температуры замерзания.

Наши пути с проводником разошлись у старого ветвистого дуба, чудом нашедшего себе жизнь среди каменистой местности. Мощные корни бугрились упругими венами, пропахивая себе дорогу среди валунов и мелкой разноцветной гальки. Чуть в сторону от него виднелась почти незаметная тропинка, уходившая извилистой нитью в горы. Эта дорожка должна было привести к закрытому перевалу, который по слухам, открывал путь к Затерянному городу бесстрашных воительниц.

На прощание проводник предупредил, что как хлынет дождь, обратно дороги не будет. Лес и долины превратятся в огромные всепоглощающие болота, стирая с лица земли вместе с тропинками и просеками, любую возможность вернуться назад.

— Куда бы вы не направлялись, — сказал он, уже раз двадцать шестой, за весь наш поход, — Лучше возвращайтесь сейчас со мной. Скоро смоем все. Вот вернетесь сюда в начале лета, тогда и дорога высохнет, и земля даст новую жизнь, и куда как безопасней станет передвигаться.

Я поблагодарила проводника за заманчивое предложение, и отдав ему вторую часть обещанной суммы, пояснила:

— Нет у меня этих полгода на отсиживание дома.

У меня и предыдущих-то не было.

Проводник тяжело вздохнул, пробормотав что-то про молодых и красивых девиц, предпочитающих губить свои жизни в богом забытых краях, а не от рук ревнивых мужей и страстных любовников, и не оглядываясь зашагал обратно в сторону леса.

Я вытащила Дневник. Между последними страницами был зажат сложенный в два раза потрепанный листок бумаги на котором красным пунктиром обозначилась тропинка. Я потратила безумные деньги, чтобы заполучить карту старого путешественника, сумевшего преодолеть Ристлепские горы.

В своем походе я почти полностью положились на магию, взяв с собой лишь небольшое количество вещей и провизии. Слухи и истории о грозных воительницах загадочного востока, доходившие до тех краев, где я жила, казались вымыслом уставших домохозяек и скучающих жен. Где-то в глубине таился страх, что все окажется ложью, вымыслом, преувеличением. Как можно вообразить, что обычная женщина, пусть и тренированная мастерами, способна победить мага?

Слишком невероятно.

Слишком заманчиво.

Ковен представлял из себя очень закрытое направление в магии. Вроде того же Ордена или Обители, только менее доступное для простого обывателя. Официально его разрешили через сотню лет после создания Империи. До сих пор Ковен был опутан ореолом таинственности, собирая вокруг себя всевозможные пугающие слухи. Больше всего людей волновали его кланы, поставляющие наемниц. Роль палачей на себя брали лишь несколько кланов. И только один специализировался на убийстве магов высшего уровня. Сестры Крови... Они сами выбирали себе жертвы и выступали им судьями. Они могли предоставить обвиняемому роскошь оправданий и защиты.

К сожалению, к Сестрам Крови нельзя было попасть ни по знакомству, ни за вознаграждение. Ковен отрицал существование этого клана, как и любую возможность существования заклинаний, способных лишить мага его способностей. И магическое сообщество предпочитало в это верить, страшась только одной вероятности наличия кровавого клана.

Тогда я не знала и этого. Только намеки. слухи. Не помню, на что надеялась. Почему была так уверена, что Сестры обязательно примут меня с распростертыми объятьями? Видимо, не смотря на всю катастрофичность ситуация, в которую сама себя загнала, я все еще продолжала жить иллюзиями. Определенную роль играло помешательство, сдобренное лунной болезнью. Даже запутавшись в бесконечных переплетениях размытых дождем тропинок, перевалов и горных ручейков, я продолжала верить, что Затерянный город прячется за следующим поворотом.

Когда разразился гром и небо начало извергать молнии, озаряя короткими вспышками ночную даль, я ушла далеко за пределы лесного массива. Забившись в одну из сырых пещер, наблюдала, как бледнеет небо, разрываемое на куски скользящими сгустками энергии. С каждым ударом разбушевавшейся грозы врывались короткие всполохи реальности. Я вдруг очень ясно осознала, что провизии у меня осталось всего на сутки. Редкие кусты ягод, попадавшиеся на пути, долго меня не прокормят. А в лечебных травах, которые можно было

найти на склонах, вовсе не разбиралась, предпочитая обходить стороной. Грибов не видела, но попадись и они, есть я их не рискнула бы.

Взбираясь на очередной перевал, я вывихнула себе безымянный палец. Ушибла мизинец и указательный на левой руке. Творить заклинания стало не просто сложно, но еще и болезненно. От некоторых вовсе пришлось отказаться.

Разглядывая извивающиеся под звуки грома язычки искусственного огня, я думала о том, что зря не оставила Дневник дома. Испугалась, что муж найдет его, и сможет расшифровать крамольные мысли, спрятанные в неровных строчках. А теперь Дневник останется здесь, в горах. И никто его не отыщет целые десятилетия, а может и больше.

Холодало.

Ближе к ночи заклинания начали барахлить. У магии Света есть дурная привычка выходить из строя при отсутствии небесных светил. Луну и звезды заволокло туманом. Мне оставалось полагаться только на собственные силы. Если вдруг шары света погаснут, останусь в полной темноте до самого утра.

Спать страшно.

Каждый раз закрывая глаза, я чувствовала на себе чей-то изучающий взгляд. Но ни одно из охранных заклинаний не фиксировало каких-то изменений вокруг. И все же сон не шел. Вместо него раз за разом накатывали жуткие мысли, одна хуже другой.

Сестра Крови появилась в тот момент, когда мои мысли пошли по третьему кругу самобичевания и жалостливых мыслей о своем бедственном положении.

— Кажется, у меня гости, — промурлыкала женщина.

Ей было около пятидесяти. Длинные черные пряди волос клубились беспроглядной тьмой, обрамляя черты жесткого, словно высеченного из мрамора, лица. Широкий лоб, густые брови, прямой нос, хищная улыбка и выпирающие скулы. Несколько шрамов над правой бровью и отравительное пятно, напоминающее ожог, на щеке. В искусственном свете заклинаний ее кожа казалась пепельно-серой, но я могла сказать наверняка, что и при солнечных лучах приятней на вид ее кожа не стала.

Женщину нельзя было назвать красивой или даже привлекательной. Но что в блеске бездонных глаз, в изгибе вызывающе-агрессивной позы, глубоком низком голосе, казалось невероятно притягательным.

Дикая помесь красоты и уродства.

— Кто вы? — я почти не испугалась, мысленно предполагая подобный результат.

— Ты знаешь, кто я.

Забыв про дыхание, я с изумлением наблюдала, как она плавно вошла в пещеру, аккуратно огибая все невидимые ловушки, расставленные мною перед сном. Каждое ее движение выдавало в ней опасного хищника. Только годы спустя я поняла, что это было намеренной демонстрацией силы, которую ей не составило бы труда скрыть.

— В приличном обществе принято представляться. — Я вылезла из-под тонкого шерстяного пледа, которым все это время укрывалась. Ноги болели из-за постоянного перенапряжения, ушибов и ссадин, поэтому оперевшись на один из уступов, я присела на небольшой валун. — Китра Латер. — Назвала я свое обычное прозвище, за которым всегда предпочитала прятаться.

— Приличное общество, — протянула Сестра, встряхивая копну волос. — Редко такое услышишь в свой адрес. И все же, — она прищелкнула языком, и сменив тон, явно кого-то

цитируя, протянула: — имена — они для тех, кто полной грудью дышит жизнью, а не для тех, кто ходит к смерти на поклон. Даруя красоту последним взмахом стали, мы отправляем грозных тварей в дивный сон.

Я не узнала пропетых ею строчек, но мотив казался очень знакомым.

— Это из колыбельной? — предположила я, тут же пугаясь собственной догадки. Кто станет петь своему ребенку такое?

— Любопытно, — ответила она. — Обычно слышат нечто весьма противоположное. — Женщина шагнула ближе, вырываясь из призрачного тумана теней. Свет магических шаров, мазнул несколько раз по ее фигуре, после чего издав жалобный треск, притух на несколько тонов. — Я вижу в твоих глазах луну, девочка. — Невесомо, кончиками пальцев, она прошла по моей щеке, подбирая несколько упавших на лицо прядей, и заправила их за ухо. — Ты одержима серебряным безумием.

Я дернулась в сторону, отстраняясь от навязчивого прикосновения. Сестра не стала меня удерживать, позволяя разорвать контакт.

— Даже твое имя кричит об этом, — продолжила она, отходя чуть в сторону. — Это ведь слово из какого-то диалекта, да? С дальних земель, что за Туманными скалами. Я узнаю это звучание. "Ки" — как добровольная жертва? Или смерть? Может, принесенная в жертву? "Ра" — это всегда дар богу. Богом здесь зовут Солнце или Свет? Идем дальше. Стоящее перед ним "т" — отрицание. Так что же у нас получается? Смерть, не принятая богом или жертвоприношение для демона?

Я была чуть больше, чем шокирована.

— Утопленница, — еле слышно пробормотала я. — Смерть не увиденная богом. Но некоторые народности предпочитают трактовать, как "Сохраненная для Солнца". Иначе — жертвенник или алтарь. А вообще, — я собралась с силами и ответила на пронзающе-ледяной взгляд женщины, — это просто имя.

— Так ты пришла сюда за спасением от безумия? — она как будто не слышала моих последних слов. — Здесь тебе не помогут.

— Не настаиваю, — зло ответила я. — Сдались мне ваши зелья и травки. Меня ими всю жизнь травили. Спасибо большое, этой милости я уже наелась. Отказывайте в спасении кому-нибудь другому.

— Что же ты здесь ищешь? — она обвела руками пещеру, нисколько не удивленная моим ответом.

— Что здесь икала — уже нашла, — нахмурилась я. Мне еще дома надоели все эти спектакли с притворством, игрой слов и вечной недосказанностью. О Свет, какой же я была высокомерной! — Я пришла за возможностью. За шансом осуществить свою месть. Я хочу убить...

Она не дала мне договорить. Рассмеялась.

Громко. Надменно. Фальшиво.

— Посмотри на себя. — Она ткнула в меня пальцем. — Сколько тебе? Лет двадцать? А ты уже слабая! Разочарованная. Уставшая. Пустая. Кому бы ты ни желала смерти — забудь. Ты не смогла красиво жить, не сможешь и красиво умереть. Оставь эту затею. Возвращайся обратно. Тринадцатый клан берет на воспитание только детей не запачканных ужасами этого мира. Несломленных. Готовых сражаться до последнего. Выгрызть свою судьбу из чужих глоток. А ты — просто глупый, озлобленный, эгоистичный ребенок.

— Может быть, — сквозь зубы, проскрежетала я, — но это не отменяет моего права на

отмщение.

— Нет, девочка, не отменяет. — Куда более спокойно ответила Сестра. Металлические бляшки на ее поясе звякнули. Она отцепила пояс с ножнами и положила на камень, после чего присела рядом. Теперь женщина не возвышалась надо мной, приняв позу равного. — Но в тебе уже очень-очень давно что-то сильно сломалось. Не знаю, кто это сделал. Лунное ли безумие? Родители? Может, мужчина? Не важно. Здесь не чинят сломанное. А по другому тебе результата не достичь. Если зеркало разбито, собери хоть все осколки и тщательно склей, отражение все равно выйдет кривым.

Мне не нравились ее аналогии. Звучало так, словно это могло быть правдой.

— Осколки. Отражения. Зеркала... — фыркнула я, пнув ногой мелкий камушек. — Я прошла весь этот путь не для того, чтобы теперь сдаться!

Зажженные шары света плавно покачивались в воздухе, то медленно опускаясь к самому полу, то вздымаясь вверх к потолку. Разыгравшийся театр теней наполнял пещеру пугающими изображениями, скачущими по неровной поверхности каменных стен.

— Докажи, — женщина оскалилась в жуткой улыбке.

— Как?

Она протянула мне бутылек из голубого непрозрачного стекла.

— Что это? — я откупорила пробку, пытаясь хотя бы по запаху определить содержимое.

— Аккуратней. Не вдыхай слишком глубоко. Это зелье позволит тебе выяснить, чего ты действительно хочешь. Если после его принятия, ты все еще будешь уверена в своих желаниях, то... может быть я подумаю над твоей кандидатурой, Осколок. Имей только ввиду, что потерпев неудачу, можешь не проснуться. Так что подумай хорошенько. Я не тороплю.

Тогда я совсем не понимала, о чем она говорит. Зелье совершенно не пахло магией, и в нем точно не было каких-то наркотических примесей. Поэтому я решила, что это обычная проверка на смелость: испугаюсь или нет.

— А чего тут ждать? — для своих лет я была через чур самоуверенна. Чего тут бояться? Меня дурят. Причем очень непрофессионально.

Я опустошила склянку в один глоток. Наградой мне стало полное удивления лицо женщины. А наказанием, резкий удар по самолюбию. Как оказалось, мой порыв был вовсе не самоуверенным, а глупым. Жидкость в бутылке была обычным укрепляющим зельем, а вот сам бутылек — опасным артефактом, который и отправил мое сознание в далекое путешествие.

Очнулась я спустя три дня. Уже в Затерянном городе.

Проснуться-то проснулась, да только почему-то в очередном кошмаре.

— Ты посмотри-ка, живая. А я уже собиралась оттащить тебя в выгребную яму, Осколок.

Я жадно вцепилась в протянутую фляжку, протянутую женщиной. Губы растрескались, а язык едва ворочался. Но все же, прежде чем сделать спасительный глоток, я поправила женщину:

— Меня зовут — Китра Латер.

— Больше нет. Отныне ты Осколок. Ровно до тех пор, пока не заслужишь свое имя обратно. А до тех пор, твоя жизнь будет принадлежать тому, кто окажется сильнее. То есть — любому в этом городе. Посмотрим, стоит ли за твоей бравадой хоть что-то. И да, меня

здесь все зовут — Мать.

Что я видела во время того трехдневного сна? Действительно ли это был сон? Иллюзия? Игра больного воображения? Блуждала ли я по лабиринтам разума или астральным подпространствам. Видела ли свое будущее? Я не бралась судить. Да это было и не важно.

Уже сейчас, валяясь в бреду и полудреме, после странного происшествия в ботаническом саду, вслед за воспоминанием о первом столкновении с Сестрой Крови, мне пришло другое. Совсем недавнее. Тот отрывок памяти, что был утерян во время первого жертвоприношения.

Теперь мне все стало ясно от начала и до конца. Весь смысл ритуала, проведенного Прией Парнс, Флемом и ирумом Камден. Всю его ошибочность. И тот закономерный результат, которого они достигли, желая получить чужую силу, призвав в наш мир монстра. Того самого, ради чьего изгнания я претерпела бесчисленное множество боли и унижения. Разрушила когда-то свою жизнь. Стала изгоем. Осколком.

Ночь. Та самая, когда я вышла из гостиницы и попала в руки к демонопоклонникам.

Где-то там, за пентаграммой из крови, сидел ирум Камден. Войдя в медитацию он должен был сопровождать мою душу на пути к тому монстру, чей Дневник призыва его приятели каким-то образом вырыли из глубин Нижнего мира.

В тот момент, как по лезвию ножа скользнула кровь, а женский голос принялся читать строфы могущественных заклятий на доимперском языке, мое сознание слилось с сознанием лорда Геригона в отчаянной борьбе за лидерство. Но мой разум был слишком слаб, чтобы представлять из себя достойного соперника. До меня донесся лишь слабый отголосок мысли противника, прежде чем я окончательно выпала в другой пласт нашего мира.

"Как же я не люблю зиму. Сколько себя помню, белый цвет всегда вгонял меня в уныние — звучали его слова в моей голове."

"Отлично, — пообещала тогда я. — Как выберусь из этой астральной ловушки, обязательно устрою тебе жаркий прием."

Глава 10

Воспоминания о моем первом жертвоприношении продолжались.

...Когда мельтешение посторонних мыслей прекратилось, а расплывающаяся реальность приобрела приемлемую четкость, я неожиданно осознала себя идущей вперед по заснеженной тропе закутка в подпространстве Нижнего мира.

"Холод и снег" — ну, кто тут решил материализовать свои скрытые страхи? Дайте мне минутку и я быстро набросаю список возможных психологических расстройств, связанных с подобной обстановкой. Как насчет боязни стать всеми покинутым и умереть в неизвестности, или страха быть отвергнутым любимой женщиной? Откуда вокруг застывшая в немом ужасе природа, закованный в ледяные цепи лес, промерзшая до хруста земля и укатанные белым саваном еловые ветви? Что за больная фантазия так изощряется над прекрасным обликом красавицы-зимы?

— Эй! Что тут происходит? — Я попыталась ухватить впереди идущего человека за рукав, но пальцы цапнули лишь воздух. — Куда вы направляетесь?

— Куда **мы** направляемся, — поправляет мужчина, немного нервно оглядываясь по сторонам.

— Я иду вместе с вами? — засомневалась я.

— Нет. Отдельно. Но дорога одна. И ведет она только в одно место.

Начало разговора мне уже не нравится. К жертвам ритуалов надо относиться добрее. Все-таки мы ради ваших прихотей отдаем свои жизни.

— Я могу развернуться и пойти обратно, — возразила я.

Пошутила, конечно. Обратно нельзя. Серый шлейф застилает небо, а мертвые деревья черными черточками на выцветшем полотне преграждают путь. Возвращаться той дорогой нельзя. Более того, нет даже простого желания остановиться и закатить истерику. Сейчас мы в другом пространстве. И правила здесь отличные от наших. Если я перестану двигаться — умру. Превращусь в ледышку и стану частью этого замерзшего Нижнего мира.

— А куда мы идем? — я не оставляла надежды завязать разговор с безликим мужчиной.

— К монстру, — не оборачиваясь, бросил он, ускорив шаг.

— А... зачем?

Человек не ответил. Я попыталась догнать его. Но бежать и одновременно отогревать руки в карманах не выходило. От быстрых движений должно было стать теплее, но почему-то от возросшего темпа ходьбы иголкам мороза все проще и проще добираться до тела.

— Вам что, совсем-совсем не холодно? — крикнула я вдогонку.

Мой спутник всего на мгновение замедлил шаг, чтобы негромко ответить:

— Тебе холодно, потому что ты умираешь. А умираешь ты, потому — жертва.

— Чушь, — фыркнула я. — Пока там — в реальном мире, а там не проткнул мое сердце, я тут просто любопытный путешественник. Имейте уважение... И отдайте свой плащ, раз он вам не нужен в качестве защиты от холода.

— Это, позвольте, я решу сама.

А ведь мог бы и проводить! Это же в его интересах в конце-то концов! Ну и к демонам его. Доберусь без чьей-либо помощи! Дорога одна, правильно? Вот в конце и посмотрим, кто из нас жертва, а кто... кто... красивая и обаятельная руми, способная справиться с любой ситуацией. Да... с любой. Я — гений. Непризнанный. Но это только добавляет некую изысканность моим решениям. Верно. Я умею много думать, иногда даже о чем-то полезном, а в некоторых исключительных случаях из этого выходит какой-то толк.

Дорога сузилась до тропинки. Загадочное место, где «все там будем», все не появлялось. И загадочный мужчина тоже. Если я не найду способа оставить этого ирума здесь вместо себя, то так уж и быть, первые лет десять буду являться к нему в кошмарах и после пятой рюмки.

Согреваемая только бушующим ураганом мыслей, врезаюсь в неожиданное препятствие. Из ниоткуда выскакивают кованые ворота. Сделав несколько шагов в сторону, отыскиваю калитку. Она поддается сразу, без всяких уговоров и увещаний. Под ногами вырисовывается дорожка, ведущая сквозь укутанный сугробами садик, прямо к небольшому домику с выкрашенными в голубой цвет ставнями.

— Й-е-есть к-к-кт-то? — нахально врываюсь в парадную, не удосужив стуком дверь. — Мне б-безумно-б-безумно ж-жаль от-т-травыть в-вас от оч-чень важ-ж-жных и люб-бых прочих д-дел, н-но-но-но я от-тсюд-да не уйду, п-пока н-не см-м-могу п-п-произ-знести это пред-д-дложение без-з-з за-за-з-запинок.

Оглядываюсь, чтобы найти хозяина. Или того наглого мужика. Но нет — никого. Прохожу дальше. Дом определенно жилой. Выглядит достаточно ухожено, но в глаза сразу бросается скупость обстановки. В наличии лишь тот минимум, что необходим для жизни самого обычного... эм... демона-горожанина? Диван с двумя подушками, книжная полка с небольшим количеством содержимого, лестница на второй этаж, камин, круглый столик с керосиновой лампой...

И вот я заметила камин. Растопленный камин. И все остальное сразу стало каким-то скучным и неинтересным.

— Какой приятный сюрприз, — доносится голос, мгновенно заставляя душу взвиться в агонии острой боли.

Конечно, я узнала его. Не существует столько столетий, чтобы забыть человека, которого ты обрек на вечное существование в филиале Нижнего мира.

Время застывает. Я боюсь сделать вдох. Мысли застревают где-то между пластами реальности, оставляя вместо себя кристальную чистоту. Сердце и вовсе забывает свой привычный ритм, пропуская несколько ударов, а после срываясь на барабанную дробь марша.

Я хочу произнести его имя, но оно тонкой корочкой замерзает на губах. После того что я сделала, я больше не имею право звать его. После того, что сделал он, мужчина не имеет право откликаться. Просто два незнакомца — вот кем мы могли быть сейчас друг для друга.

Только бы не заплакать.

— А я не к тебе в гости, не обольщайся. — Нагло отвечаю я, неохотно поднимаясь. Негоже продолжать разговор в коленопреклоненной позе. — На огонек зашла, погреться.

Зубы перестают стучать. К конечностям возвращается чувствительность отмороженных частей тела нет. Жизнь почти можно назвать прекрасной. Если бы не существо мужского пола, возвышающегося надо мной. Теперь, повернувшись к нему лицом, я могу видеть то, что до сих пор позволяла себе упускать. Он другой. Неправильный. Непривычный. И все же родной.

Дышать почти больно.

Противный голосок нашептывает, что если я сейчас сдамся и позволю принести себя в жертву, то смогу остаться с Ним.

Мужчина с непонятной грацией приближается к камину, и я рефлекторно отшатываюсь в сторону. Хозяин (а кем он еще может здесь быть?) кидает в огонь несколько поленьев. Огонь звонко пощелкивает, облизывая поданное угощение.

— В тебе чего-то не хватает. — Задумчиво говорит Он.

За окном становится темно, а по стеклу ползут ледяные узоры. В растопленный камин летят еще два полешка.

— Души? Или сердца? — подсказываю. И мысленно отвечаю себе пощечину.

Я говорю ужасно-неправильные вещи.

А он молчит. Смотрит. Долго так. Странно. Словно сквозь меня видит. И видит ту самую эфемерную субстанцию, что называют душой. А я волнуюсь. Чего он там разглядел? Или, наоборот, не нашел?

Но тут он отвечает:

— Смысла.

— Что?

— В тебе нет смысла.

Я в растерянности. Он поправляется:

— В тебе такой нет смысла.

— Уверен?

Пожимает плечами, мол, думай как тебе угодно.

Я не согласна. Нельзя кидать в лицо подобные слова, а после отмалчиваться. Завуалированное хамство.

— Хочешь сказать, у меня отсутствует цель? — пытаюсь уклониться. Как Он смеет исключать из нашей головоломки Эрин?

— Ты забыла разницу между смыслом и целью? — Он не то чтобы удивлен, скорее вовсе не заинтересован в моем ответе. Впрочем, как обычно.

Я нахожу забавным, что Он принимает мою игру, и не позволяет себе называть мое имя.

Огонь вспыхивает, и блики на стенах дергаются в сторону, мимолетом проскальзывая по радужке холодных глаз.

— Не смей мне говорить такие вещи, — срываюсь я. И не удерживаюсь от того, чтобы не бросить обвинения. — Это ты и твои тайны во всем виноваты. Этот... Кaleb, — имя режет слух, и оседает на языке прогорклыми кристалликами. Во мне говорит кто-то другой. Кто-то злой, усталый, только что проснувшийся и скорее всего не накрашенный. Милое альтер-эго. — Его эксперименты... Агр-х! Я имею представление, что такое цель. А вот смысл... Его лишена. Не без вашей помощи.

— Лишена? — он мог бы ввязаться в спор, но предпочитает ухватиться за случайно оброненное слово. — Чтобы чего-то лишиться, надо иметь это в наличии. Видишь того человека?

Оглядываюсь. У двери сидит мужчина. На полу. Странно сидит. Словно тряпичную куклу посадили в игрушечный домик. Руки безвольно лежат по швам, ноги выпрямлены, и носки сапог смотрят в разные стороны. Голова покоится на груди. Не похоже, что человек спит. Это мой временный провожатый, убежавший вперед. Ну что, набегался, посвященный?

— Он умер? — Я задаю вопрос, а тем временем вспоминаю: сегодня это не первый увиденный мной мертвец. Там — перед входом, где ограда обвита сухими ветвями, и шапки снега мирно покоятся на территории нечищеного палисадника, в странном, замысловатом порядке, следуя дикой логике творца, среди сверкающих яркой белизной сугробов расставлены черепа. Я не обратила на них внимания при свете дня. До того как рука потянулась к дверной ручке, я лишь оценила гармонию, восхитилась авторским решением и мастерски вписанных в окружающую обстановку человеческих останков, а испугаться — нет, не испугалась.

— Нет. Хотя... буду с тобой откровенным — уж это я могу себе позволить? — он никогда особо и не жил. До нашей встречи.

— Как и те люди, чьи кости лежат на улице? — Сомневаюсь я.

Хочу отступить на несколько шагов, но вовремя понимаю, что пара метров ничего не решает. Дурацкое самомнение не позволяет помыслить, что моя черепушка вскоре окажется венцом садоводческого декора. Он ведь... не посмеет?

— Они... — Он замолкает, подбирая слова. Вся его холодность в мгновение спадает, сменяясь неуверенностью и неодобрением. По коже бегут мурашки, а я жалею о заданном вопросе. Наконец, слова слетают с бледных губ мраморной статуи: — Они должны были жить. Большая часть — так уж точно. Я... я тут не при чем. Я этого не хотел. Но, кажется, они не совсем понимают, что делают.

Бросаю мимолетный взгляд в окно, но это не остается незамеченным. Вздыхаю и даю короткое пояснение:

— А сколько их там?

— Одинадцать-двенадцать... Вот сколько их там. Плюс-минус...

— Я? Плюс-минус я?

Улыбаюсь. Он кажется забавным. Нет, не так. Все серьезное мне кажется забавным. А

он сейчас выглядит крайне серьезным.

— Я не убийца.

Точно. А я не эгоистка и на досуге собираю белые ромашки на лугу.

— Не веришь? До сих пор?

— Верю. — На самом деле, при всей своей внутренней взбалмошности и вдолбленной ожесточенности, я не часто спорю с людьми. Еще реже спорю с теми, кто больше не является представителем рода человеческого. В открытую, разумеется. — Наверное, здесь место особенное. Вот те одинадцать-двенадцать и пришли сюда соломки постелить. Или земля тут как-то мягче. Духовная концентрация выше. А может, они все изначально были потенциальными самоубийцами. И все как один к тебе приходят исключительно по собственному желанию.

— Жертвоприношение...

— ...проводишь не ты. Понимаю. Ценю. Но ты позволяешь это. Как один из этих проклятых демонов, понимаешь?! — Я насильно заставляю себя успокоиться. — Не важно. Это уже не мое дело, что тебе нравится и чем ты теперь занимаешься. Мне вот здесь не очень. Энергетика не моя. И я уже как-то решила, что хочу покоиться где-нибудь в горах. Высоко-высоко. Вокруг никого и только холодные облака медленно проползают над вершинами, скользят по острым выступам и тяжело переваливаются через неровные гряды гор.

Что еще за взгляд? Вменяемая, я вменяемая. На мне давно стоит печать, защищающая от лунного безумия. Хорошо стоит. А главное — вовремя. И не пью я ничего крепче какао. И само какао не пью. Откуда столько подозрительности?

— Ты можешь уйти в любой момент. — Кажется, он расстроен. Я в очередной раз не оправдала возложенное на меня доверие?

— Могу или должна? — обиженно уточняю.

Он устало потирает переносицу, и я почему-то представляю его в очках. Очень бы они ему пошли. Но, хорошо, что он их не носит. Тогда его персону смотрелась бы совсем чопорно и серьезно. Я бы не сдержалась от смеха.

— Ты задаешь вопросов больше, чем хочешь услышать ответов.

— Я вообще в ответах не нуждаюсь, — дуюсь. — Особенно в твоих. Наслушалась уже. На парочку жизней вперед еще хватит.

— Оно и видно.

— Я не это имела в виду!

— А, — понимает он. — Ты здесь и вправду случайно?

Я не хочу отвечать на этот вопрос. Я просто надеюсь, что воспоминания об этом ритуале исчезнут вместе тоской и горечью, попеременно сжимающих мое сердце.

— Во что же ты ввязалась?

— Ты согласишься, если я скажу, что все началось с фонаря?

— Конечно. Мы ведь так с тобой и познакомились.

Я вздрагиваю.

Об этом я совершенно забыла.

— И на этом нам придется расстаться, — продолжает он, и пока я не перебила, быстро добавляет: — Я не прогоняю. Но и не держу. В моем положении глупо отказываться от любого собеседника. Но ты еще жива, хотя и спишь. А живым здесь не место.

— Какая-то завуалированная угроза получается, — невежливо хмыкаю. — Но я и не

собиралась долго в гостях задерживаться. Он, — киваю на человека у двери, — искал монстра.

— Нет, он шел за силой монстра.

— Кажется, у него ничего не получилось. Плохо старался?

— О, нет. Напротив. Он получит гораздо больше того, на что рассчитывает. Он немного похож на перчаточную куклу, согласись?

Я киваю. Тоже так подумала.

— Но ты же отпустишь его?

— Почему бы и нет? Но не без подарка. Надо же дать человеку то, что он так настырно выпрашивает.

Обхватываю себя руками. Огонь неистово пылает в камине, прожорливо опалая каменную кладку. Так с чьего благословения, по коже то и дело пробегает холодок, а ноги превращаются в ледышки? Ведь отогрелась совсем недавно. Холодно. К источнику тепла и света не приближусь. Существо в человеческом обликии преграждает путь.

— Если уйдешь сейчас, еще успеешь, — внезапно произносит Он.

— Я куда-то тороплюсь?

— Ты куда-то опаздываешь.

— А ты, смотрю, не разучился говорить понятными словами.

— Должность обязывает, — парирует Он уже немного угрожающе.

Мне кажется, он сказал сейчас что-то очень важное, но я не могу зацепиться за смутное подозрение, мелькнувшее цветной дымкой. Потому что тогда придется вспоминать что-то еще, а у меня... Мало времени.

— Наверное, ты прав и мне пора. Выйду через заднюю дверь, если ты не против. Что-то подсказывает: парадным входом давно не пользовались как выходом.

На его лице не улыбка, а трещина расколовшая айсберг.

Замираю и неуверенно произношу:

— Кто ты теперь?

— Монстр.

— Это правда?

— Это не ложь.

Прежде чем уйти, я в последний раз оборачиваюсь, чтобы на прощание услышать:

— Мы скоро встретимся вновь.

— Я не завсегдатай жертвоприношений, если ты вдруг решил, что это мое новое увлечение.

— Я тоже. Но знаешь... зима — она не вечная.

Выскакиваю на улицу. Иголки мороза вонзаются в незащищенные одеждой участки кожи. И ноги. Дико холодно ногам. Из рта идет пар. Я почему-то без шапки и нет перчаток. Снова прячу руки в карманы. Теплее не становится.

Делаю несколько шагов под хруст снега. Не проваливаюсь. Хорошо. Ускоряю темп и несколько мгновений спустя ойкаю, уходя в сугроб почти по пояс. Оборачиваюсь, но тут же откидываю мысль о возвращении по той тропинке, что привела в этот странный дом.

Пробираюсь через колкие ветки бурелома, припорошенные снегом. Ноги заплетаются. Если бы не тускло поблескивающие на небе звезды — валяться мне под каким-нибудь пеньком. А так — оцарапанное лицо, ободранные руки, да замерзшие прочие конечности.

Большая часть сил уходит на то чтобы выбраться из очередного сугроба и тут же угодить

в другой. Все ругательства заканчиваются еще после первого десятка падений, а на повторение бранных слов не хватает морального и духовного равновесия.

Тихо ругаюсь, проклиная демонов, лунных тварей и прочих темных сущностей. Выбираюсь, загребая руками колючий снег. По темноте, зимой, в неизвестном направлении и по лесу. До такого только я могу додуматься.

Почему, переждать ночь в протопленном доме, кажется, гораздо опасней предстоящего путешествия? Потому что этот мир лишь иллюзия, проявившаяся благодаря кровавому ритуалу, который должен закончиться вместе с моей смертью. И мне стоит проснуться чуть раньше, чем заклинательница закончит свое заунывное пение и позволит проткнуть мне сердце.

Передо мной белая стена снега. Она движется. Закручивается в спирали. Поднимается и вверх и лавиной несется обратно. Знаю, что нет смысла, и быть мне погребенной под одеялом холодной смерти, но, зажмуриваю глаза и в защитном жесте выставляю руки перед собой.

Заклинание Света.

И это последнее, что я успеваю сделать...

...Я вижу крюк. Обычный такой крюк. Он ведь даже не мой... ***

Когда я проснулась в кровати приюта Милосердия, то очень-очень сильно надеялась, что все произошедшее, начиная с ночной вылазки для встречи с не-Ледой и заканчивая разгромом ботанического сада, было всего лишь дурным сном. Совершенно не хотелось открывать глаза и проверять возникшую надежду на жизнеспособность. Казалось, что если я приведу достаточное количество аргументов в пользу того, что мне все приснилось, — это могло действительно как-то повлиять на результат.

— Ты проснулась? — посторонний голос сработал не хуже ушата ледяной воды.

Распахнув глаза, я резко села, мгновенно оказавшись прижатой спиной к спинке кровати. И только после этого почувствовала пронзающую боль во всем теле, которую перекрыло осознание, что в изножье постели сиди кареглазая девчонка. Забравшись с ногами на кровать, она не сводила с меня немигающего взгляда. На веллади болталось мое ночное платье — изумрудно-зеленое с рисунком павлиньих перьев. Великовато размера на четыре, оно свисало вниз оголяя плечо. В таком виде девчонка почти не напоминала себя утрешнюю, тем более, что все лишние заколочки, шнурки и висюльки с волос исчезли. Не настолько веллади оказалась глупа, чтобы светиться атрибутами Крови близ Обитали.

— Что ж так больно? — жалобно простонала я, то ли жалуясь на плачевное состояние тела, то ли на возникшие душевные муки. Ведь давно знала, что нельзя принимать серьезных решений, находясь в раздербанных чувствах. Так нет ведь, притащила себе в палаты убийцу. Неужели утром эта идея и правда была настолько хорошей?

— Лекарь сказал, что это нормальная реакция организма, — ее голос звучал звонким переливом, отчего у меня в голове начиналась пульсирующая боль.

Как после похмелья.

— А что он еще сказал? — спросила я, оглядываясь по сторонам.

На прикроватной тумбочке стоял поднос с двумя дюжинами разных бутылочек и флаконов, разной формы и содержания. Этот набор раза в четыре превышал мой обычный рацион ежедневных зелий. Воспоминания тут же подбросили тот момент, как по возвращению в приют лекарь отчитал меня, как сопливую девчонку, после чего угрожал запереть в комнате до конца лечения и выставить стражу из настоящих Стражей. Его слова звучали настолько правдоподобно, что я заволновалась, а не дежурит ли парочка верных служителей порядка за дверью?

— Сказал, что у вас с ним назрел серьезный разговор в виде ежедневных полуторачасовых лекций о последствиях неисполнения пациентом настоятельных рекомендаций лекаря, — протараторила она заученную фразу.

— Кто бы сомневался, — фыркнула я, разглядывая бутылочку из толстого стекла. По сложившейся в медицине традиции, укрепляющие зелья хранились в оранжевой таре, а обезболивающие в синей. Несмотря на боль и ломоту в костях, я предпочла начать прием лекарств с теплых оттенков.

— Еще он прочитал лекцию мне, — девчонка внимательно следила за моим выбором последовательности принятия зелий. — О том, что являясь твоим близким родственником, я обязана следить за твоим состоянием, и действовать решительно и бескомпромиссно, когда дело доходит до здоровья. Даже если это идет в противовес твоим желаниям.

"Вся моя жизнь идет в противовес моим желаниям, — передразнила я мысленно лекаря, после чего едва не поперхнулась прозрачной жидкостью синего бутылка. Кажется, разозлившись, лекарь не стал смягчать жгучую смесь корнем солодки, оставив мне еще одну причину раскаиваться в своих поступках."

А потом на меня нахлынуло еще одно воспоминание, где бледнее, краснее и заикаясь, я представила Стражу Клоу и мастеру Эстефу, заявившимся так не вовремя в ботанический сад, юную велладу своей племянницей.

"Она дочь моего брата, — с самым серьезным лицом начала врать я. — Очевидно бастарда, потому что в моей биографии никаких братьев нет, я помню, мастер Эстеф. И это закрытая информация. Очень личная, поэтому не надо лишних вопросов. Особенно о том, почему она на меня совсем не похожа. Раскосыми глазами она в мать, это же очевидно. Восточная кровь достаточно сильная, запросто стирает все благородные черты лица. А ситуация деликатная, девочка не поступила в Академию и теперь — посмотрите только, во что одета! — пошла по наклонной, связалась с дурной компанией. Нет, лорд Геригон, это я сейчас не о вас. Вон, стекла поразбивала, сама пострадала и нас покалечила. Да, именно поэтому мое платье в таком состоянии, спасибо что так деликатно обратили на это внимание всех присутствующих мужчин, Страж Клоу. Вы в впопыхах успели растерять все свои манеры? Что? Как племянницу зовут? Ну так... а угадajte. Это не невозможно, а очевидно, вот что вы имели ввиду. Вот вы что перед собой видите? Осколки? Прошу прощения, лорд Геригон, вы сейчас вообще на чьей стороне? А, оборванную лиану в осколках видите. Слышите, Страж Клоу, ваш друг, между прочим вам, а не мне подсказывает. Девочку Лианой зовут. Что значит, как-то не по-восточному, мастер Эстеф? Это не я же ей имя придумывала, а отец так соргинальничал. А, вы имеете ввиду, что не по-восточному отдавать родившуюся внебрачную дочь мужчине, даже если он бастард? В таких ситуациях девочек отдают на воспитание в приют Ковена? Ну... так и было, чуть не отдали. Семья вовремя вмешалась. Решили, не дай Свет, родная кровушка да и в Сестры Крови еще попадет. Уж лучше в Свет. Ну да, сначала в Академию, а если не выйдет, то в Свет. Я не поняла, Страж Клоу, вам что в этой истории не нравится? Это жизнь, я же вам не на ходу сочиняю, а наши реалии рассказываю. При чем во всей этой истории курьер? Да не при чем. Он записку от брата доставил, что надо за дочкой приглядеть. Да, курьер из ботанического сада доставляет мне письма от брата, который сейчас на востоке. Вы как будто не в нашей Империи живете, Страж Клоу. Обычная ситуация для Старого города, с вашим-то тотальным контролем. И вообще, я устала. Набросились тут на меня, тоже мне мужчины! И нет, не надо за подробностями идти к лорду Геригону, мастер Эстеф. О чем это вы с ним решили серьезно поговорить? О вон том оружии на земле? Ну да, поговорите. Конечно это его, не я же его с собой притащила, да лорд Геригон? И кстати, за погром, он здесь заплатит. Почему, а вот он сейчас все сам подробно расскажет. Или не очень подробно, он все-таки лорд. Имеет право."

— Еще кто-нибудь заходил? — морщась уж от горечи содержимого желтой бутылочки, поинтересовалась я.

— Снежный барс заходил, — почему-то смутилась девчонка, чуть опустив глаза. — Его правда так зовут?

— Ирбис? Да, он неплохо освоился в жарком климате Старого города. — Следующий десяток зелий прошел почти гладенько. Видимо, лекарь под конец успокоился, и решил пока не избавляться от меня жестоким способом. — Погоди, он-то что здесь забыл?

— Ничего не забыл, — нахмурилась веллади. — Спрашивал, не попала ли ты на очередное жертвоприношение и уточнял, где ты их находишь? Другие днем с огнем их отыскать не могут.

Я представила Ирбиса с его склочным характером и иронией, горше, чем все выпитые зелья, и уточнила:

— Это все, что он сказал?

— Н-нет, — ответила девчонка, но почему-то пояснять не стала. Пришлось вытягивать.

— Что, он какие-то неприличные слова использовал? Ты давай, не стесняйся. Нашла кого защищать.

— Ну... — девочка еще немного помялась, но под моим настойчивым взглядом выдохнула. — Сказал, что если ты опять угодила на жертвенный алтарь, то может тебе стоит задуматься, почему демон уже в третий раз отказывается брать твою душу? Мол, товар не очень или брать нечего?

— Вот же хам! — сначала возмутилась я, а потом искренне рассмеялась. Знал бы Ирбис, как он близок к правде.

Девчонка неуверенно улыбнулась, явно не до конца понимая моей реакции.

— А потом южанин пришел.

— Южанин? — переспросила я. — А, Страж Солнца — Имир Клоу. Он не южанин. Вроде бы... А этот чего хотел? Тоже ругался?

— Нет, — растерянно ответила девчонка, впопыхах нареченная Лианой. — Проверял, не сбежала ли ты опять. Спрашивал, нужна ли какая-нибудь помощь.

— А ты? — что-то мне совершенно не нравилось, что в мою комнату экскурсию устроили, а я даже не проснулась ни разу. Может, пора вход платным делать? Придумали тоже, видят мою "племянницу" в первый раз, а уже наострились через нее на меня воздействовать. Один говорит — следи, да мне докладывай, второй — следи, а то еще пропьет свою душонку демонам за партейкой в карты, третий — следи, а я тебе взамен, что попросишь. Шантаж, угрозы и подкуп, — ничего себе так приют Милосердия. Умеет удивить.

— Сказала, что платья на выход нет. Багаж мой еще не доставили. На ужин пойти не в чем будет.

— Ужин? — мой желудок издал расстроенные звуки. Он тоже не совсем понял, почему меня решили оставить без обеда. Чтоб силенок убежать на осталось?

Лиана верно истолковала мой вопрос.

— Нет, не переживай. Обед сейчас принесут. Когда я поняла, что ты просыпаешься, я позвала... сестру... — появившееся недоумение сменилось ярким всполохом живого любопытства. — Они тоже сестры? Как можно быть сестрой Милосердия? Не слышала с таком клане. Он тайный?

— Клан? — я на секунду задумалась, подбирая слова. — Да, можно его таковым назвать. Клан при Обители Солнца. Вспомогательный. Искусство врачевания. Немного другой вид сестринства. Я тебе в следующий раз расскажу.

Или никогда. Лучше, никогда, конечно.

— На ужине? — Кажется, эта ситуация и ее стала забавлять.

— Да что там с этим ужином?! — воскликнула я, предчувствуя большую беду.

— Мастер Эстеф о нем говорил, — охотно пояснила Лиана. Как-то быстро эта мелкая веллади вживалась в роль моей племянницы. словно мы не пять часов назад познакомились.

Определенно, ей нравилось происходящее больше чем мне. Конечно, где еще бесплатно такой цирк увидишь?

— В мою комнату дверь вообще закрывалась? — Допив последнее лекарство, я обреченно опустила обратно на подушки. — Она здесь же не ради красоты стоит, правда? — Девчонка повернулась к двери и оценив ее задумчивым взглядом, только пожала плечами. Отбросив лирику, я вернулась к насущному. — И что там с мастером Эстефом?

— Просил напомнить, что вы утром договорились с лордом Геригоном решить вопрос о наставничестве. И раз уж дело такое серьезное, мастер Эстеф согласился выступить посредником между Светом и Стихией.

— А его что, кто-то просил? — я смутно помнила завершение утра, но не до такой степени, чтобы забыть подобную подлость судьбы. — Что-то я не помню себя стоящей на коленях и взывающей к его светлой персоне о подобной милости.

— Нет, — и уже во всю наслаждаясь, велледи пояснила. — Мастер Света сказал, что ты никогда бы не решилась просить его о подобной услуге, но поскольку все посланники для него, как дети родные, он с радостью возьмет на себя всю ответственность. Не отпускать же посланника Латер на ужин к лорду Геригону в одиночку? Иначе лекарь сожрет нас обоих с потрохами и косточек не оставит. А так, хоть под присмотром будет. Кто лучше других позаботится о ребенке Света, как не мастер?

— Красиво сказал, — не удержалась я от завистливого вздоха. И на ужин к лорду напросился, и нос свой в чужие дела засунул, еще и ирума Камдена допросит между делом. Вот ведь старый лис! Не зря мантию мастера носит. Но я тоже не порченной породы. Закончу комедию с Сестрой Крови в два действия. Спасибо за внимание, уважаемые руми и ирумы, спектакль окончен, можете расходиться. Верну девчонку Старшенькой и поминай как звали. А этим охотничкам до чужих племянниц скажу... придумаю что-нибудь. В первой что ли?

Ужин... Выдумали мне тоже. Вот я вся такая взяла и полезла в пасть к трехглавому льву. Не на ту напали.

В дверь постучали.

Ну, кто там еще меня сегодня не проведаль? Разве что Мальт. Мальт... Мальт! А куда делся Мальт? Я его что, в карете Камдена оставила?! Возвращалась-то я в экипаже со Стражем, мастером Эстефом и Лианой... Блеск! Вот так я людей и теряю. Может, и Эрин никуда не исчезала, а вот точно также осталась в какой-то карете? Туфу ты! Она же не вещь какая. А Мальт... Будет знать, как спать где попало.

Не дождавшись моего ответа дверь отворилась. В комнату зашла сестра Милосердия с огромным подносом еды, явно рассчитанной на большее количество персон, чем требовалось. Поставив его на столик, она вернулась к двери, и провернула в замке ключ. С нашей стороны.

Та-ак...

Ах, простите. Сестра, да не та. По крови, а не по милосердию.

— Не хотелось чтобы нам кто-то помешал, — пояснила женщина, взяв стул от секретера и подсаживаясь ближе ко мне. — Руми Латер, верно?

Мне нравился ее голос. Он звучал очень чисто и гладко, совершенно не режа мой обострившийся слух. А главное, никаких угрожающих ноток. Нынче это редкое качество.

— К вашим услугам, — устало ответила я, вновь возвращаясь в сидячее положение. На этот раз, обошлось без стонов боли с моей стороны. Новый зритель требовал больших

стараний.

— Полагаю, мне не надо представляться?

— Не утруждайтесь, — милостиво позволила я, внимательно разглядывая свою посетительницу.

Форма сестры Милосердия полностью скрывала ее фигуру. Но тут можно и не гадать. Подтянутое, натренированное тело с энным количеством шрамов разной степени давности и безобразности. Смуглая кожа спрятана за слоем белил, форма глаз изменена незаметным макияжем. Волосы спрятаны под косынку, и, скорее всего, цветом не сильно отличны от моих косм. Разве что на локоть длиннее.

Как бы странно это не звучало, но предстоящий разговор меня радовал. Не только потому, что я была уверена в своей безопасности. Вовсе нет. Что взбредет наглую Сестре, сумевшей прорваться в приют Милосердия среди бела дня, я не знала. Но, по крайней мере, меня ожидал обед. И, судя по исходящим от него запахам, он обещал быть лучшим, что случится со мной за день. Даже, если Сестра подмешала в него яд.

Названная Лианой, подала мне кроватный столик, расставила на нем блюда, и помогла мне комфортно усесться. Не без опасений, я позволила ей все это сделать. Голод победил осторожность. Сама же девчонка вернулась обратно к краю кровати, забрав себе поднос с оставшейся едой. Старшая от еды отказалась. Когда все отвлекающие от дел проблемы были устранены, женщина продолжила разговор.

— Ты жива, — резюмировала она очевидное, сразу потеряв один пункт в моих глазах.

— Не без этого, — согласилась я.

— Я говорила о яде, — пояснила она. — Я наблюдала за вашей дуэлью благодаря связующему амулету. Ты жива. Яд не подействовал.

Мне как-то сразу стало неловко, но я сумела не подавиться наспех заглоченным кусочком сыра.

— Классическая ошибка, — возразила я, назидательно подняв указательный палец левой руки вверх. А правой продолжая выискивать самый аппетитный кусочек жареной картошки. — Зелье, нанесенное на нож, сработало именно так, как и должно было, исходя из свойств своих составляющих и способа его приготовления. А именно — насытило меня некоторым количеством витаминов.

— Допустим, — согласилась Старшая. — И у тебя нет иммунитета на определенные виды ядов?

— Не увлекаюсь, — честно призналась я. Был у меня когда-то период паранойи, но очень быстро прошел. Как оказалось, быть зарезанной в подворотне или погибнуть от рикошета заклинания незадачливого мага гораздо больше шансов, чем быть отравленной. Более того, опыт показал, что проще научиться мастерству изготовления ядов, и уметь их вовремя распознавать, чем травить себя на протяжении жизни мелкими дозами, дабы в один чудесный момент смело глотнуть губительное варево.

— Хорошо, — заключила она. И в этом ее "хорошо" точно не было ничего хорошего. Женщина крутила в руке какой-то амулетик, и я могла только предполагать, какими он обладал свойствами. Скорее всего, легкая версия "сыворотки правды" или "длинного языка". — Я читала результаты расследования дела о жертвоприношении, — она выразительно на меня глянула, ожидая какой-то реакции. Я не стала ее разочаровывать.

— Его все читали, кроме меня. — Изображать возмущение мне не пришлось.

— В нем сказано, что ритуал лишил тебя магических сил. Это правда?

— Нет. — О, Свет! Если бы у меня было желание, я бы с такими допросами таких дел наворотила!

— Это, — она обвела рукой палату, — ложь?

Ее глаза заблестели предвкушением.

— Опять же, нет, — если бы еда не подняла мое настроение, я бы не выдержала и начала хамить.

Женщина недоуменно взглянула на амулет, пытаясь распознать причину ответа. Но ошибку она искала совсем не там. Ей повезло, что соус в моей тарелке был превосходен, потому что я пояснила:

— Ты слишком спешишь. На этот вопрос можно дать два противоположных ответа, и оба они будут верными. Да — в отчете действительно сказано, что ритуал лишил меня магических сил. Нет — ритуал меня магических сил не лишил. И на закуску — магических сил меня лишил не ритуал, а постмагическая депрессия. И раз уж мы до этого дошли, то я очень надеюсь, что никто ничего меня не лишал, а просто мои силы тихонечко спят. Кто-то ведь должен, раз у меня не выходит.

Она не разозлилась. Неожиданная улыбка озарила ее лицо. В глазах мелькнуло серебро и робкая надежда. И вот такая реакция мне очень сильно не понравилась. Кажется, Старшая специально спровоцировала меня на развернутую лекцию.

— Я видела, как ты сражалась с моим Отражением.

— Убого? — предположила я.

Еда на тарелке стремительно заканчивалась, а на сладкие тарталетки от лекаря я могла не надеяться. Только если Страж догадается принести. Ему-то мои пристрастия известны.

— Ты сдерживала себя. Ровно до того момента, пока мое Отражение не стала совершать глупейшие ошибки, — взгляд в сторону младшей веллады. Виновато опущенные глаза последней. И все это под эгидой моих смутных подозрений, что Старшая пришла не печать Крови с меня снимать.

— Ты — Мать? — в лоб спросила она.

От удивленного "А?" меня спасло только то, что рядышком закашлялась мелкая веллады. В ее огромных оленьих глазах аж проступили слезы. Старшая легонько хлопнула ее по спине, помогая справиться с куском пищи.

Эти несколько секунд позволили мне сориентироваться.

— У меня нет детей.

— Ты поняла меня.

— Нет, не поняла.

Дурацкая выходила ситуация. В голове заново сложились утренние события, и, некоторые их моменты, если смотреть со стороны Сестры Крови, имели совершенно иные значения.

— Ты преподнесла моему Отражению несколько показательных уроков. В соответствии с Алым кодексом. Вместо того, чтобы наказать. Или убить. Сдать Стражу Солнца. Бросить на растерзание темному магу. Отдать мастеру Света. Ты защитила ее, зная что она пришла за твоей жизнью. Так могла поступить только Мать.

На языке возник легкий привкус подлунных цветов, не исчезнувший даже после очередного кусочка обмазанного в соусе сыра.

— Или очень сочувствующий посланник Света, — я проигрывала словесный бой.

— Ты признала ее своей, и дала ей Имя.

— Назвала племянницей, не дочерью. Разные вещи.

— Семантика, — отмахнулась сумасшедшая женщина. — Если бы не обстоятельства, я не посмела бы тревожить твой покой. Но я умираю, и просить помощи мне больше не у кого.

А дальше последовала история о неотвратимом и вечном. Старшая Сестра была больна. Луной. Ее темным проявлением — серебряным безумием. Не тем же, что когда-то лежало на мне непосильной ношей, а немного другим. Менее опасным для окружающих, и неизбежным для самого носителя. Когда она взяла себе Отражение, то уже знала, что продлится сотрудничество не долго, но надеялась успеть сделать ее Младшей. Не по своей прихоти велледи решилась на такой шаг, просто никто из Сестер не соглашался на воспитание мелкой девчонки с сомнительным прошлым. Она попала в Ковен в возрасте семи лет — не слишком поздно для обучения, но в довершение с клеймом позора матери — Осколка, маленькая велледи могла претендовать только на такой же статус. Поэтому Старшая сжалась, сама когда-то была на ее месте, неся в себе проклятье Луны.

— Поэтому твоё Отражение рискнула напасть сразу на двух? — подвела итог я. — Если бы у нее получилось с нами справиться, она бы выполнила все условия для того, чтобы стать Младшей и претендовать на испытание Кровью?

— Верно.

Кто бы мог подумать, что моя жизнь так сильно портит людям судьбы...

— А времени искать очередных носителей печати Крови нет?

Она кивнула. Она больше ничего от меня не требовала, не возражала и ни на чем не настаивала. Она ждала моего приговора. Приговора от человека, который не имел на это никакого права.

— Сколько тебе осталось? — я искала последнюю нить надежды.

— Сегодня.

— Сегодня? — я прикрыла глаза и откинулась назад на подушку. Я готова была отдать последние деньги, лишь бы кто-то подкинул мне хорошую идею, как оказаться не впутанной во всю эту глупую историю. Последнее желание умирающей Сестры Крови. Это ли не слишком для бесполезной меня?

— Если я умру до того, как мое Отражение станет Младшей, она превратится в Осколок.

— Знаю. — Я не открывала глаз, надеясь, что так отказать будет гораздо легче. — И я хотела бы помочь... наверное. Но мое слово для Ковена — пустой звук. Я не могу взять себе твоё Отражение. Я — не Мать.

— Не Мать? — достоинство победило трусость, и я встретила со Старшей взглядом, чтобы услышать безжалостную правду в свой адрес: — Да кто посмеет оспорить у тебя это право?

Камден Геригон

Он помнил, как впервые ощутил в своих руках шершавость старинного кожаного переплета. Золотистые символы опоясывали корочку, растекаясь лужицей неразборчивых каракулей по обложке Дневника. В нем чувствовалась скрытая Сила. Закупоренная в вязких переплетениях заклинаний, как вино многолетней выдержки в дубовой бочке. Он мог ощутить ее дурманящий аромат серебристо-молочного цвета с кристальным блеском.

Тогда Камден еще не понимал, какую ценность на изучение ему предоставили. Вместе с другом он пытался выяснить, кому же принадлежит этот Дневник. Странностей в нем было много. Те записи, что они смогли расшифровать, несли в себе обрывочную информацию о событиях разных веков. Самыми интересными Камден считал те отрывки, где автор рассказывал об экспериментах демонолога Геллиофрея. Описания тех редких моментов, где проскальзывали собственные рассуждения владельца Дневника о теории приобретения чужой силы, часто прерывались. Стертые буквы, устаревшие выражения, культура письма, потрепанные страницы, порвавшиеся клочки бумаги, — все это вставало на пути выяснения истинных мотивов автора.

Потребовалось почти десять лет, чтобы собрать воедино формулы, зашифрованные в разных частях Дневника, разгадать скрытые послания, вычислить пропорции, воссоздать самодельные заклинания. Еще несколько лет ушло на тренировку и отработку чар. Столько же на поиск идеального места для проведения первого эксперимента. К счастью, в последнем ему помогли. Тайное общество, что предложило свои услуги и подарило Дневник, помогло обзавестись знакомством с Прией Парнс — преподавателем Академии, и Лилит — павшей Сестрой, Осколком. Дело сдвинулось с мертвой точки. Подбирать отчислившихся из Академии адептов или тех, кто и вовсе не поступил, оказалось очень удобно. Обитель знала только о тех жертвах, что были использованы непосредственно в ритуале. А вот сколько живого материала ушло между делом, чтобы скорректировать расчеты...

Китра Латер конечно была ошибкой. Флем был не вспыльчивым человеком, но достаточно мстительным, потому, ничего удивительного, что он поспешил, решив, вместо проверенной жертвы — руми Винер, использовать ранившую его наглую девицу. Камден сам виноват, что не уследил за приятелем. Познакомившись с посланником Света лично, Камден не сильно удивился столь бурной реакции Флема. Можно сказать, последнему очень сильно повезло, что под действием печати, девушка не воспользовалась всеми своими уловками. А их у нее было много.

Китра Латер была обычной. Немного спокойной, немного взрывной. Таких как она — сотни, тысячи. Ее нельзя было назвать красивой или, наоборот, уродливой. Она была никакая. Серая. Пустая. Самые обычные черты лица. Темные растрепанные волосы под цвет воронового крыла. Слишком короткие, чтобы смотреться красиво в любой прическе. Руки и ногти ухоженные, что непривычно для профессии вечной путешественницы по дальним уголкам Империи. Манеры и воспитание на уровне дворянки средней руки, или хорошо

обученного посланника Света. То есть, ничего выдающегося, за что бы мог зацепиться глаз. У нее даже не было склонности к какой-либо Стихии. Те слабые нити, что тянулись к Свету, порвались. Руми Латер должно быть сейчас гадает, как это с ней произошло и мечется от одного мастера Света к другому. Не зря же в город пожаловал Мастер Эстеф?

За этой показной "серостью" простого посланника Света обязан был скрываться кто-то другой. И Камден надеялся, что в разговоре один на один, тайная личность девушки проснется. Зжжется та самая искорка, что сможет его поразить. Заинтересовать. Пробудить инстинкт охотника. Но... ничего не произошло. Когда руми Латер ни с того ни с сего накричала на него в библиотеке, он почти поверил в то, что наткнулся на что-то интересное. Но позже, в карете, она принялась извиняться. Надежда исчезла и проснулась вновь, когда девушка неожиданно оказалось предметом романтического интереса его давнего знакомого. Ну надо же! Страж Солнца всегда умел отыскать бриллиант в куче навоза. Но очередной разговор не дал ничего кроме порции скуки. Девушка была слишком простой. Ее грубость — несдержанность чувств, отсутствие манер и ничего более. Никакой изюминки.

Именно так ирум Камден думал о Китре Латер. Ровно до того момента, как личина уставшей и замученной жертвы треснула, явив на свет чудную зверушку. Он в самом деле не ожидал, что девушка выступит против Сестры Крови. Он конечно надеялся, что она станет неплохим отвлекающим маневром, благодаря которому Камден найдет способ выкрутиться, но чтоб настолько...

Он видел ее взгляд. Чистейшая синева океана, в котором свободно плескались серебристые змейки искреннего безумия. Как будто рухнул пласт стены, отгораживающий истину от мирских реалий. Наружу выплыло что-то настолько необычное и завораживающее, что Камден едва мог подобрать слова, верно отображающие увиденное.

Зверушка злилась из-за того, что мир не играет по ее собственным правилам. Что Сестра Крови, пришедшая за ее жизнью, сдавала позицию за позицией. И это невероятно злило руми Латер. Она не собиралась умирать не по правилам, точно также, как несколько месяцев назад, не позволила принести себя в жертву в ритуале, рассчитанном только на подростков-адептов. Теперь Камден видел, что именно привлекло Стража в беспокойном посланнике Света.

Ее глаза сияли праведным гневом. Руки дрожали от предвкушения хорошей битвы. Походка болезной девушки сменилась грацией воительницы. Она хотела битвы. Жаждала ее и перегрызла бы горло каждому, кто посмел бы встать на ее пути. В тот момент она была настоящей настолько, что Камден почти не хотел вмешиваться, позволив себе пару минут слабости понаблюдать за неожиданной стороной нежданной попутчицы.

Он хотел бы продлить те крохотные мгновения, что у них были. Но видимо судьба решила, что уйти из лап Сестер Крови и так слишком хороший подарок, чтобы смешивать его со стихийным безумием ясноокой твари праведного возмездия. Щелчок пальца и слой реальности треснул, смазлся, свернулся в клубочек и исчез. И вот на сцене обеспокоенный Страж, к нему прижимается слабая, ищущая защиты женщина. Свет тухнет в ее глазах, безжалостно стирая стальной блеск опасного хищника, оставляя за собой лишь дымку серости. Девушка нескладно врет, приплетая разнообразные факты и события противоречащие сами себе и здравому смыслу. А Имир верит, как и мастер Света, явившийся вместо лекаря. Кивает, сочувствует, оказывает первую помощь.

Тонкая связь понимания, что промелькнула между девушкой и Камденом рухнула, как стеклянный купол минутах ранее. Хищник пропал, оставив вместо себя жалкую оболочку.

Встретаться дальше с Камденом Геригоню таинственное существо было не намерено. Быстро сориентировавшись девушка присвоила себе юное Отражение, отрезав аристократу доступ к какой-либо информации о Сестрах Крови. Решение о наставничестве пришло мгновенно, как и приглашение на ужин. Вот уж, что он точно понял, так это то, что если позволит сейчас женщине просто так уйти, она исчезнет. Раствориться в переулках Старого города, словно пустынный мираж.

Китра Латер пошла на опережение. Явилась раньше, решив построить диалог на своих условиях.

— Как вы обошли мою охрану? — она застала его в кабинете. Разложив секретер Камден разбирался с делами поместья, которые успел несколько запустить.

— Когда в твоих должниках оказывается Сестра Крови, мир становится куда как проще. — Женщина обошла кресло по кругу и не дожидаясь приглашения села. Руми Латер снова облачилась в черную накидку без знаков отличия, полностью скрывающую ее фигуру. Это почему-то одновременно бесило и заставляло задуматься о том, во что же она одета под плащом. Утром на ней было темно-бордовое платье строгого покроя, но после драки, вряд ли оно подлежало восстановлению.

— Встреча со Старшей состоялась? — Он отложил бумаги в ящик, активировал заклинание, закрыл на ключ. Эти дела еще подождут. — Каков результат?

Она могла не отвечать. Просто оставить его в неведении, тем самым заставив мучиться и переживать за собственную безопасность. Она могла хотя бы поторговаться за собственную безопасность. Но нет. Решила сразу сжечь все мосты.

— Печати сняты. Вы свободны. Я свободна.

Она нарочно не стала использовать местоимение "мы", разделяя их двоих. Показывая границу, дальше которой ему пройти не позволят.

Он ненавидел границы.

— Это сообщение требовало личной встречи? — Он встал, со скрежетом отодвигая громоздкий стул. Преграда в виде стола с письменными принадлежностями выводила из себя. Обычно Камден предпочитал так общаться со своими подчиненными, отгораживая таким образом от себя. Показывая, где чье место. Но девушка проигнорировала стул предназначенный для просителей и заняла кресло около окна, держась от лорда Геригона на максимально возможном расстоянии, словно он прокаженный.

— Только чтобы избежать встречи гораздо позже. — Отдавая большую часть внимания вазе с цветами на кофейном столике, девушка отказывалась уделять Камдену полноценный взгляд.

— Позвольте предложить напитки: чай, кофе, сок? Для вина немного рановато, да и не следует его смешивать с теми лекарствами, что вы сегодня приняли. — Он потянулся к ленте, чтобы вызвать слугу, но не смог удержаться и добавил: — Если, конечно, вы не планируете в очередной раз свалиться без чувств.

— За сутки больше одного раза в одни и те же руки не падаю, — огрызнулась она. — И напитков не надо. На долго не задержусь.

Хищник просыпался.

— Задержитесь, — мгновенно отреагировал Камден. Это была вовсе не угроза. Хотя могла бы ей быть.

Он дернул за ленту, и через полминуты на пороге появился слуга. Скрыв удивление от

наличия в комнатах хозяина постороннего, слуга чуть склонил голову, выслушивая приказ.

— Думаю, орхидеи больше не должны пугать ни одного из нас? — Камден прошел вдоль своего кабинета, и остановившись у камина, нежно провел пальцем по шероховатой поверхности белых лепестков орхидеи, что нашла себе место среди букета алых роз. Последовавшего эффекта он не ожидал. Зрачки девушки мгновенно расширились, заполняя чернотой узкую полоску радужки, и только спустя несколько глубоких вдохов, медленно поползли обратно, уступая права морской синеве.

Она испугалась? После всего, что с ней произошло, Китра Латер боялась упоминания с Сестрах Крови? Чушь.

— Одного все-таки должны, — поборов душевное смятение, ответила женщина. — Это, кстати, вторая часть разговора, ради которого я здесь.

— Что ж, я заинтригован, — он не смог сдержать усмешки. — Еще ни одна руми не совершала второго подряд побега из под стражи солнечных, лишь для того, чтобы поговорить со мной об орхидеях.

Он опустился в кресло напротив руми Латер. Их разделял только низенький кофейный столик.

Принесли напитки. Как показалось Камдену, вазочка с тарталетками приглянулась его собеседнице гораздо больше, чем насыщенный черный напиток, мгновенно заполнивший комнату чудесным пряным ароматом.

— Это вы еще не видели на что я готова пойти ради булочек с корицей или для того, чтобы фонарь на центральной улице мог не чувствовать себя ущемленным.

Определенно в этих словах звучала некая доля правды, вот только где, лорд Геригон понять не смог.

— Я хотела предложить вам помощь.

— Вы? Мне?

Это веселило. Только вот... кто сейчас с ним разговаривает? Посланник Света Китра Латер или хищник?

— Я. Вам. Давайте отложим игры в сторону. Я здесь не для того, чтобы изощряться в словесности. Для этого вполне подошел бы ужин.

— Допустим.

Девушка подцепила с вазочки тарталетку с розовой глазурью и проигнорировав горячий напиток, начала свой рассказ.

— Полагаю, несколько лет назад, а может и больше, вам в руки попал некий журнал. Назовем его для понятности — Дневник. Кожаный переплет, золотое тиснение, — все в традициях времен зарождения Империи. Ко всему прочему, Дневник был зашифрован на разных языках и с использованием как классических, так и давно позабытых заклятий. Полагаю вы или же ваш коллега, кое что из этих записей сумели прочитать. Они оказались очень любопытными. Настолько, что вы решили взять найденные на страницах расчеты для создания ритуала. И тут уж я не знаю, то ли вы упустили какие-то детали и не поняли о чем идет речь в Дневнике, то ли поняли, но решили, что незначительные поправки могут изменить всю суть ритуала. В любом случае, где-то чуть более года назад вы провели первый ритуал. И, полагаю, результат вам понравился. Вы почувствовали в себе новые силы. Да-да, я имею ввиду именно вас, лорд Геригон. Потому что вы решили выступить проводником. С каждым разом сила увеличивалась, но, помимо прочего, вместе с ней пришли и знания. Я права? Молчите, если да. Знание других языков, воспоминания о городах в которых вы

никогда не были, новые интересы к вещам, которые раньше никогда вас не волновали. Может... ваши вкусы поменялись и теперь вам стало нравиться... нечто другое.

Она перевела взгляд на белый цветок в вазе. Он продолжал смотреть только на нее.

— Вы думаете, я сейчас что-то из этого подтверждаю? — Камден разве производил впечатление глупца?

— Могли бы. На мне нет никаких подслушивающих амулетов или заклинаний. Этот разговор только между нами.

Камден знал это. Он просканировал ее в тот, как она оказалась в кабинете. Ни одного амулета, чармы, артефакта, заклинания, — на ней не было. Она пришла абсолютно "голой", если можно было бы так выразиться. Беззащитной.

Это просто не могло быть правдой.

Она не могла ему доверять. Не после того, как поняла, что он был ее палачом.

И все же она пришла к нему.

Одна.

О чем вообще думала?

— Если что-то из сказанного соответствует правде, — он с трудом заставил себя отвлечься от странных мыслей. — Зачем бы мне понадобилась ваша помощь?

— Затем, что вскоре после тринадцатого жертвоприношения, то есть неудавшегося моего, вы начали понимать, что некоторые ваши мысли, вовсе не ваши. И теперь не знаете, что с этим делать, — она махнула головой в сторону полупустой бутылки с коньяком, что осталась в кабинете еще со вчерашнего вечера. — И как, помогает? Полагаю, нет.

Он никому не рассказывал о том, что с ним творится. Даже Флем до сих пор пребывал в неведении некоторых произошедших изменений. Так откуда об это могла знать руми Латер? Неужели у Света сохранились какие-то достойные внимания источники? Может, Дневник украден из их тайника?

— И что же со мной? Я одержим?

— Да.

— И кем же? Мертвые языки, измененные желание, посторонние голоса. Неужто демоном? — Он усмехнулся. Это было глупо. Она просто играла на его страхах. Камден многое знал о демонах и об одержимости тварями Нижнего мира. Как только он заподозрил в себе изменения — первым же делом открыл книгу по демонологии, чтобы освежить память. Ничего из описанного под его случай не попадало. Жажда плоти и крови. Вожделение. Агрессия. Провалы в памяти. Ничего из перечисленного. Скорее наоборот. Вместе с силой пришли знания и спокойствие. А смена вкусов... Кто знает... Он не первый мужчина, решивший к сорока годам обновить свои привычки. Один его знакомый, к примеру, постригся на лысо и отправился в кругосветное путешествие, а другой, кажется, собирается сделать предложение посланнику Света. И ничего, никто в них не вселялся.

— Скорее... духом.

— Духом? — переспросил Камден. — И чем же он опасен?

— Если вы от него не избавитесь, он избавится от вас.

"Или избавлюсь я" — эти слова повисли в воздухе.

— Если на секунду предположить, что все сказанное вами правда, то скажите на милость, моя дорогая руми Латер, не будет ли для меня лучшим исходом убить вас прямо сейчас? Могу поспорить, никто не в курсе куда и зачем вы направились. Неужели вы решили, что раз я не добил вас, пока вы находились в магической коме или в ботаническом

саду, то теперь вы в безопасности? Или вас смутило то, что я спас вас?

Он предвкушал испуг.

А она просто подняла на него взгляд.

Глаза в глаза. Прямой контакт и больше ничего лишнего. И он понял что теряется. Вот так просто. Без каких либо заклинаний. Без дурманных чар. То чувство, что появлялось каждый раз, когда он ощущал присутствие кого-то чужого в своей голове, пробудилось. И всему виной — эта женщина.

Все верно. Именно после встречи с ней ситуация обострилась. Она причина всех неудач. Его личное проклятье. Всю жизнь он смеялся на Светом и вот теперь Свет решил посмеяться над ним, подсунув такого жалкого врага.

Он сам не заметил, как встал из-за стола. Женщина, словно отражение, повторила это движение вслед за ним. Всего шаг, и вот кофейный столик им больше не помеха.

— Это хорошо, что вы хотите меня убить. Это значит, еще не все потеряно, — всего на секунду в ее голосе проскользнула тень той интонации, что он слышал в ботаническом саду. Но секунда растворилась в прошлом и на ее замену вернулась женщина с весьма паршивым чувством юмора. — Но все же, я вам этого делать не советую. Если вы попробуете хоть что-то против меня предпринять, то...

— То что? Что вы будите делать?

Это было почти смешно.

Она была ниже его почти на голову. Он мог бы просто свернуть ей шею. Все те акробатические трюки, что она использовала против Отражения, на нем бы не сработали. Он был сильнее.

— Я начну делать глупости.

Она улыбнулась.

Нет, не так.

Хищник показал свой оскал.

Не было блеска стали. Метательный нож был полностью черен, словно окутанный слоем тьмы, поглотившей не один десяток жизней зарвавшихся магов. Оружие просто выскользнуло из ее рукава. Ни одного лишнего движения, способного натолкнуть на подобный исход. Хотя Камден мог бы и догадаться, что черная накидка не простая прихоть гостыи. Что там нож, за такой хламидой можно спрятать и арбалет с рапирой, и целый набор метательных звездочек.

Брызнула кровь. Несколько капель взлетели вверх и рухнули на густой ворс ковра.

"Почему не сработало защитное заклинание? — первой пришла именно эта мысль. И уже следующей: — разве я не должен почувствовать боль?"

— Видите? — прервала молчание женщина. — А я это даже не планировала. Нет ничего опаснее разозленной руми в импровизации.

По ее ладони текла кровь. Неглубокий порез шел по линии жизни спускаясь к красноватым полосам на запястье.

"След от наручников, — вспомнил он. — Огонь тогда добрался и до нее".

Она ранила не его. Себя. Так откуда страх? Откуда ощущение, что нож прижат к его сонной артерии и в любой момент готов в нее вонзиться. А главное, куда делись несколько секунд из памяти. Только что он стоял в паре метрах от руми Латер, а в следующее мгновение прижимает к ее ладони белое полотенце, совершенно забыв обо всех лечебных заклинаниях, что когда-то учил. И не собирается отпускать.

Совершенно чужеродная мысль билась у него в голове, ужасая одной возможностью своего существования.

"Такое уже со мной было".

На белоснежном хлопке расцветали алые узоры. В голове звенела пустота. Правой рукой ирум Камден сжимал мое запястье, а левой прижимал полотенце к ране. В болезненном порыве я наклонила голову вперед едва касаясь плеча мужчины. Мы стояли достаточно близко друг к другу, чтобы я могла ощутить потустороннее дыхание Нижнего мира.

Он здесь.

Запертый самыми страшными заклинаниями в одной из складок подпространства, мой бывший муж явил отголосок своего сознания. Долгие годы, сдерживаемый печатями Дневника, он пребывал в покое. И вот вернулся. Сначала на зов ритуала, воссозданного на основе его собственного источника жизни, некогда послужившего первым шагом к заточению. Потом на факт моего присутствия. С каждым новым жертвоприношением он набирал все больше и больше силы, прокладывая дорогу обратно в наш мир. Через лорда Геригона, который если не зря носит звание сильного мага, давно должен был ощутить чужое присутствие. Маленький голосок в голове, нашептывающий неправильные желания.

— Вы чувствуете это? — спросила я, в отчаянной попытке достучаться до строптивного лорда. — Чувствуете, как больше не можете себя контролировать? Как разум перекрывает совершенно посторонние эмоции, лишая собственной воли? Вы этого добивались? Этого желали, когда впервые прикоснулись к тайне Дневника? Неужели, все те новые возможности, что были приобретены, стоят того, чтобы лишиться самого себя? Сколько потребуется времени чтобы вы сдались и добровольно приняли над собой чужую власть?

Я говорила тихо, понизив голос до вкрадчивого шепота. У меня было совсем немного времени, чтобы пробиться сквозь появившуюся брешь к разуму ирума Камдена. Краткое мгновение после шока, пока его сознание в панике ищет хоть какой-нибудь ответ. Сопrotивляемость критического мышления снижена, что позволяет мне подкинуть свой вариант развития событий.

Когда-то давно я задавала эти вопросы самой себе, держа в руках потрепанный переплет совершенно иного Дневника. Иногда, просыпаясь посреди ночи в очередной безликой гостинице, слыша как пустота непрерывной скорби скребется в дверь, я вспоминала о том, что жизнь со временем отобрала у меня всех дорогих людей. Именно они помогали мне оставаться самой собой и не сожалеть об утраченных частичках души. И когда я вспоминала о том, что потеряла всех тех, ради кого стоило жить и бороться, я возвращалась к тому дню, и спрашивала себя: а правильные ли я дала тогда ответы?

Дыхание замедлилось. Я почти растворилась в ауре происходящего, полностью сосредоточившись на тональности собственного голоса и подборке правильных слов. Маленькой частице себя позволила окунуться в дурманящий туман иллюзии, в которой рядом со мной стоял не опасный противник, одержимый злой сущностью, а похороненный в складках памяти человека, ради которого я когда-то жила.

Тонкий запах орхидей. Размеренный стук сердца. Тепло рук.

Я боролась с желанием закрыть глаза и в полной мере воссоздать его образ.

К счастью, ирум Камден был достаточно великодушен, чтобы без зазрения совести разрушить хрупкую иллюзию, навеянную влиянием извне.

— Вы его знали? — его голос прозвучал как в тумане. Рассеянный. Безликий. Словно он разговаривал вовсе не со мной. — Нет, конечно, нет. — Он повернул голову и я отпрянула в сторону на столько, на сколько возможно при условии, что маг все еще крепко держал меня за руку не позволяя вырваться.

Рокировка.

Смена позиций. И вот уже ведущая роль у лорда Геригона, а я в отчаянье подыскиваю верные слова.

Он продолжил:

— Ваши слова... действия. Это был изящный ход. Мне нравится. Так искренне. Я почти поверил, что вам не все равно.

Я стойко держала взгляд, но на его стороне было неоспоримое превосходство в силе. Несмотря на утреннее происшествие, мужчина полностью восстановился морально и физически. Лишь легкий шрам на лбу свидетельствовал о том, что ирум Камден столкнулся с чем-то настолько опасным, что косметическая магия не смогла скрыть. Я же, в свою очередь, исчерпала весь запас приемов и уловок, и уж тем более моральных сил. Единственной моей поддержкой была Лиана, которая сейчас пряталась в саду ирума Камдена и являлась моей подстраховкой на случай, если дела пойдут совсем худо.

— Я не лгала.

— Не сомневаюсь. Но, сдаётся мне, что самое интересное из этой увлекательной истории вы все же упустили.

Его слова звучали угрожающе, а острый взгляд врезался под кожу, пробираясь к самому сердцу. Он словно пытался отыскать во мне что-то особенное, будто во мне спрятан какой-то артефакт, который лорд Геригон давно потерял. Но он его не находил, и это безумно мужчину злило. Что поделаешь, я редко оправдываю чужие ожидания.

— Упустила, — согласилась я. — Ту часть, где знатный лорд Геригон, потомок великих кровей, как какой-то бандит шастает в темноте по подворотням и похищает детей для отвратительных жертвоприношений. — Я говорила злые вещи, зато от чистого сердца. — Да, я посчитала неуместным об этом упоминать. Мне плевать, что это не доказано. Что у вас есть связи в верхушках города или вас поддерживает какое-нибудь тайное общество. Но вы-то сами про себя знаете, что ваше любопытство и прихоть повлекли за собой смерть ни в чем неповинных детей. У которых были свои мечты и желания, родители, которые их любили, великие свершения, да кто знает, что еще? Вы отобрали у них все это. И ради чего?

С каждым словом, что вырывалось у меня из груди, лед в его глазах шел трещиной. Мужчина упивался той яростью, что заново вскипала внутри меня. А я негодовала. Мельтешение образов, ненависть, обида, и все это на фоне холодной улыбки лорда Геригона, которого совершенно не ужасал список моих обвинений. Он будто гордился ими. Более того, он даже не спешил их отрицать.

Мысли о ноже, все еще зажатом в правой руке, нахлынули совершенно неожиданно. Это было вовсе не так как в первый раз. Тогда я только хотела выяснить, действительно ли лорд Геригон одержим духом того самого человека, о котором я думала, а заодно продемонстрировать магу, насколько он беспомощен в своих желаниях перед неизвестным гостем ритуала. Теперь же, произнеся все эти слова вслух, и не увидев ни капельки сожаления или хотя бы доли сомнения в голубовато-льדיстых глазах, я начала терять контроль.

"— Сегодня луна входит в свои права, — как отголосок эха, пронеслись

предупреждающие слова Старшей Сестры".

Перед глазами все поплыло. В ушах только шум. По коже мурашки. Руки одеревенели и стали чужими. Я не могла себя контролировать.

Когда наступает затмение, свет исчезает.

Я замахнулась. Коротко. Быстро. Я метила в шею. И все это — задрав голову вверх и не отрывая от мужчины взгляда.

— Действительно, ради чего все это?

Я удивленно вскрикнула, когда поняла, что мой отчаянный выпад был перехвачен легко и непринужденно. Мужчина без труда выбил у меня из руки нож.

С глухим лязганьем оружие упало на ковер и несколько раз отскочив, отлетело под стол. Перехватив за запястье, мужчина крутанул меня на сто восемьдесят градусов, заламывая руку за спину. Совсем не больно. Обидно.

Моей следующей реакцией было наступить ему каблуком на ногу и съездить локтем в нос, но драке было не суждено продолжиться. Теплый поток воздуха, просочившись сквозь тонкое плетение нитей плаща, мазнул по коже, задержавшись в районе солнечного сплетения. Я замерла не в силах пошевелиться. Магия сковала мое тело лишив возможности двигаться.

— Может, ради этой встречи?

Я почувствовала, как ноги отрываются от земли. Он легонько подхватил меня на руки и также аккуратно опустил на кресло. Немного подправил положение рук и головы, выровнял складки, вернул на место сбившийся набок ворот, и все это, чтобы я не напоминала безвольную куклу. Удовлетворив свое собственное представление о прекрасном, он покачал головой, притворно посетовав:

— Знаете, в первый раз это было довольно мило. Но дважды на одну и ту же уловку я не попадаюсь. Иначе, какой из меня маг, верно?

Он улыбался. Происходящее нравилось ему больше, чем мне.

Я все еще была шокирована собственным поступком и не сразу сообразила, о чем говорил мужчина.

— Рану надо промыть. — Он указал на мою левую ладонь, в которой до сих пор было крепко сжато полотенце. — Я не могу использовать лечебное заклинание, не зная какие зелья вы сегодня принимали. Или... — прищурился он, оценивая мое состояние, — наоборот, не принимали.

Я хотела сказать что-то вроде: — "Обойдемся без этих крайностей. Во мне сейчас такое количество восстанавливающих лекарств, что вряд ли грозит заражение крови. Раной больше, раной меньше." Но моим мнением никто не стал интересоваться.

Ирум Камден оглянулся, подыскивая что-нибудь подходящее. Его выбор, как ни странно, пал на полупустую бутылку коньяка.

Я мысленно взвыла.

Схватив стекляшку с драгоценной жидкостью, он, наплевав на манеры, присел на край кофейного столика, оказавшись аккурат у моих ног. Именно так я и поняла, что безумие от которого я бегала бесчисленно количество лет, все-таки подкараулило меня в одном из родовых поместий лорда Геригона.

Не прилагая усилий, он разжал мою раненную руку, вытаскивая пропитанное кровью полотенце и небрежно отбрасывая его в сторону. Скользнув по внутренней стороне ладони указательным пальцем, он аккуратно очертил рану, разглядывая ее ровные края. Нож вошел

ровно, почти не причинив вреда, оставив после себя лишь тонкую полоску пореза. Даже швы не понадобятся. Рана уже перестала кровоточить. Через месяц от нее не останется и следа. Но лорду Геригону это было неважно.

Придерживая мою ладонь на весу, он выплеснул оставшееся содержимое бутылки на рану, безжалостно тратя большую часть жидкого янтаря на порчу не менее дорогого ковра. Несколько капель брызнуло мне на туфли, но с этим я уже ничего не могла поделать.

Рана кошмарно щипала и жгла. На моих глазах навернулись слезы. На языке завертелись проклятья. Впрочем, назвать их оправданными нельзя. После попытки убийства, мужчина мог отреагировать гораздо хуже. А так, у нас счет: два — один.

Жестом профессионального фокусника ирум Камден вытащил из своего нагрудного кармана платок, и ловко завязал на моей ладони, перекрывая порез. На кончике материи блестели две золотистые буквы — "К.Г."

— Вас интересует Дневник или сущность, которая предположительно в меня вселилась?

Мои ответы его не интересовали.

Поглаживая большим пальцем перевязку на моей ладони, он, кажется, совершенно не собирался снимать с меня заклинание или возвращаться обратно в свое кресло.

— Вы действуете не от имени Света. Если бы был кто-то из них, то ко мне бы пришел мастер Эстеф, а не вы. Значит это что-то личное? Китра Латер, — протянул он, растягивая гласные. — Имя еще какое-то... сказочное, что ли. Скажите, руми Латер, этот Дневник, о котором мы говорили, принадлежал вам? — я почти чувствовала, как мои зрачки в панике расширяются. Он ведь не мог догадаться, верно? — Или кому-то из ваших родственников? Что-то вроде родового проклятья?

Его речь текла гладко и плавно. Он соображал гораздо быстрее, чем я могла предположить. Складывая факты, как мозаику, лорд Геригон игрался с новыми элементами загадки, то подставляя, то убирая ненужные детали, и так до тех пор, пока картина не становилась целостной и ясной. Для раскрытия настоящего секрета ему не хватало всего какой-то ерунды, вроде веры не просто в невозможное, а в то, что доимперский маг полторы тысячи лет назад сумел не только создать нечто грандиозное, но и сохранить результаты своих трудов в тайне.

Мужчина рассуждал вслух. Перебирал разные версии. Выдвигал теории. А я слушала. Запоминала. Хорошая ложь мне еще пригодится. Финальный продукт из правды и домыслов был красив, ухожен, вычесан и похож на котенка. Из чего следовало, что мой пленитель еще ничего не знал о моей семье, которую я покинула около двадцати лет назад. И надеюсь, не додумается лично тревожить этих людей. Они заслуживают спокойной жизни без упоминаний о своей маленькой ошибке.

Гипотеза лорда Геригона звучала очень правдоподобно и по большей части соответствовала реальности. Все указывало на то, что я имею непосредственное отношение к этому Дневнику.

— Исходя из того, что потрепанной книженции около пятисот лет, принадлежит она вашему роду. Очевидно, в ней каким-то древним проклятьем заточен могущественный дух одного из родственников, который как-то связан с демонологом Калобом? — мужчина опустил мою руку на подлокотник и отклонившись задумчиво хмыкнул. — Но временные рамки как-то не сходятся. Или он изучал его трактаты и сам рискнул повторить эксперимент или... Геллиофрей как-то сумел дожить до тысячи ста лет.

"Немного того, немного другого, — подумала я, поскольку это было единственное, на что я была способна. — Вот сдался ему этот Кaleb? Других демонологов что ли нет?

А потом его настроение неожиданно сменилось. И вот передо мной сидел не доброжелательный философ с милыми причудами, а тот самый аристократ-демонопоклонник, которого мне посчастливилось встретить в глухой подворотне. Он говорил совершенно серьезно, не пытаясь развлечь нас обоих веселыми предположениями. Игры закончились. И, по предварительным подсчетам, я отставала на добрую сотню очков.

— Это самый интересный вариант, — отметил мужчина. Его взгляд потяжелел, хрусталики глаз потеряли несколько тонов цвета. Наигранная легкость спала белесой пеленой, растворяясь не хуже сахара в горячем чае. Противник показал себя. — Навскидку. Я отправил своих людей, выяснить о вас всю правду. О вашей семье. О вашем Наставнике. О вступлении в орден Света. О причинах, по которым вы оказались в Старом городе. Я проверяю ваше окружение. Очень скоро я буду знать о вас все: самую мелкую и самую большую грязную тайну. Любую ошибку, что вы когда-то совершали в Империи или за ее пределами. Вы жульничали при поступлении в ряды Света? Я это узнаю. Ваш Наставник был заядлым пропойца и потому вы с легкостью прошли все его испытания? Я это узнаю. Ваши родители были жестокими людьми и поэтому вы сбежали? Может, вы были вынуждены уйти, потому что разорвали помолвку с престарелым женихом и тем самым опорочили честь семьи? Я это узнаю. На что вы тратите деньги, куда ходите по вечерам, сколько выпиваете за ужином, как часто меняете любовников, подрабатываете на стороне, у кого заказываете одежду, — завтра я все это буду знать, а послезавтра еще и то, что вы о себе не знали сами. Вы понимает, руми Латер, во что ввязались? Мне не надо вас убивать или угрожать вам магической расправой — это лишнее. Просто представьте, что я найду и как это отразится на вас или на людях, которые вам дороги.

Он щелкнул пальцами.

Белесые искры наперегонки с мурашками двинулись по телу. Призрачная дрожь холода, перебирая мелкими паучьими лапками, добралась до сердца. Всего несколько болезненных ударов и оцепенение спало. Заклинание исчезло. Я принялась растирать затекшие запястья. Обычно основной поток магии приходится на них и на лодыжки. Иногда достается и шейным позвонкам.

Столик жалобно скрипнул, прощаясь с немалым весом ирума Камдена. Теперь мне пришлось запрокинуть голову вверх.

— Мы друг друга поняли, руми Латер?

— Более чем, — отозвалась я. И мой собственный голос показался мне тусклым и безжизненным. — Но раз уж мы сегодня с вами такие честные и прямолинейные друг с другом... Что вы сделали с Ледой?

— Ледой? — он переспросил это так искренне, что я засомневалась на каком говорю языке. — А, юная адептка, которую вы подменили в самый ответственный момент? Зачем мне с ней что-то делать? Она не в моем вкусе.

Он врал?

Он не врал.

— А в чем тогда? — тем количеством озадаченности, что прозвучало в моем голосе можно было рисовать картины и выставлять в собственной галерее.

— Была и другая сторона конфликта, — многозначно пояснил он. — Я бы даже сказал, еще две стороны.

"Страна конфликта, — попробовала я на вкус словосочетание. Так вот оно как нынче называется. А я все твержу — "жертвоприношение", "демонопоклонничество". Неловко-то как."

— Девчонка пропала? Ее кто-то похитил? Снова? — Мужчина слегка усмехнулся. — Может это судьба?

— Это не повод для шуток. — Я вцепилась рукой в подлокотник. Если Камден не имеет никакого отношения к пропаже Леды, мне ни к чему устраивать очередной цирк с метанием ножей. Наоборот, мужчина может дать дельный совет, если все правильно разыграть.

— Она могла уехать домой. Или ее забрали родители. Все-таки она единственная выжившая в тех событиях... — он сделал небольшую заминку, но все же добавил: — не считая присутствующих, конечно.

— И у вас на нее не было никаких планов? — изобразила я сомнение. — Леда — свидетель. Разве она не опасна? Вы не хотели ее убрать или отомстить?

— Хотел, — помедлил маг. — Но не я... И не ей.

Развернувшись, мужчина отошел к секретеру и поковырявшись в ящиках вытащил еще одну бутылку. Яркая этикетка с изумрудными листьями оливы намекала на одну из знаменитых винокурен на западном полуострове Ри-Рэй. Перелив содержимое в хрустальный графин, он плеснул полученную жидкость в два стакана, наполнив их до половины. Забыв о собственных словах в самом начале нашего разговора, он предложил один из стаканов мне.

Ооо... Я собиралась пить. Но не сегодня. Немного позже. Когда разберусь со всеми делами, я обязательно засяду в каком-нибудь милом пансионе с горячими источниками и грязевыми ваннами. И буду пить. Много, долго и с упоением. Именно так, как посланникам Света совершенно не советуется делать. А счета буду направлять лорду Геригону. И пусть только попробует их не оплатить.

— Если не вы... то кто? Академия, что ли? — предположила я, разглядывая как золотистые лучи заходящего солнца, бликами играют на гладкой поверхности благородного напитка. Это мне напомнило о том, что опять-таки я сбежала из приюта Милосердия и надо успеть вернуться, пока не хватились. — Но это бессмыслица. Зачем им Леда?

— Им — незачем, — делая глоток, ответил ирум Камден. — Кажется, их лучший урожай так и остался в далеком 248 году, — мужчина приподнял стакан и повернул к солнцу, следя за бессмысленной игрой уходящего света. — Та еще гадость. Кстати, об этом. Вам не кажется немного странным, что вы так вовремя лишились сил?

— Не кажется. — Хмуро ответила я. — Передавайте мой нижайший поклон ируму Флему. Обязательно отмечу его в своем завещании.

— Передам, — покорно согласился маг. — Только он тут причем?

— Он вам не похвастался? А благодаря кому я потеряла связь со Светом?

Повисло молчание.

Мужчина расхохотался. Я почувствовала себя обиженным пятилетним ребенком. В общем, все как всегда.

— Вот об этом я сам хотел спросить, — отсмеявшись, ответил лорд Геригон. — Заблокировать магию на такой долгий срок — это не работа для одаренного самоучки. Тут только мастер высшей категории может что-то сделать. Истинный ставленник Света. Могущественный представитель ордена. Например такой, как мастер Эстеф.

Сначала я решила, что маг опять использовал на мне заклятие оцепенения. Очень уж

схожие были симптомы. А потом моя голова словно наполнилась озоном и ее поразила молния.

Вот. Же. Я. Дура.

Я во все глаза смотрела на довольного моей реакцией ирума Камдена, и все еще отказывалась принять правду. Нет-нет-нет. Заклинание ирума Флема заставило меня вытянуть последние соки магии из резерва. Тело не выдержало подобного перенапряжения и потоки заблокировались. Свет законсервировался. Ушел в спячку до лучших времен. Так сказал мастер Света. У меня нет причин ему не доверять. Зачем ему специально обрывать мои нити магии Света? Бред! Лорд Геригон хочет направить меня по ложному следу. Натравить на своих.

— Так я и говорю, — мужчина отставил в сторону стакан, и уже более серьезно добавил. — Вам не показалась это странным? Хотя, вижу, что не показалось. Зайдем с другой стороны. Имир сделал вам предложение?

— Какое предложение? — я все еще не оправилась от предыдущего заявления, но о моих желаниях меня никто не спрашивал. Разум в отчаянии подкинул тушку дохлой надежды. — Поискать вместе демонопоклонников?

Лицо лорда слегка перекосило.

— Это ведь не новомодны эвфемизм? Даже для Нового города это через чур, вы не находите? — он постучал пальцами по дубовой поверхности стола. — Какие демонопоклонники, руми Латер?! Почему вы пытаетесь казаться глупее, чем есть на самом деле? Рука и сердце, подвенечное платье, кольца, благословение, ну же! Возвращайтесь в наши реалии!

— А?

И это все что я могла сказать. Остальные слова пропали, словно их смыло приливом и унесло в глубокий океан. Где-то там же в этой фантазии летали чайки, громко и противно кричали, подхватывая на лету рыбу. Конец.

Ладно. Если честно, я подозревала нечто подобное, но до конца не верила, что это все-таки произойдет. Мне всегда казалось, что однажды я приеду в Старый город и узнаю, что мой дорогой Страж уже женился и обзавелся парочкой детишек с рыжими кудряшками и солнечными поцелуйчиками на лицах. Слишком много препятствий между нами было: отсутствие разрешения на проживание с Старом городе, статус посланника Света, свобода, к которой я успела привязаться, и конечно же тайна... Тайна, которую очень тяжело раскрыть и вряд ли возможно принять. Но вот в моей жизни появляется фонарь с центральной улицы и первые три пункта на счету невозможности отношений тут же вычеркиваются.

Оу.

Вот оно что...

— Начинаете понимать? — вмешался лорд в мои размышления. — А теперь подумайте о том, как же это так удобно получилось, что с приездом мастера Эстефа у вас пропали ваши силы, на долгое время задержав в Старом городе, рядом с единственным человеком, который — слава Свету! — рад вам помочь. Подставить свое сильное мужское плечо для горьких женских слез... ну или как там бывает с нормальными девушками?

Бывает гораздо хуже. Примерно так, как было у меня в первые дни после пробуждения.

— Страж Клоу не делал мне предложения, — возразила я. — А если бы и сделал, то это было бы очень мило с его стороны, учитывая мою ситуацию.

Так. Спокойно. Держись. Все не так плохо, как расписывает ирум Камден. Может, он

врет. А если нет? Подумаешь, мастер Эстеф тебя провел. Так это даже хорошо. Глядишь, ума прибавится. А из мастера Света мы еще найдем, как всю дурь выбить.

— Мило, — повторил он. — Конечно, это всегда мило, когда Свет продает своих Солнцу.

Блеск!

Зря только время и силы потратила. Как можно настолько упереться в собственное превосходство и игнорировать угрозу в виде злобного духа из Нижнего мира? Сейчас, пока он полностью не захватил тело, от него еще можно избавиться. А вот когда захватит душу и полностью с ней сольется, — ты уж прости приятель, никто тебе не поможет.

Глупый аристократ!

Ради этого я выбралась из приюта Милосердия? Послушать мерзости про Стража и орден Света. Можно подумать меня в первый раз пытаются убедить в чем-то подобном. В каждом городе, деревне, постоялом дворе, найдется умник, желающий раскрыть ужасающую истину, что прячется за семью печатями добрую сотню лет, а то и вовсе тянется корнями к зарождению Империи. И начинается: "Свет нынче тускловат", "А на Солнце-то пятна", и тому подобные рассказы. Не утверждаю, что все это не правда. Но я просто терпеть не могу, когда действие одного человека приравнивают к действиям всей структуры и наоборот. Страж есть Страж, а Обитель Солнца — это Обитель Солнца.

Масляная лампа тихо шипела. Шторы распахнуты. Сквозь зазор между шторок пробивалась узкая линия лунного света. Полная луна. За плотной материей темного бархата — чистое, безоблачное небо, усыпанное мириадами звезд. Россыпь блестящих точек на чернильной синеве небосвода.

Я не любовалась ночной красотой. Я подводила итоги.

Стальное перо, чернила из экстракта кампешевого дерева, чернильница из толстого стекла, бумага.

Я достала принадлежности для письма.

Мне просто необходимо подвести итоги событий последних дней.

Что мы имеем? Я потеряла магические силы. Какие варианты? Первый, — следствие магической комы. Второй, — решение вышестоящего представителя Света. В первом случае все можно вернуть. А во втором? Что хочет мастер Эстеф? Чего добивается? Не зря Ирбис предупреждал насчет него, ой не зря.

Идем дальше. Я ни на шаг не продвинулась в поисках Леды и Райта. Где они? Демоны с этим Райтом, Леда-то как могла отчислиться? Правильно — никак. Но значит ли это, что она в беде? Вовсе нет. Существует бесчисленное количество причин из-за которых девушка могла покинуть Академию. Тем более, лорд Камден отрицал свою причастность, а Страж уверял в том, что с адептами все в порядке. Верно... Здесь встает совсем другой вопрос: могу ли я доверять словам хотя бы одного из этих мужчин? Пока они оба стоят у меня под сомнением. Я своими глазами должна увидеть Леду или хотя бы получить от нее весточку.

Я отложила листок для Дневника в сторону и взяла новый. Слова дались не сразу, но вскоре чистый лист заполнили витиеватые чернильные строчки. Второе письмо не сильно отличалось содержанием от первого, являясь точной копией. Третье и четвертое были идентичны первым двум, разве что внизу, под моим именем была приписка "направить ответ в почтовое отделение Нового города с пометкой "до востребования".

Я никогда не возила с собой свой собственный Дневник. Слишком опасно. Как бы ты не

пытался все предусмотреть, всегда существует фактор внезапности. Багаж могут украсть, он может утонуть, сгореть, потеряться. Кто-то случайно может перепутать свои вещи с вашими. И все, Дневник утерян! Не помогут ни поисковые заклинания, ни обряды на крови. В свое время великий демонолог как следует постарался, чтобы прикрыть любое магическое излучение личного артефакта. К счастью, Дневник невозможно уничтожить. То есть, возможно, конечно, но проклятая вещь имеет энергетическую связь с Нижним миром и самостоятельно восстанавливается через определенное количество времени. Дневник — это самый надежный способ сохранить важную информацию. Наша память слаба и неустойчива, ум хитер и изворотлив, чувства и вовсе непостоянны. Нас легко обмануть, а порой мы сами рады обмануться. Дневник не врет никогда. Поэтому я всегда пишу в нем только факты, вынося за скобочки самые искренние чувства и порывы.

Последние несколько листов исписаны информацией о местах, в которых я побывала, маршрутах, которые прошла, библиотеках, что посетила. И все бесполезно. Сведений об Эрин нет нигде. Карта Империи исчеркана крестами. Последний чистый кусочек — библиотека Старого города. Ее башня. Башня Мага — маленькая мечта скромного посланника Света, который почти соприкоснулся с последним оплотом знаний человечества об этом мире. Все что мне нужно — парочка спокойных месяцев без мужчин. От них одни проблемы.

Вот возьмем Стража Солнца. Хороший человек. Сильный. Надежный. Немного застенчивый. Привлекательный. Умный. Обеспеченный. Главное — зрелый, если не брать в расчет слова ирума Камдена. Не буду кривить душой, мне приятно его внимание... когда он не лезет не в свое дело. Когда мужчине исполнится сорок, оковы Солнца спадут и он будет вправе завести семью. Ему нужен кто-то попроще и поспокойней. Без секретов и без темного прошлого. Имир Клоу достоин чего-то лучшего...

Даже если ирум Камден не выдумывает...

Страж Клоу мог так со мной поступить? Мог подстраховаться и попросить помощи у мастера Света, чтобы тот временно заблокировал мои силы? И что тогда? Вот она я: без магии и без сил. И что? В любой момент меня могу признать неспособной нести бремя посланника Света, лишит полномочий, привилегий, некоторых прав. Я получу статус горожанки Старого города и буду вынуждена искать новую работу. Не самое страшное будущее, учитывая, что мне от этого города нужна только библиотека. А дальше — это добраться до своего Дневника и сбережений. И все. Результаты поисков на чистые страницы и прощай опасный город со сломанными фонарями и глупыми ритуалами.

А если бы нет? Будь я тем человеком за которого себя выдаю? Посланник Света, отрекшийся от семьи. Совершенно одинокий. Без друзей, без целей, без интересов. Что бы я делала? Закуталась в одеяло и заказала бы парочку бутылок вина. Потому что все. Жизнь кончена. Можно помахать ручкой карьере, свободе, удачному браку и счастливой жизни. И здравствуй постмагическая депрессия еще на десяток лет. Я знаю, что такое постмагическая депрессия. Я о ней читала и видела людей, попавших под ее влияние. В лечебнице для душевнобольных отведено целое крыло для магов, страдающих от этого страшного недуга.

Нет. Страж Клоу так бы со мной не поступил. Слишком велик шанс попасть в те девяносто пять процентов, что не справляются с утратой своих способностей и прощаются с жизнью. Но если силы ко мне вернутся? Если вся в расстроенных чувствах, я соглашусь на брак, а после, "чудесным" образом получу магию обратно? Постмагическая депрессия пройдет, а вот от брака я уже никуда не денусь, но...

В дверь постучали.

— Войдите, — я быстро запихнула листы с черновиком для Дневника и два письма в ящичек секретера.

— Добрый вечер, руми Латер.

На пороге стоял Страж. Морщинки скопились в уголках потускневших глаз. Шрам сгладился. Над переносицей пролегла глубокая складка, придававшая выражению лица еще большую усталость. И только глаза продолжали лихорадочно блестеть, свидетельствуя об огромном количестве сил, которым обладал этот человек, о его неукротимой воле и готовности до конца служить Обителю.

— Страж Клоу, — поприветствовала я мужчину. — Рада, что вы согласились прийти в столь поздний час.

— Разве я мог вам отказать в такой малости? Как вы себя чувствуете? — Он окинул взглядом заправленную постель, пустые бутылки с зельями, маслянистые лампадки и весь набор писчих принадлежностей. Не утаился от него и собранный чемодан около пустого платяного шкафа. — Вижу, что лучше. — Тяжелой поступью он прошагал внутрь комнаты. — Куда-то собрались?

Иногда жизнь подкидывает такие ситуации, когда легче просто не знать. Незнание дает спокойствие. Пока подозрения беспочвенны их можно игнорировать.

— Как знать, — неопределенно ответила я, пытаюсь до конца распознать те чувства, которые я на самом деле испытывала к мужчине. Могло ли там быть что-то помимо уважения?

— Вы же понимаете, что... — он открыл рот, чтобы прочитать мне долгую лекцию о том, что в моем состоянии противопоказаны любые переезды, но сам себя обрывал. Страж Клоу прекрасно осведомлен, что нет ни одной законной причины, чтобы удерживать меня здесь. — Да, вы все понимаете, — подтверждает он сам себе. Его слова отдают горечью и пряностью специй. Я начинаю теряться. — Вы расскажите, что произошло?

— Вы об утреннем инциденте или о сорвавшемся ужине?

— О чем угодно, руми Латер. — Его взгляд — отражение моего. Он точно так же, как и я, не готов слушать жестокую правду, но отдает себе отчет в том, что без этого толчка с места нам не сдвинуться. — Я хочу, чтобы вы мне рассказали хоть что-нибудь. Вы все держите в себе и я не имею ни малейшего представления, о чем вы думаете. И мне это очень не нравится. Вас что-то сильно беспокоит. И у вас есть на это все причины. Видит Свет, на вас свалилось не мало бед в последнее время. Вы совершенно одна в ненавистном вам городе. Магия вас оставила...

Он продолжал перечислять последние события, поражая знанием тех проблем, которыми я обзавелась. Слышать их со стороны оказалось еще более ужасней, чем в собственной голове.

Я внутренне сжалась, одновременно ожидая и страшась услышать те заветные слова. Неужели этот тот самый разговор?

— Ирум Камден рассказал о вашей сделке с мастером Эстефом, — неожиданно для самой себя, выпалила я.

— Какой сделке? — в его вопросе не удивление, но заинтересованность. И видят Старые боги, я понятия не имела, как это правильно трактовать. Сейчас все на свете отдала бы за один из тех амулетиков, что носят при себе Сестры Крови.

Я рассказала.

И это оказалось таким безумно глупым. Каждая фраза звучала, как бред пятнадцатилетней дурочки, впервые увидавшей красивого мальчика, как байка из арсенала престарелой кошатницы, начитавшейся любовных романов. Потому что, если смотреть на все объективно — я не самая лучшая партия: ни богатств, ни влияния, ни магии, ни молодости. От знатных родственников отказалась. Неземная красота — это тоже не про меня. Что осталось? Мешок странностей, да пара устаревших фокусов. У Стража нет причин добиваться моей руки. Невыгодно! Совершенно. Разумных причин нет для создания многоходовки с лишением посланника Света магии, только ради того, чтобы женить на себе.

Ирум Камден пытался сбить меня с толку. Bravo! У него получилось. Я выгляжу самовлюбленной дурой перед человеком, чье мнение имеет для меня значение. Поверьте, таких людей меньше, чем пальцев на одной руке.

Я могла ожидать насмешки. Разочарования. Но мой Страж никогда бы не опустил до подобных эмоций. Очень тихо, с ноткой грусти, он спросил:

— Вы думаете, я мог с вами так поступить?

— Я не знаю, что думать, — прикрываю глаза. Мне стыдно за свои сомнения.

— Значит, мое слово против слова... лорда Геригона?

И почему я решила, что разговор выйдет не в пример проще, чем с ирумом Камденом?

Я прислушалась к себе. К своим чувствам. К сердцу. Где-то там, под слоем защиты и горького опыта, сидела маленькая девочка Делли, которая прониклась к Стражу доверием и любовью с первого мгновения. А я? Я хотела верить Стражу. К демонам доводы разума! Попроси назвать меня слово, которым можно описать Имира Клоу — это честь. Для меня это означало только одно:

— Будет только ваше слово, Страж Клоу.

Заминка.

— А если это правда?

— Что?

Я была изумлена? Вовсе нет. Изумление слишком блеклое чувство по сравнению с тем, что я испытала. Огненный взрыв и оглушающая пустота. Черно-белый мир на фоне слабого потрескивания угасающей магии. И я словно падаю, и падаю, и падаю, и... замираю в воздухе, готовясь то ли к экстремальной посадке, то ли к тому, чтобы расправить крылья.

"Если". Он сказал — "если".

— Если я действительно собирался... — он всего на мгновение замолчал, чтобы добавить куда более твердым голосом, — ...собираюсь сделать вам предложение, то что? Я теперь подлец? Мерзавец? Это означает, что я пользуюсь вашим бедственным положением?

Мы все еще говорим о гипотетической ситуации?

Мужчина повернулся к окну и сделав пару шагов, отодвинул шторы в сторону. Металлические крючки не привыкшие к подобному обращению, жалобно скрипнули. Мягкая дорожка серебристых лучей скользнула по подоконнику, плавно снизойдя на пол. Опустив руки на подоконник, Страж Клоу чуть поддался вперед, вглядываясь синеву сгущающихся сумерек.

— Я в растерянности, руми Латер, — не глядя на меня, произнес он. — Не потому, что вы меня обвиняете в столь недостойном для Стража Солнца поступке. От Камдена я ожидал худшей реакции. Этот человек на многое готов пойти, чтобы испортить мне жизнь. Но обсуждение моих врагов — это не то, с чего бы я хотел начать разговор. Вот в чем дело, руми Латер, правда или нет, — это совершенно бесполезный разговор ровно до тех пор, пока вы

не скажите, испытываете ли вы ко мне хоть какие-нибудь чувства.

Он медленно повернул голову, позволяя алебастровым лучам осветить свой профиль, и я поняла, что отвечать придется правду.

— Он был вам хорошим другом?

— Не считая того, что сейчас между мной и Камденом?

Я кивнула.

— Единственным.

Мы стояли над могилой покойного ирума Сайнга. Кованная оградка увита свежими цветами припорошенными первым снегом. В центре могилы тлел маленький огонек. Обычный жертвенник, который зажигался после погребения мага. Такие не держатся дольше четырех дней. Но этот горел непрерывно уже третий месяц. На самом камне из синего мрамора, что стал магу надгробной плитой, то тут то там виднелись мелкие царапинки. Если бы я могла видеть плетения магии, то на месте аккуратных сколов заметила бы целый цветастый хоровод различных посланий. Очевидно, преподавателя Сайнга adeпты любили. Куда не кинь взгляд, виднелись разные заклинания, оставившие следы на могиле. Каждый по-разному высказывал свое почтение ушедшему магу. Ни одна Стихия не обошла его своей милостью. Чувствовалась внесенная лепта от каждого адепта.

Я стояла рядом со Стражем Клоу, держа в руке две пурпурно-красных лилии и пытаюсь воскресить в памяти образ мэтра Сайнга. Теплый, шерстяной плащ укутывал меня с ног до головы полностью защищая от снега и ветра. Погода стояла на удивление тихая и спокойная, но поскольку кладбище для магов находилось на пустыре, порывы ледяного ветра время от времени затягивали легкий снежок в воронки. Погода за пределом города всегда отличалась от той, что оставалась за высокими стенами. Круглый год маги Академии поддерживали в Старом городе комфортные климатические условия, защищая население от через чур холодных зим, осенних ураганов, летней жары, весенних ливней и гроз. Хватало чудес и на территории Нового города. Но здесь, в нескольких километрах от главных ворот, Стихии властвовали безраздельно, во всю наслаждаясь своей мощью.

— Мне жаль. — Я теребила в руках стебли цветов и все никак не решалась сказать, что подозреваю в смерти мэтра Сайнга другого давнего друга-врага моего Стража. Больше было некому. В тот день ирум Флем занимался мной и Ледой. И я точно помню, как руми Парнс уточняла у Камдена, действительно ли мэтр мертв. На что лорд Геригон сообщил, что этим занимается его человек. Пусть Камден не участвовал лично, но он явно был заказчиком. Более того, мужчина точно знал, что погибший — друг Стража Клоу.

Что за кошка должна была пробежать между этими двумя?

Я придвинулась к мужчине ближе и дотронулась до его плеча.

— Мы так и не смогли выяснить, кто это сделал. Единственная наша зацепка — это Прия Парнс. Но она как сквозь землю провалилась. Известно, что она покинула Старый город и последний раз ее видели на главной площади Нового города. На этом все ниточки обрываются. Мы разослали во все Школы ориентировку на человека, которого вы описали как Флема, но результатов до сих пор нет. Обитель собирается закрыть это дело, свалив всю вину на прядильщицу. Проверка от Ордена Света завершена. Все сотрудники,

командированные к нам возвращаются обратно. Остался только мастер Света. Не понятно, какие цели он преследует, но мне с трудом верится, что уважаемый Эстеф решил задержаться, чтобы отпраздновать с нами зимний Парад Стихий.

Я скользнула рукой ниже, позволяя Стражу обхватить мою ладонь своей. Абсолютно невинный жест. Не более, чем знак поддержки. Но голосок в голове, назвавшийся совестью, непреклонно нашептывал о том, что сейчас мы находимся на могиле единственного друга Стража Клоу, что я поступаю не просто подло по отношению к ним двоим, но и одним своим присутствием оскверняю светлую память мэтра.

— Что говорит Академия? — Я пыталась зацепиться за какую-нибудь мелочь: падающую снежинку, пушистое облачко у горизонта или одинокую ворону, пытающуюся сорвать подмерзшую ягоду с плодового деревца, но так или иначе, взгляд возвращался обратно к надгробию. Витиеватая надпись гласила: "Он познал Силу и ушел вслед за ней". Это была цитата из какой-то книги, но автора я припомнить не могла.

— Еще держатся. У них было несколько зацепок, но все они ни к чему не привели. Господин Чабер, конечно же до последнего не успокоится. Но и он не всемогущ. Кажется, мы столкнулись с неведомой нам силой. Улики либо испорчены, либо непригодны. Свидетелей нет. Кто-то пропал, кто-то уехал, кто-то молчит. Мы все ждали вашего пробуждения, руми Латер. — Он замолчал. Но продолжение не требовало слов. Все было и так понятно. Я не смогла ни чем конкретным помочь следствию, полностью увязнув в собственных проблемах.

— Мне жаль, что не смогла ни чем помочь, — все-таки ответила я.

Он словно не услышал моих слов. Он пребывал в каком-то своем далеком мире.

— Знаете, руми Латер, когда все раскрылось, ректорат долго не мог решить, каким образом представить его смерть. В качестве предателя, который пошел на сделку с солнечными за спиной у Академии или как героя, раскрывшего секту демонопклонников, за которой тянется долгий, кровавый след. Весы склонились в пользу последнего, когда адепты организовали свой собственный клуб в память о любимом преподавателе. Подростки более откровенны в своих чувствах, чем мы, — он чуть крепче сжал руку, отдавая мне часть своего тепла. — Они не позволили очернить его имя.

Я понимающе кивнула. Осторожно освободила ладонь из его теплых оков его руки. Присела на корточки и возложила цветы к горящему огню. С маленького портретика на надгробии улыбался мэтр Сайнг.

— Я вернусь к зимнему празднику, — сказала я, поднявшись с земли. Отряхнув подол от липких снежинок, продолжила: — Мне нужно завершить несколько важных дел. Подчистить все хвосты, так сказать.

— Разобраться с племянницей? — Он интонацией выделил последнее слово, явно намекая, что ни на мгновение не поверил в историю с дочерью тайного брата.

— В числе прочего, — согласилась я.

— Я попробую что-нибудь выяснить у мастера Эстефа по поводу ваших сил.

— Сильно не увлекайтесь, — предупредила я, вспоминая слова Камдена.

— Вы что-то подозреваете?

— Помимо ранее сказанного? — В ответ он пожал плечами. — Слишком он милый и благожелательный для человека, который занимает такую должность. И кстати, еще об одном невольном участнике наших отношений...

— Я рад слышать, что у нас есть отношения...

Я невольно усмехнулась

— ... но еще об одном участнике? — искренне удивился Страж Клоу. — А можно узнать, сколько их всего?

— Один. Всего один, — замотала я головой. — Может, двое. Но второй это вообще не мужчина. А остальных я даже не считаю и...

... и надо вовремя заткнуться.

Страж едва заметно улыбался.

— У нас у всех есть свое прошлое, — подвела я итог собственным мыслям. — Но говоря о настоящем: не нравится мне лорд Геригон. Не связывайтесь вы с ним.

— Я справлюсь.

Развернувшись, мы медленно зашагали в сторону кареты.

— Я серьезно. С ним что-то не так.

"Все. С ним абсолютно все не так!" — но этих слов я добавлять не стала, как и тех, что изобличали бы Камдена в каких-то более страшных вещах. Ведь тогда бы мне пришлось рассказать Стражу и про встречу с лордом, и про Дневник, и про Эрин и еще про много других вещей, которые я не была готова рассказывать, не завершив всех дел.

Ожидание воплощения угроз, высказанных аристократом, пугало больше, чем мгновенное возмездие. Пока он не предпринял никаких шагов, но затянувшаяся пауза между нами сводила с ума. Мне срочно требовались новые козыри для предстоящей игры, и я знала, где их достать.

— А вы не забывайте, что у вас больше нет магии, — в тон мне ответил мужчина.

Душа была спокойна. Я уезжала. И собиралась вернуться. Не к зимнему празднику, а к конкретному человеку. Мы не давали друг другу обещаний кроме тех, в которых говорилось об осторожности. Я просила себе время, чтобы все обдумать. А он был согласен ждать. Слова любви не звучали. Я не из тех, кто в них верит. Имир не из тех, кто озвучивает очевидные вещи. Его непоколебимая уверенность против моей застывшей паранойи. И все это в рамках семилетних встреч, которые каждый из нас воспринимал по-своему. Вот и получились два человека, которые ничего друг другу не должны, но каждый из которых хранит робкую надежду. На что? На нормальную жизнь. И сейчас, в это мимолетное мгновение, краткий миг вне времени, во мне было достаточно смелости признать, что я в числе этих упомянутых двоих.

— Туда куда я направляюсь, она мне не понадобится, — хмыкнула я, засовывая руку в карман и нащупывая кожаный шнурок с маленьким камушком на конце.

Кто-то сегодня попробует натянуть на себя костюм Сестры Крови и вспомнить парочку отличных трюков из прошлой жизни. Потому что ни это тело, ни этот разум, не готовы к предстоящей битве.

Я уходила.

А навязчивый голос в голове подсказывал, что я сбегала.

Продолжение во втором томе.

Больше книг на сайте - Knigolub.net